

ВСЕ,
ЧЕГО ОН
ХОЧЕТ

СОБЛАЗНЕНИЕ МИЛЛИАРДЕРА 5

ОЛИВИЯ ТОРН

Лили встретила его на работе — потрясающе красивого, обаятельного незнакомца, который сбил ее с ног и унес в мир богатства и привилегий. Благодаря Коннору Темплтону Лили почувствовала удовольствия, которые испытывали немногие женщины, и увидела чудеса, которые мало кому посчастливилось узнать. Это была самая волнующая и чувственная неделя в ее жизни. Но все скоро изменится. Враги из прошлого Коннора вернулись, полные решимости уничтожить его. Для этого они собираются использовать Лили. Падет ли бизнес-империя Коннора? Будет ли жизнь Лили испорчена порочным заговором? И самое главное... переживет ли любовь Лили и Коннора разрушения вокруг них?

Оливия Торн

Все, чего он хочет

Соблазнение миллиардера 5

Перевод группы vk.com/bambook_clubs

Переводчики: *Яна Хусаенова, с 29 гл Татьяна Лях*

Редактор: *Екатерина Камченкова*

Вычитка: *Анна Мурзина*

Обложка: *Машуля Валеева*

Мужчина моей мечты впервые за восемь месяцев увидел свою бывшую невесту.

Но судя по боли на его лице, она разбила ему сердце только вчера.

Хуже того, она держала за руку его брата.

Я не уверена, что «посыпать соль на рану» адекватно передает степень агонии.

Для Коннора, я уверена, это была пытка.

Для меня — нечто большее.

Потому что мужчина, в которого я была влюблена... ну, он явно не пережил расставание с ней.

Я не знала, что ранило больше: то, что он все еще испытывал к ней чувства...

...Или то, что я не смогла заставить его забыть о ней.

Но, помимо эмоциональной боли, я чувствовала скрытую угрозу и страх. В тот день она явно преследовала меня. Она подошла ко мне и начала разговор, даже не представившись.

У нее должна быть причина.

И о, она у нее была.

Знамение апокалипсиса.

Коннор в одиночестве стоял перед гигантским панорамным окном пентхауса на фоне дневного Лас-Вегаса.

Мы с Джонни были в углу главной комнаты, прямо в коридоре, ведущем на кухню и в столовую.

Родители Коннора, Огастус и Ленора Темплтон, держались на расстоянии от меня и Джонни, наблюдая за своим сыном, как хищные животные, готовые сожрать своего детеныша.

Четверо телохранителей, похожих на секретную службу, неподвижно стояли в каждом углу комнаты, как безмолвные зловещие статуи.

Плюс — Винсент и Миранда рука об руку у входной двери.

Около пяти секунд в комнате царила гробовая тишина.

Затем Коннору удалось восстановить над собой контроль.

Я видела, как равнодушие снова вернулось на его лицо. Вся боль исчезла, осталось только прохладное, веселое презрение.

Возможно, было бы лучше, если бы мы не видели, как глубоко Миранда его ранила.

— Подхалим и золотоискательница. Надеюсь, вы будете очень счастливы вместе, — сказал Коннор с ироничной улыбкой. — Вы, черт возьми, друг друга стоите, это точно.

— Это произошло неожиданно, — возразил Винсент.

Я осмотрела его. Он выглядел как видоизмененный клон Коннора — ниже ростом, со светлыми волосами, тем же подбородком и носом, — но в сочетании с пухлыми чертами лица и слегка выпирающим животом. Более высокий голос не улучшил ситуацию. Привлекательный мужчина — но о нем можно сказать «Хм, неплохой» вместо «О, черт возьми, да».

Винсент был одет на миллион долларов. Казалось, это была единственная общая черта клана Темплтонов.

Коннор горько рассмеялся.

— Произошло неожиданно? Я знаю, что Миранда ничего не делает, не продумывая на шесть ходов вперед. Но ладно, верь во что хочешь.

— Ты должен быть счастлив за нас, — сказала Миранда своим хриплым и сексуальным голосом.

Будь она проклята.

— О, я счастлив. — взмахнул руками Коннор — Две груды ядовитых отходов в одном месте, а я остался чистеньким. Не могу быть счастливее.

Миранда улыбнулась, как будто он ее развеселил. Едва заметно.

— Ты сказал правду: я никогда ничего не делаю, не планируя на шесть ходов вперед.

— Да, это то, что мне всегда нравилось в тебе, — усмехнулся Коннор. — Шахматный мастер блестящих социопатических игр разума.

— Не сердись, дорогой, только потому, что я обыграла тебя.

Ой.

Я поморщилась.

Коннор этого не сделал. Маска равнодушия осталась на месте.

Но потом дела пошли еще хуже.

— Не заставляй меня делать это снова, — продолжила Миранда. — Прислушайся к совету родителей и откажись от своего небольшого предприятия в Неваде.

— Или что? Ты меня опять обманешь?

Она не ответила, вместо этого достала какой-то предмет из черной причудливой сумочки. Не могу назвать бренд, но сумка соответствовала ее общему стилю: Миранда Локвуд была недостаточно бестактной, чтобы выставлять напоказ что-нибудь столь же очевидное, как Louis Vuitton. Я подсчитала, — одежда на ней стоит не менее 30 000 долларов, но узнать наверняка можно, только если вы достаточно богаты.

Я была немного удивлена, когда «объектом», за которым она полезла в сумку, оказался iPad. Я ожидала чего-то либо инкрустированного бриллиантами, либо смертельно опасного. Или и то, и другое.

Мало ли.

Она спустилась по ступенькам в главную комнату, протягивая iPad Коннору.

Приближаясь к нему, она посмотрела на меня.

— Возможно, вы захотите это увидеть, мисс Росс, поскольку это касается и вас.

Она сказала «Мисс Росс» как какой-то киллер или серийный убийца. У меня мурашки побежали по спине. Мое имя прозвучало отстраненно, безжалостно, но с маленьким намеком на удовольствие.

Я подошла к Коннору, словно загипнотизированная.

К тому времени, как Миранда была в трех футах от меня, я могла видеть то, что было на экране.

Меня чуть не вырвало.

Это была фотография двух людей, занимающихся сексом. Мужчина был полностью одет, женщина... в меньшей степени. Стоя у кирпичной стены, со стеклянной раздвижной дверью в стороне.

Полагаю, нельзя было однозначно сказать, что они занимались сексом, хотя это было довольно очевидно по ногам женщины, обвивавшимся вокруг талии мужчины, и по ее черному платью, спущенному ниже ее обнаженной груди.

Не говоря уже об выражении удовольствия на ее лице.

Моем лице.

Коннор не попал в камеру, но мои черты были отчетливо видны.

Я хотела отвернуться, но не могла.

Это было похоже на вне телесный опыт. Вы стоите, как призрак, глядя, как умирает ваше смертное тело.

Ужасно видеть, но невозможно отвести взгляд.

Мой разум был в полном беспорядке, пока я боролась с тошнотой.

Откуда взялось фото?!

Я никого не видела с фотоаппаратами!

Я вспомнила мужчину и женщину, которые видели, как мы занимаемся сексом. Рок-н-ролл, чувак и горячая цыпочка.

Это сделали они?

— Должна признать, — промурлыкала Миранда, — я думала, пройдут месяцы, прежде чем ты совершишь что-то достаточно глупое. Но потом вы дали мне именно то, что мне было нужно... — Она посмотрела на меня. — ...на блюдечке с голубой каемочкой.

Я взглянула на Коннора.

Он с каменным лицом смотрел на экран.

— И это все? — тихо спросил он. — Это твое оружие судного дня?

— Если думаешь, что этот снимок недостаточно позорит тебя, не волнуйся, у меня более чем достаточно фото, где совершенно очевидно, что это ты.

Миранда начала пролистывать картинки легкими движениями пальца.

Фото за фото, с двух разных точек обзора: одна на уровне земли, другая — с высоты, вероятно, в тридцати футах над землей. Может быть, здание напротив того, где мы были.

Стало ясно, что пара, которую я видела, не были фотографами. Они были на дальней стороне кадра на некоторых из высоких планов и представляли собой размытые формы на переднем плане других, как будто были препятствиями, мимо которых фотограф фокусировался.

Каждая новая фотография была словно удар ножом в живот.

Кадры, на которых я пребываю в экстазе.

Кадры, на которых лицо Коннора в профиль, так что видно, что это явно он. Его лицо исказилось от удовольствия.

Наше отражение в стеклянном окне.

Потом я натягиваю платье, а Коннор поправляет штаны.

Мы выходим из кирпичного ограждения, держась за руки.

Я хотела умереть.

Коннор был холоден и отстранен, как статуя.

— Опять же — это все, что у тебя есть?

Я в ужасе уставилась на него.

Я надеялась, что с его стороны это было какое-то долбаное балансирование на грани войны.

Сказать это все, что у тебя есть? Это было похоже на то, как президент сказал террористу: пара атомных бомб? Это все, что у тебя есть?

Миранда улыбнулась.

— Это и информация о том, что ты положил 50 000 долларов на банковский счет мисс Росс. Судя по фотографиям, она упорно трудится за деньги... но я надеюсь, что ты получил более одной «транзакции» по этой цене.

Я перешла от тошноты к желанию убить эту суку.

Это было совсем не похоже на мою неприязнь к господину Клаусу.

Если бы мы вернулись в мой офис с открывашкой для писем на столе, даже угрозы камеры смертников было бы недостаточно, чтобы остановить меня в данный момент.

Миранда протянула Коннору iPad.

— Вот. Возьми. Поскольку все они в цифровом формате, у меня бесконечное количество копий.

Коннор не протянул руку. Он просто холодно смотрел на Миранду.

Она пожала плечами, затем подошла и положила iPad на ближайший диван.

— Я оставляю это здесь. Чтобы вы могли посмотреть, пока обсуждаете.

— Что тут обсуждать?

— Ну, на самом деле обсуждать нечего. Вам и так должно быть понятно, что делать. Но я полагаю, тебе нужно сохранить лицо и потратить некоторое время, создавая впечатление, что у тебя есть другой выход.

— И что же ты хочешь, чтобы я сделал?

— Я думаю, ты знаешь.

— Расскажи мне. Просто чтобы посмеяться.

Миранда сузила глаза от отвращения, как будто ненормативная лексика была ниже ее достоинства, хотя шантаж явно не был.

— Если ты не откажешься от своих планов в Неваде, мы опубликуем эти фотографии во всех СМИ страны. Мы также передадим информацию о выплате 50 000 долларов мисс Росс. Мы обязательно свяжем твое имя с каждым политиком, которого, как ты думаешь, ты купил здесь и в Вашингтоне. В добавок мы мобилизуем все семейные ценности и консервативные христианские группы в стране, чтобы наводнить офисы тех же политиков телефонными звонками, спрашивая, почему мужчина, нарушающий закон с проститутками, пользуется благосклонностью государственных служащих. Я уже придумала несколько заголовков: «Миллиардер облажался, проститутка и американская политики». Или «Миллиардер, обслуживаемый проституткой и избранный чиновниками».

Коннор натянуто улыбнулся.

— Как насчет этого: «Миллиардер советует семье и бывшей идти к черту».

— Я не проститутка!

Я была в ярости.

Миранда холодно посмотрела на меня.

— К тому времени, когда мы закончим, это единственное, что о вас узнают 300 миллионов человек... неважно — правда это или нет.

Меня действительно чуть не вырвало, когда она это сказала.

И я чуть не выколола ей глаза.

— Я подам на вас в суд за клевету. и вторжение в частную жизнь, — сказал Коннор.

И оплачу счет, чтобы Лили сделала то же самое.

— Чтобы получить приговор стоимостью в двадцать миллионов долларов? — Мистер Темплтон хмыкнул со стороны. — Это цена, которую я с радостью заплачу.

Миранда склонила голову.

— Не только это, я думаю, мы можем убедить окружного прокурора преследовать вас за публичное непристойное поведение, домогательство и проституцию, и, возможно, внести вас в реестр лиц, совершивших сексуальные преступления.

Коннор рассмеялся.

— Последний вариант довольно изобретателен. За что именно?

— Развращение несовершеннолетних.

— Там не было детей, — прошипел Коннор, впервые позволив своему гневу проявиться.

— Уверена, мы можем подкупить кого-нибудь из родителей, чтобы они сказали, что их ребенок вас видел.

— Вы нам все это рассказываете?! — удивилась я. — Вы признаете, что собираетесь платить людям за ложь?!

— На вашей стороне три свидетеля. На моей — восемь.

Я посмотрела на телохранителей. Никто из них не оглянулся на меня.

— Им платят за то, чтобы они говорили то, что мы хотим, — сказала Миранда, затем добавила с легким намеком на улыбку: — Плюс у меня есть фотографии. И они говорят о многом.

Я решила, что если меня все-таки вырвет, то я выплуну все на ее самодовольное личико в стиле экзорциста.

— Это никогда не пройдет в суде, — отрезала я, хотя, вероятно, звучала примерно на 1000 % увереннее, чем чувствовала себя.

— Не проблема, Лили, — сказал Коннор, к нему вернулось самообладание. — Речь идет не об уголовных обвинениях или судебных процессах. Они просто хотят разрушить мою репутацию и сделать меня отравленным для всех, кто пытается заключить сделку с солнечными батареями. Двадцать миллионов долларов — даже сто миллионов — мелочи по сравнению с миллиардами, которые они могут потерять.

— Кроме того, мы получаем «дополнительную пользу», видя тебя уничтоженным, — насмешливо сказала Ленора Темплтон.

Коннор посмотрел на мать.

— Спасибо, мама.

— За что, дорогой?

— Я немного сомневался насчет своих планов до вашего появления. Но ты сделала все намного проще. Я сотру всех вас в пыль.

— Всего несколько секунд назад я думала, что ты смотришь на вещи логически, — усмехнулась Миранда. — Ты действительно ничему не научился с прошлого раза?

Коннор посмотрел на нее.

— В третий раз повторяю — это все, что у вас есть?

Мои внутренности скрутились от его слов.

Миранда засмеялась сексуальным гортанным рычанием.

— Этого более чем достаточно. Если тебя не волнует ущерб, нанесенный твоему имиджу и планам, подумай хотя бы о том, какое влияние это окажет на мисс Росс. У меня создалось впечатление, что ты заботаешься о ней больше, чем о какой-нибудь простой уличной проститутке.

— Даже если она таковой и является, — воскликнула миссис Темплтон.

БОГ, я хотела убить их обеих.

Медленно.

Мучительно.

— А если я откажусь от всех своих планов в отношении Невады, тогда что — вы просто удалите фото? — Коннор ухмыльнулся.

— Их никогда никто не увидит.

— Даю слово, — добавил мистер Темплтон.

Коннор бросил на него взгляд.

— Да, я по опыту знаю, сколько это стоит.

Мистер Темплтон покраснел, но больше ничего не сказал.

— Тебе просто нужно нам довериться, — сказала Миранда.

— Пока я не сделаю что-то противоречащее твоим планам, и тебе не придется снова меня шантажировать, верно?

Она улыбнулась.

— Возможно, тебе просто не следует делать ничего, что противоречит нашим планам.

— Мне нравится, как прочно ты вошла в семью, Миранда, — сказал Коннор, затем презрительно передразнил ее: — Наши планы.

Винсент обвиняюще указал на Коннора пальцем.

— Это потому, что она больше похожа на часть нашей семьи, чем ты в течение многих лет.

— Но так не должно быть, Коннор, — сказала миссис Темплтон. Она почти убедительно сыграла желание увидеть, как ее своенравный сын возвращается в семейное гнездо. — Ты мог бы вернуться. Мы могли бы оставить вражду позади, если бы ты просто перестал относиться к нам как к врагам.

— Да, потому что мои лучшие друзья все время угрожают мне шантажом, — усмехнулся Коннор.

После того, как он сказал это, Ленора отбросила все притворства.

— Ты сказал своему отцу раньше: когда ты знаешь, что твой противник играет грязно, ты играешь еще грязнее. Что ж, дорогой, возможно, ты совсем не годишься для боя. Ведь ты недооценил своих противников... дважды.

— Ты права, — согласился Коннор. — Я просто думал, что вы плаваете в канализации. Я не понимал, что вы сами сточные воды.

Миранда вздохнула, как будто у нее были дела поважнее, и она устала от всего этого.

— Эти препирательства ни к чему не приводят. Дай нам окончательный ответ к 21:00. — Она повернулась и пошла прочь, добавив через плечо: — Как я уже сказала, я знаю, что тебе нужно сохранять лицо, делая вид, что ты обдумываешь наше предложение.

— И если я скажу «нет», то с утра увижу эти фото на всех утренних шоу.

Миранда подошла к Винсенту и обернулась.

— Тебе даже не придется так долго ждать. Мы пообещали одному из ведущих редакторов TMZ что-нибудь пикантное и скандальное. Он жаждет выложить это сегодня вечером на веб-сайт, даже если и не знает точно, о чем речь. Возможно, эти фото даже попадут в 11-часовые новости Лос-Анджелеса.

— Не думаю, что TMZ будет иметь большое значение, — фыркнул Коннор. — Моя фамилия не Кардашьян.

— Но Темплтон, — напомнила ему Миранда. — Одного этого будет достаточно.

— Тогда и вам достанется, — сказал Коннор своим родителям.

— Нет, если мы осудим тебя как развратного, помешанного на сексе дегенерата, — сказала миссис Темплтон.

— И даже если это как-то отразится на нас... оно того стоит, — холодно улыбнулся мистер Темплтон.

Он взмахнул рукой, и телохранитель открыл входную дверь. Трое других вышли проверить коридор, а затем Темплтоны покинули помещение. Винсент не удостоил нас своим вниманием. Мистер Темплтон просто бросил холодный взгляд на своего сына, а его жена усмехнулась надо мной, как будто я была грязью.

Миранда ушла последней.

— Девять часов, Коннор. Не позднее.

Она вышла, и телохранитель последовал за ней, захлопнув дверь.

Невозможно описать поток эмоций, захлестнувший меня, но вот самые важные из них:

Страх.

Ярость.

Стыд.

Ненависть.

Боль.

И тошнота, что на самом деле не является эмоцией, но скажите это кому-нибудь прямо перед тем, как вас стошнит.

Я посмотрела на Коннора. Проигнорировав меня, он просто подошел к дивану, взял iPad и бесстрастно уставился на экран.

Я нерешительно повернулась к Джонни. Мне было трудно встретиться с ним взглядом, интересно, видел ли он фотографии и что он о них думает, но, когда наши глаза наконец встретились, я была рада увидеть, что не только я была не в своей тарелке.

Он смотрел на меня, его лицо было полно сочувствия и боли. Затем его взгляд упал на Коннора, и беспокойство на лице Джонни увеличилось вдвое.

Я снова посмотрел на Коннора.

Он листал фотографии с пустым выражением лица.

— Коннор? — прошептала я.

Он не ответил, просто продолжил водить пальцами по экрану.

— Коннор, поговори со мной, — прошептала я.

Внезапно это было похоже на прорыв дамбы, — вся ярость, гнев и ненависть вырвались наружу одновременно.

— ПРОКЛЯТЬЕ! — крикнул он, бросая iPad.

Я взвизгнула и прикрыла голову, хотя планшет даже не упал рядом со мной.

IPad ударился о стену, от разбитого экрана отлетели кусочки пластика, прежде чем он с грохотом упал на пол.

Джонни оказался передо мной в мгновение ока, встав между мной и Коннором.

Хотя это было ужасно, ему незачем беспокоиться. Коннор был в своем собственном аду, когда он топал прочь от нас.

— Черт побери! Черт побери! — кричал он, ероша руками волосы.

А потом он остановился, его плечи приподнялись, он повернулся к нам спиной.

Через несколько секунд Коннор наполовину поднял руку, словно окликнув нас с далекой горы.

— Мне очень жаль, — сказал он тихим спокойным голосом, по-прежнему отвернувшись от нас. — Я не должен был этого делать.

Я прошла мимо Джонни. Тот пытался удержать меня, но без особого энтузиазма. Я оттолкнула его руки.

Но чем ближе я подходила к Коннору, тем больше я становилась неуверенной.

— Коннор, — прошептала я.

Он по-прежнему не оборачивался и не смотрел на меня.

Вместо этого он склонил голову и закрыл лицо руками.

— Так глупо... как я мог быть таким чертовски глупым... — прошептал он.

Я положила руку ему на плечо... слегка. Нерешительно.

По правде говоря, я боялась. Но все равно сделала это.

Он убрал руки от лица и посмотрел на мои пальцы. Затем Коннор проследил взглядом вверх по моей руке к моему лицу, пока не посмотрел мне в глаза.

Он выглядел усталым... побежденным.

Затем... словно единственный солнечный луч, пробившийся сквозь облака... уголок его рта слегка приподнялся.

— Так. Как тебе моя семья? — невозмутимо спросил он.

Я засмеялась — пара коротких смешков, в основном от шока. Я ничего не могла с собой поделаться.

— Они ... вроде как засранцы, — сказала я.

Теперь он расхохотался. Затем Коннор взял меня за руку и прижал к себе.

Его подбородок уперся мне в макушку, и он глубоко вздохнул. Я чувствовала, как его грудь шевелится рядом с моим ухом.

— Ну... вот и все, — пробормотал он.

Я нахмурилась и отстранилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Они выиграли.

Я смотрела на него.

— ...как?

Он посмотрел на меня, одновременно хмурясь и улыбаясь.

— Я не могу позволить им сделать это с тобой.

Казалось, мое сердце вот-вот лопнет.

— Ты бы... ты бы бросил... все свои...

Он потер лицо рукой.

— Какая еще у меня есть альтернатива? Смотреть, как тебя тащат по грязи? — Он покачал головой и посмотрел вдаль. — Если бы я не был таким чертовски глупым...

— Это моя вина, — прошептала я.

Он рассмеялся, коротко и горько.

— Нет, это все я, и мы оба это знаем. Я позволяю своему члену думать за меня, и вот что...

— Нет, — выдохнула я. — Я имею в виду... если ты им уступишь... тогда это моя вина.

На этот раз он просто нахмурился. Улыбки не было.

— Нет, Лили. Нет, ты не можешь так думать.

Но я не слушала, что он говорил сейчас, зато слышала, что он сказал мне вчера вечером.

Представь себе мир, в котором электричество стоит меньше одной десятой от того, что оно стоит сейчас, не говоря уже о том, что оно не загрязняет окружающую среду.

Я хочу быть парнем, который изменит мир к лучшему. И если я не могу быть им, тогда я хочу помочь парню, который собирается изменить мир к лучшему... мечтателям, ученым.

То, что принесет пользу не только богатым, но и бедным людям на всех континентах. То, о чем напишут в книгах по истории, что изменит ход человеческой цивилизации. Это то, чем я хочу быть. Чем-то потрясающим. Чем-то, что меняет мир.

Я ни за что не собиралась этому препятствовать.

Я не могла.

Я была в ужасе от того, что собиралась сказать, но промолчать не могла.

Я выпрямилась, как могла, и постаралась казаться как можно более храброй.

— Меня не волнует, что со мной будет. Если ты действительно веришь во все, что сказал мне прошлой ночью... тогда пошли их к черту.

Он уставился на меня. Затем Коннор покачал головой:

— Нет, Лили... ты не понимаешь...

— Они направляют пистолет тебе в голову, а в этом случае пистолет — я. А я не позволю им так поступить.

— Нет, ты не понимаешь. Пистолет направлен не на меня, а на тебя. Эти фото увидят твоя мать, твой отец. Они будут видеть их в новостях, в газетах, в интернете. Этого не избежать. Твоя бабушка с дедушкой живы? Они тоже их увидят. У тебя есть брат? Он женился? Есть дети? Потому что все твои племянницы и племянники будут их видеть. Если не сами, то на телефоне каждого школьника. Все, кого ты когда-либо знала в средней школе и колледже — все, с кем ты когда-либо работала — увидят эти фотографии. Мало того, эти фотографии будут совать им под нос в течение нескольких дней, а может быть, недель. И не только фотографии, но и ложь и грязь, за которые Миранда и мои родители могут заплатить людям. Что ты проститутка. Что ты шлюха.

Я вздрогнула, когда он это сказал.

«Шлюха» — не самое красивое слово ни при каких обстоятельствах. Оно становится особенно уродливым, когда ты знаешь, что его собираются использовать, чтобы атаковать и унижить тебя.

— И это произойдет не только завтра утром — это останется с тобой до конца твоей жизни. То, что появляется в Интернете, никогда не исчезает. Когда кто-то наберет в Google твое имя через пять, десять, пятьдесят лет, они увидят тебя на этих фотографиях. Черт, им даже не придется гуглить — вероятно, это будет вторая или третья вещь, которая всплывет, если они загуляют меня. Твои дети узнают об этом с того момента, как впервые пойдут в школу. Другие дети — даже взрослые — будут показывать им эти фото. Даже если ты откроешь гребаное лекарство от рака или выиграешь Нобелевскую премию за мир во всем мире, эти фото будут упомянуты в твоём некрологе. Миранда и мои родители позаботятся об этом. Это то, с чем ты хочешь жить?

Я даже не думала об этом. Чем больше он говорил, тем больше походило на то, что я стою на платформе, которая поднимается все выше и выше в воздух — и с каждым словом у меня все больше кружилась голова. Меня снова тошнило.

Но я уже пошла по пути самопожертвования, черт возьми. Я не собиралась позволять нескольким поискам в интернете удерживать меня от благородства.

Хорошо, несколько миллиардов поисковых запросов в Интернете.

Но все равно.

— Я могу жить с этим, если ты можешь, — возразила я.

Коннор покачал головой.

— Я всю жизнь защищал свою анонимность. Я потратил миллионы на то, чтобы скрыться от всеобщего внимания — и поверь, это меня до чертиков пугает. Но на самом деле это мало что изменит. Да, это на какое-то время сорвало бы мои планы, но в остальном, мне наплевать, что другие думают обо мне. Но ты... мы говорим обо всей твоей жизни.

— Мы также говорим о твоей мечте, — настаивала я. — Или вчера вечером все было простой болтовней?

— Нет, — сказал он, балансируя между раздражением и весельем. Он знал, что я пытаюсь им манипулировать. — Но ты не представляешь, на что способны Миранда и мои родители. Они уничтожат тебя, не задумываясь.

— И ты собираешься позволить им уйти от ответственности, разрушив твои мечты? Ты собираешься позволить им снести бульдозером тот идеальный мир, который ты хочешь построить? Ты собираешься позволить им обмануть все эти миллиарды людей, которым ты

хочешь помочь?

— Нет, если это означает жертвовать собой.

— Потребности многих перевешивают потребности немногих, — сказала я.

Звездный путь II: Гнев Хана.

Спасибо, мистер Спок.

(Я же говорила, что я помешана на этом.)

Коннор поднес руки к лицу, прикрыв нос и рот, и просто посмотрел на меня. Затем он стал расхаживать из стороны в сторону.

— Хорошо... гипотетически, давай просто представим, как мы говорим им «нет». Они сразу же забивают радиоволны и Интернет этими фотографиями. Они привязывают скандал ко всем политикам, которые мне нужны для заключения сделки. Они запускают рекламные объявления о нападениях, платят, уговаривают и подстрекают сотни тысяч «обеспокоенных граждан» к телефонным звонкам. Политики ни в коем случае не станут иметь со мной дело. Я их теряю, и все равно проигрываю сделку. Вот что я имел в виду, когда сказал, что Миранда продумывает все на шесть ходов вперед.

Его голос стал горьким.

— Я могу ненавидеть эту сучку, но должен признать, что она хороша в том, что делает.

— Я думала, ты пригвоздил политиков.

— Не до такой же степени.

— Всего пятнадцать минут назад ты говорил своему отцу, что собираешься профинансировать всю их кампанию...

— Лили, это будет смерч из дерьмовой бури. Миранда позаботится об этом. Если политики останутся со мной, они не смогут от этого убежать. А политики делают все возможное, чтобы оставаться у власти. Связь со мной будет поцелуем смерти. При таком внимании средств массовой информации они не станут заключать сделки — и если у меня не будет земли, все будет кончено, так и не начавшись.

Он всплеснул руками.

— Миранда и моя семья победили. Это не твоя вина, а моя. Я был глуп, я ослабил бдительность. Они выжидали своего часа и воспользовались преимуществом. Теперь, в любом случае, они выиграли. Мы либо следуем их правилам, чтобы ты была в безопасности, либо бросаем им вызов и разрушаем твою жизнь. Но любой вариант будет им на руку. В любом случае... они побеждают.

Я чувствовала себя ужасно. Это не должно было случиться. Я не могла подвергнуть опасности мечты Коннора — я не могла разрушить будущее миллиарда людей, которых я никогда не встречала, только из-за одного короткого момента, который никому не навредил...

— Себастьян, — внезапно сказал Джонни.

Мы с Коннором посмотрели на него.

— ... что? — спросил Коннор, как будто неправильно его расслышал.

— Себастьян. Он едет. Я позвонил ему и сказал, что твои родители здесь. Он будет здесь через два-два с половиной часа.

Коннор посмотрел на Джонни и пожал плечами:

— Зачем ты мне это говоришь?

— О, Боже, — простонала я и закрыла голову руками. — Он убьет меня за то, что я позволила этому случиться...

— Себастьян не очень любит Лили, — сказал Джонни.

Я оторвала взгляд от своих рук.

— Спасибо, что напомнил.

Коннор рассердился.

— Это должно заставить меня чувствовать себя лучше? Потому что это не так.

— Нет, нет... Себастьян совершенно рассудителен в этом вопросе, — взволнованно сказал Джонни. — Ты неправильно понял. Я в этом совсем не разбираюсь. Но он в этом хорош. Этот парень знает, как лучше поступить, даже если... — Джонни замолчал и виновато посмотрел на меня. — ...Даже если это означает, что Лили пострадает.

На секунду мои внутренности скрутились, думая, что мое будущее может быть в руках парня, который последние пять дней уговаривал своего босса бросить меня. Затем я вспомнила, что всего несколько минут назад он был совершенно готов броситься на меня с объятиями. Несмотря на то, что я не совсем хотела, чтобы Себастьян меня обнимал, мое сердце вздрогнуло от маленькой надежды.

Коннор сузил глаза, словно обдумывая услышанное.

— Ты хватаешься за соломинку, Джонни.

— Я не думаю, что у нас есть другие варианты. Только не звони Миранде, пока не поговоришь с Себастьяном, — умолял Джонни.

Коннор подумал еще секунду.

— Как давно ты ему звонил?

— Когда мы с Лили были на кухне.

— Ты сказал, что он будет здесь через два с половиной часа? — спросил Коннор.

— Около того. Он забронировал рейс, а потом ему нужно взять такси.

— Перезвони ему и скажи, чтобы он использовал «Гольфстрим», на котором мы прилетели в пятницу. И я хочу, чтобы ты встретил его в аэропорту и доставил сюда как можно скорее.

Джонни просиял и вытащил свой телефон.

Должна признаться, я начинала чувствовать что-то вроде надежды. Коннор покачал головой и проворчал:

— Если есть хоть один шанс, что он поможет, дорога каждая секунда.

Судя по всему, «Гольфстрим» был частным самолетом Коннора, который он использовал в пятницу — в день, когда я его встретила — для перелета из Нью-Йорка в Лос-Анджелес. Выбрав его вместо коммерческого рейса, Себастьян ускорил свой отъезд более чем на час. Полет обычно длился сорок минут, хотя Себастьян сказал, что пилот может уменьшить его до тридцати.

Еще до того, как самолет вырулил от взлетно-посадочной полосы в Лос-Анджелесе, Джонни уже вышел из пентхауса.

— НЕ покидай это место, — сердито приказал он Коннору. — НЕ открывай гребаную дверь.

— Расслабься, они меня уже разорили. Теперь им незачем в меня стрелять.

— Коннор...

— Обещаю-обещаю.

— Если бы ты просто следовал моим инструкциям, ничего бы этого не произошло, — нахмурился Джонни, а затем посмотрел на меня, как будто только что засунул ногу себе в рот. — Извини, — робко сказал он.

— За что ты извиняешься? Я тот, кто все испортил, — отрезал Коннор.

— Ну, тогда не надо еще больше лажать.

— Иди и привези Себастьяна, — сказал Коннор, выталкивая его из пентхауса.

Мы остались одни.

Коннор подошел и сел на кушетку, положив локти на ноги, согнув спину и положив голову между колен. Он был похож на усталого старика, побежденного миром.

Я подошла и села рядом с ним. Я не знала, что делать, поэтому положила руку ему на плечи и прислонила голову к его плечу.

— ... Мне очень жаль, — прошептала я.

— Почему ты извиняешься? Ты ничего не сделала.

— Я... я могла бы сказать «нет».

Я могла видеть только один глаз, когда он слегка повернул голову, чтобы посмотреть на меня. Его бровь была игриво приподнята, а голос звучал озорно.

— Нет, не могла.

Я отодвинулась.

— Что, ты собирался меня заставить?

Он откинулся на спинку дивана, что было лучше предыдущей позы. Теперь он просто выглядел усталым, а не подавленным.

— Нет, конечно нет. Но «нет» ты бы не сказала.

— Ой, потому что ты ооочень неотразим, — сказала я насмешливо.

Его бровь поднялась выше, и он беззвучно усмехнулся.

Я начала краснеть.

— Хорошо, — отрезала я. — Ладно, так и есть.

Он засмеялся, прижал меня к себе и поцеловал меня нежно и глубоко.

Ооооо...

Так намного лучше.

Пока он не отстранился и не сказал:

— Я довольно неотразим...

Затем он просто рассмеялся, когда я несколько раз шлепнула его.

Когда я закипела, он обнял меня и погладил по руке.

— Я имел в виду, что, когда я к что-то решаю, не позволяю ничему стоять у меня на пути. А я был полон решимости получить тебя прямо сейчас, неважно где.

Во мне поднялся жар.

Я хотела прикоснуться к нему, поцеловать его, утащить в спальню — но остановила себя.

Сейчас было действительно неподходящее время.

— Так почему бы тебе просто не подумать, что ты способен победить Миранду и своих родителей?

Он помолчал несколько секунд. Затем, наконец, сказал:

— Потому что это противоречит чему-то еще, чего я хочу.

— Чему..?

— Чтобы ты была в безопасности.

Я чуть не заплакала, когда он это сказал.

Но потом я отстранилась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я не хочу, чтобы ты об этом беспокоился. Происходящее важнее меня.

— Ты говоришь, что сейчас...

Он замолчал.

Невысказанный конец этого предложения напугал меня, поэтому я откинулась на Коннора спиной, и он обнял меня.

Больше мы ничего не говорили, пока Джонни, наконец, не вернулся.

Дверь пентхауса открылась и ворвался Себастьян.

— Боже мой, я уехал из Лос-Анджелеса, думая, что иду на вечеринку, а в итоге приехал на похороны.

Он оказался не таким, каким я его представляла. Не знаю, чего именно я ждала — Стэнфорда из «Секса в большом городе»? Джека из «Уилл и Грейс»?

Я определенно не ожидала, что парень ростом шесть футов пять дюймов с непослушной копной платиновых светлых волос, которые выглядели так, будто в салоне красоты тратили два часа, чтобы заставить его выглядеть так, будто он только что скатился с кровати. На нем были дорогие синие джинсы, итальянские лоферы из замши, бледно-лиловая футболка под спортивной курткой и красивый шелковый шарф, небрежно завязанный на шее.

Я просто таращилась на него. Голос точно принадлежал Себастьяну... но он просто не вязался с его обладателем. Как неловко.

Коннор мрачно улыбнулся своему помощнику.

— Спасибо, что приехал.

— Помнишь, что я тебе сказал? Еду в отпуск, и все развалится.

Затем глаза Себастьяна переместились на меня, и он изобразил волнение, хлопнув в ладоши.

— Ооо, даааа, наша собственная маленькая Вавилонская блудница!

— Эй, — рявкнула я, не в настроении и не в восторге от слова «блудница», которое так небрежно бросали все вокруг, особенно в отношении меня.

— Ты здесь, чтобы сделать жизнь лучше, — предупредил его Коннор, — а не хуже.

— Ой, извините, у меня создалось впечатление, что именно так Миранда планирует изображать ее в новостях, в Интернете и в детских субботних утренних телешоу. Я ошибаюсь?

— Ты уже знаешь — спросила я, во мне поднялся ужас. Мне показалось, что в этот самый момент по радио передают новости, что он слышал их по дороге сюда...

— Джонни уже кратко проинформировал меня, — сказал Себастьян.

Я немного расслабилась, зная, что Миранда еще не разрушила мою репутацию.

«Пока» — ключевое слово.

Что меня немного напугало, так это то, насколько я была напугана, когда думала, что это уже началось.

Себастьян снова повернулся к открытой двери.

— Где Джонни? У него мои вещи. Мне нужно кое с кем встретиться, прежде чем мы полностью перейдем к делу. А, вот и они.

Кто-то еще вошел в пентхаус.

«Хавьер», — предположила я.

Опять же, не такой, каким я его себе представляла.

Из предыдущих комментариев Себастьяна — «я пью Май Тай у самого восхитительного бассейна с самым красивым мужчиной в Калифорнии» — я ожидала молодого Антонио Бандераса. И, учитывая, каким горячим был Себастьян.

Не настолько.

Хавьер был невысокого роста — намного ниже Себастьяна, вероятно, около 5 футов 5

дюймов. Его кожа была не слишком темной. Он был одет только в облегающую черную футболку, черные классические брюки и шикарные черные туфли. У него была безупречно подстриженная борода, а его длинные волосы были зачесаны назад и собраны в короткий хвост. У него были большие мягкие карие глаза и дружелюбная улыбка. В каждой руке он держал по тяжелой сумке, демонстрируя мускулы, достойные спортзала. Он был симпатичен самым обычным образом, но определенно не был «самым красивым человеком в Калифорнии».

Он мне сразу понравился.

И еще больше мне понравился Себастьян за то, что ему понравился Хавьер — особенно когда я увидела выражение его глаз. Он был явно влюблен.

Так мило.

— Хавьер, это мой босс, чью глупую задницу я пришел спасти, — сказал Себастьян, указывая на нас на диване.

Коннор бросил презрительный взгляд на Себастьяна, вставая с дивана и протягивая руку.

Хавьер бросил свои сумки, наклонился и пожал Коннору руку.

— Очень приятно познакомиться, — сказал он мягким голосом с легким намеком на латиноамериканский акцент.

— Взаимно. Извините, что помешал вашему отпуску.

Хавьер улыбнулся.

— Все нормально. Себастьян очень заботится о вас.

— Действительно? — Коннор ухмыльнулся. — Вы должны сказать ему, чтобы он продемонстрировал это в менее оскорбительной манере.

— Боюсь, это невозможно, — пожал плечами Хавьер.

— Простите, но я все еще здесь, — фыркнул Себастьян. — Достаточно. А ты, — сказал он, постукивая по носу Хавьера, — раскрывающий все мои секреты...

Джонни вошел не только с гигантскими сумками в каждой руке, но и меньшими по размеру под мышками.

— Блин, Себастьян, сколько дерьма ты привез?

— Ой, замолчи. Хавьер, это Лили. Она причина всех наших текущих проблем.

— Себастьян, — предупредил Коннор.

— Ой, я забыл, не Лили, а твой член, — сказал Себастьян, как будто внезапно вспомнив. — И твоя неспособность держать его в штанах последние несколько дней. Восемь месяцев я умолял тебя им воспользоваться, но не вытаскивать же публично...

— СЕБАСТЬЯН, — отрезал Коннор.

— Извини, во мне говорит Май Тай, — сказал Себастьян, несколько не сожалея.

Я улыбалась от уха до уха, поднимаясь с дивана. Несмотря на резкость Себастьяна по отношению ко мне, было приятно видеть, что Коннора время от времени воспитывают.

Не говоря уже о новости, что он восемь месяцев не спал ни с кем, кроме меня.

Это было приятно слышать.

Хавьер наклонился и пожал мне руку.

— Не волнуйся, Бастиан злится только на тех, кого любит, — прошептал он.

«Бастиан»... как мило!

— Значит, на тебя он тоже злится? — прошептала я в ответ.

— Нет, потому что я люблю ЕГО, — громко объявил Себастьян, затем поднес руку ко рту. — Боже мой, слишком много Май Тай.

Хавьер усмехнулся, подмигнув мне.

— Однажды он точно разозлится. Когда устанет от меня.

— Подобное никогда не случится. Но... мне неприятно тебя об этом просить... — Себастьян поморщился. — ... Не мог бы ты немного погулять? Мы должны обсудить некоторые довольно щекотливые вещи...

— Ничего страшного, — улыбнулся Хавьер и повернулся ко мне и Коннору. — Было очень приятно познакомиться. Джонни, с тобой тоже.

Джонни пожал ему руку, а мы с Коннором попрощались.

— Я позвоню тебе, когда мы закончим, — сказал Себастьян, провожая его до двери, затем ему пришлось наклониться, чтобы быстро чмокнуть его в губы, прежде чем Хавьер тихонько выскользнул из пентхауса.

Себастьян закрыл дверь, и внезапно он полностью занялся делом.

— Хорошо, рассказывайте, что именно сказала эта сука.

За пятнадцать минут Коннор проинформировал Себастьяна обо всей ситуации — сделка с землей, солнечная компания, политики, шантаж.

Себастьян сидел на диване напротив нас, просматривая картинки на треснувшем экране iPad.

— Прекрасный контроль над эмоциями, Коннор.

— Я был зол, — парировал Коннор.

— Я имел в виду фотографии, а не iPad. Но теперь, когда ты упомянул об этом, напомни, не злить тебя, — сказал Себастьян, отбросив планшет в сторону. — Ну... что ты планируешь делать?

— Я хочу нанять киллера, чтобы убить их всех, — прорычал Коннор.

Себастьян пожал плечами.

— Я могу сделать пару звонков.

— СЕБАСТЬЯН! — закричала я.

Коннор посмотрел на потолок.

— Гм, ЦРУ, ФБР?

Это была шутка. Наемных убийц вызывать не будут.

— Что ж, я бы не отказался, — сказал Себастьян, затем усмехнулся, — ненавижу эту сучку.

— Ты все время говоришь «сука» в единственном числе, как будто за этим стоит только Миранда, — заметила я.

— Хотя уверен, другая сука — извини за мой французский, Коннор, я знаю, как сильно ты любишь и считаешь Ленору — добровольно согласилась с планом, как и твой мудако-отец и бесхребетный брат... а Миранда... — Он посмотрел на Коннора. — Я всегда говорил, что эта женщина тебе не подходит.

— Да-да, — простонал Коннор, как будто слышал это конкретное «Я тебе говорил» пару тысяч раз.

— Как бы я ни ненавидел их, твои родители слишком чопорны, чтобы нанять кого-то следить за вами и фотографировать сношающуюся парочку. И Винсент недостаточно умен, чтобы это осуществить. Возникает вопрос — откуда она узнала, где вас найти? Они должны были следить... если только не наткнулись на вас, пока вы «делали это» за каждым мусорным баком в Вегасе.

— Оооой, — протянула я многозначительно.

— Не смотри на меня, дорогая, — сказал Себастьян, прижав одну руку к груди. — Это все исключительно между нами.

Я вздохнула.

— Думаю, Миранда могла последовать за мной, когда подошла ко мне в Венецианском центре...

— Ого, эй, погоди-ка, — сказал Коннор. Он отшатнулся на фут и потрясенно посмотрел на меня.

Себастьян и Джонни уставились на меня, как будто у меня выросла вторая голова.

— ...Ох... наверное, я забыла об этом упомянуть, — кротко сказала я. — Она подошла ко мне в Венецианском центре.

— Почему ты мне не сказала?! — сердито спросил Коннор.

— Я не знала, кто она такая! — возмутилась я. — Думала, что она просто какая-то цыпочка, которой понравилось мое платье!

— Джонни, Миранда была одета как обычно? — спросил Себастьян.

— Ага.

Себастьян осмотрел меня с головы до ног.

— А на тебе было это, когда вы встретились?

— Да, а что? — защищаясь, спросила я.

Себастьян поднял палец.

— Это должно было стать первым сигналом того, что что-то не так.

— Я выглядела лучше, пока не вспотела, — отрезала я.

— Ааа! Ааа! — сказал Себастьян, морщась и отмахиваясь от меня, как будто я предлагала показать ему свои интимные части. — Не хочу об этом слышать.

— Ну, вообще-то, если хочешь знать, я думала, что она ко мне пристает.

— ...правда? — сказал Коннор, его глаза расширились, а тон стал намного более... мягким и любезным.

Я почти слышала порно музыку, играющую в его голове.

Теперь настала моя очередь злиться.

— Ты действительно представляешь нас вместе?!

— Ну... — сказал Коннор, едва заметно пожав плечами.

— О Боже, ПОЖАЛУЙСТА, прекратите, — сказал Себастьян, подперев голову рукой.

— Это так... УХ!

Я была в ярости.

Коннор посмотрел на Джонни и сказал:

— Да ладно, не я один это вижу.

Безмолвно Джонни пожал плечами и ухмыльнулся:

— Да, было бы здорово.

— Это ОТВРАТИТЕЛЬНО, — отрезала я, затем поспешно посмотрела на Себастьяна. — Не потому, что это две женщины, это нормально, я просто...

— Нет, в этом я с тобой согласен, ЭТО ОТВРАТИТЕЛЬНО, — сказал Себастьян, глядя на Коннора. — У нас достаточно проблем с Мирандой, пытающейся уничтожить вас с Лили. Пожалуйста, держи свою бывшую подальше от личных маленьких фантазий. Потому что это только все запутывает.

— Спасибо, — сказала я Себастьяну.

— Не стоит, — ответил он, полуприкрыв глаза и отмахиваясь от меня, словно я не должна благодарить за то, что было настолько очевидным.

Коннор вскинул руки вверх.

— Я же мужчина, — возразил он, словно это было своего рода оправданием.

— Да, глупый натурал, из-за которого мы и попали в этот бардак, — отрезал Себастьян. — Так что... Подождите, подождите, подождите. Лили, она тебе что-нибудь дала?

Я сделала паузу.

— Что ты имеешь в виду?

— Она дала тебе что-нибудь вроде электронного устройства, или...

— Нет, она просто остановилась у моего столика и немного поболтала. — Вспомнив,

что она сказала, я закрыл глаза от боли. — Боже мой, она все время спрашивала о моем парне и были ли мы вместе в Вегасе...

Мои глаза резко открылись, и я в панике посмотрела на Коннора.

— Не то чтобы я... я не предполагала... что мы... это она назвала тебя моим парнем...

Себастьян дважды щелкнул пальцами.

— Лили. Сосредоточься. Можешь поговорить о ярлыках позже.

— Ярлыках?

— Кто он для тебя и прочее. Могла ли эта стерва положить что-нибудь в твою сумочку?

— Нет, я не...

Я замолчала, вспомнив, где стояла Миранда.

— ...Боже мой, — пробормотала я. — Моя сумочка лежала на стуле рядом со мной... а она стояла рядом...

— Принеси ее мне, — скомандовал Себастьян. — Сейчас же.

— Соберу свои вещи.

Мы оказались в номере, который был далеко не таким роскошным, как пентхаус, но, полагаю, для Коннора этого было достаточно.

Джонни проверил все, что у нас было, вплоть до некоторых личных и смущающих вещей. Когда-нибудь мужчина обыскивал ваш тайник с тампонами для экстренной помощи? Нет? Это совсем невесело.

Но Джонни ничего не нашел.

Мы могли безопасно продолжить обсуждение.

— Я не понимаю, почему ты не рассказал мне о своих планах, — фыркнул Себастьян.

Коннор расхаживал взад и вперед перед панорамным окном люкса, которое было значительно меньше окна пентхауса.

— Ты знал о солнечной компании. И о встречах с политиками.

— Я думал, что речь идет об открытии казино — ты не сказал мне, как все это связано друг с другом. Но ты сказал ей, — сказал Себастьян обиженным тоном, как маленький мальчик, чья сестра съела больше мороженого, чем он.

— Да, в ночь перед тем, как все встало на свои места, — отрезал Коннор.

— И посмотри, что случилось.

— Эй, — вмешалась я, слегка раненая его словами. — Я никому не говорила.

— Это не имеет значения, — сказал Коннор, продолжая расхаживать. — Сможем ли мы выпутаться?

— Конечно, — сказал Себастьян и развалился на диване. — На самом деле, я шокирован, что вы еще этого не поняли.

Все — включая меня — уставились на него.

— Что? — спросил Коннор.

— План Миранды — сделать тебя самым известным человеком в Америке к 8 часам утра по восточному стандартному времени, — сказал Себастьян. — Верно?

— Полагаю, мы можем так сказать, — мрачно согласился Коннор.

— Каждое средство массовой информации в стране захочет заполучить кусочек от тебя. Они будут умолять об интервью.

Гнев Коннора превратился в полный шок.

— Господи, почему я сам не подумал об этом?

— Ты был достаточно близко, — сказал Себастьян с самодовольной улыбкой.

Я робко подняла руку.

— Подождите. Думаю, я немного...

Себастьян грубо фыркнул.

— Эй, — предупредила я его.

— Я тоже немного запутался, ребята, — сказал Джонни.

Я молча поблагодарила его взглядом, и он улыбнулся в ответ.

— Как только эти фотографии увидят свет, и выяснится, что черная овца-миллиардер из семьи Темплтонов игрался с загадочной женщиной в переулке, каждое ток-шоу, каждое утреннее шоу, каждое вечернее шоу, каждый репортер, каждый писатель в печатных изданиях и в Интернете захочет взять интервью у мистера Скандалуса.

— И?

— Значит, вся цель Миранды якобы состоит в том, чтобы растереть Коннора в порошок. Вместо этого она вручила ему бесплатную рекламу на сумму в сто миллионов долларов, — объяснил Себастьян. — Если, конечно, он воспользуется возможностью.

Я посмотрела на Коннора. Он ухмылялся как сумасшедший.

— Серьезно, она не могла бы стать для тебя лучшим пиар-агентом, — сказал Себастьян. — Если ты быстро обернешь ситуацию в свою пользу и будешь продавать, продавать, продавать.

— Что продать? — спросила я.

— Чистую энергию. Бесплатную энергию для Невады. Дешевую энергию для западных Соединенных Штатов — черт возьми, для всех Соединенных Штатов, — сказал Коннор. — На пользу каждому мужчине, женщине и ребенку в стране — и, в конечном итоге, всему миру.

— И тебя окружает злая, мерзкая, ужасная семья, которая хочет загрязнить наш воздух и воду, обуздать бедняков, насиловать планету и вызвать рак у людей и их собак, — добавил Себастьян.

— Эм... разве это не слишком? — спросила я.

— НЕТ. Не тогда, когда тебе предоставляется такая возможность. — Себастьян снова повернулся к Коннору. — Не говоря уже о твоей бывшей, которая не только злая сука, но и безумная ревнивица, что пытается разрушить любовь всей твоей жизни.

Мой рот открылся, и я взглянула на Коннора.

Он посмотрел на меня... а затем отвернулся.

Мое сердце упало.

— Лили не может быть просто «какой-то девушкой», Коннор, — подчеркнул Себастьян. — Чтобы все сработало, мы должны разыграть нападение на женщину, которую ты любишь. Это должна быть сказка — Прекрасный принц защищает Золушку. Если публика купит статью о проституции...

— Я понял, — раздраженно сказал Коннор. — Я могу с этим справиться.

Мое сердце сжалось еще сильнее.

Ему было не по себе от этой «любви всей его жизни». Я это чувствовала.

Черт, мне было неловко слышать это, но только потому, что в глубине души я больше всего на свете хотела услышать, как он скажет мне это.

Теперь, когда Себастьян вынес это на свет, я поняла, как боялась, что Коннор не чувствовал ко мне подобного.

Его бегающий взгляд и вспыльчивые манеры не помогли мне успокоить страхи.

Хуже того, его энтузиазм по поводу плана начал угасать. Я видела это по его лицу, когда он покачал головой:

— Нет. Я не могу.

У меня заболел живот.

«Ты не можешь даже солгать миру, что любишь меня, даже если это спасет твою мечту и поможет миллиардам людей?!»

Коннор посмотрел мне в глаза.

— Я не могу так поступить с тобой, — прошептал он. — Они уничтожат тебя, просто чтобы добраться до меня.

Ой.

Мне сразу стало стыдно за все, о чем я думала. Но я снова собралась с духом, насколько

могла.

— Ты должен это сделать. Ты знаешь, что должен.

— Нет, Лили, это...

— Джонни, отведешь Коннора к Хавьеру в мою комнату дальше по коридору? — громко сказал Себастьян, извлекая пластиковую карточку из пиджака. — Всего на несколько минут. Я позвоню, чтобы сказать, когда вы можете вернуться.

Коннор выглядел встревоженным.

— Как? Почему?

Себастьян смотрел мне прямо в глаза.

— Потому что мне нужно поговорить с Лили наедине.

Сердце болело от слов Коннора, а от слов Себастьяна скрутило живот.

Что за черт?

— Поговорить? Нет... — сердито начал Коннор.

— Это не просьба, — отрезал Себастьян.

Джонни положил руку Коннору на плечо.

— Пошли, босс.

— НЕТ, — сказал Коннор, отстраняясь от него.

— Все в порядке, — заверила я, заставляя себя улыбнуться. — Думаю, я знаю, о чем пойдет речь.

Коннор переводил взгляд с меня на Себастьяна.

— ...ты уверена?

Я кивнула и снова улыбнулась, хотя меня тошнило.

— ...Хорошо... если ты не против...

Коннор наконец сдался и позволил Джонни вывести его из комнаты.

— Спасибо, — крикнул Себастьян, когда дверь закрылась.

За все это время он ни разу не отвел от меня взгляд.

Себастьян сидел на диване, честно скрестив ноги и сложив руки на коленях. Он смотрел на меня как ястреб, пока я нервно ерзала на месте.

— Ты понимаешь, что будет с тобой, если мы пойдем этим путем? — наконец спросил он.

Я расслабилась. Пока он молчал, я чувствовала, что нахожусь в какой-то помеси Кафки(Прим. Немецкоязычный богемский писатель, широко признаваемый как одна из ключевых фигур литературы XX века.) и 90210(Прим. Сериал об американской молодёжи девяностых.), отчитываясь перед директором средней школы-геом, который по какой-то неизвестной причине меня недолюбливал.

— Да, — сказала я. — понимаю.

— Нет, не думаю, что понимаешь...

— Коннор произнес целую речь перед твоим приездом. Мои родители увидят фотографии, они будут повсюду, навечно останутся в Интернете. Даже моим детям кто-то ткнет ими в лицо на детской площадке, это будет написано в моем некрологе... Так что да, я поняла.

Он слегка нахмурился.

— И ты все еще хочешь пройти через это?

Я сглотнула.

— ...Да.

Он молча рассматривал меня несколько секунд, а затем сказал:

— Ты делаешь это, чтобы привязать к себе Коннора?

— ...что ты имеешь в виду? — нервно спросила я, хотя прекрасно понимала, что он имел в виду.

— Ты делаешь это, чтобы он полюбил тебя. Чтобы он остался с тобой.

Одна из моих любимых цитат — я не знаю, кто ее сказал — звучит примерно так: «Самое главное — не лгать самому себе. Но это также и самое сложное, потому что себе легче всего солгать».

— ...может быть. Отчасти. Конечно, я хочу остаться с ним... но нет, я соглашаюсь не поэтому.

— Надеюсь, что это так, потому что никаких гарантий нет.

Я нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что нет никаких гарантий, что Коннор останется с тобой, если ты это сделаешь. Он очень сложный человек. — Себастьян закатил глаза. — Почему бы мне просто не сказать это? Я люблю его до смерти, но с женщинами он может быть гребаным идиотом.

Я нахмурилась сильнее.

— Что... каким именно образом?

— Экспонат А: Миранда. Я с самого начала сказал ему, что она любящая манипулировать, одержимая властью сука, что она не принесет ему ничего, кроме горя, но он отказался в это верить.

— Ты же говорил ему с самого начала, что он должен бросить и меня.

— Нет. — Себастьян поднял указательный палец. — Я приставал к тебе последние

несколько дней, на этом все. В случае с Мирандой я отвел его в сторону и прямо сказал: «Эта женщина в конечном итоге станет проклятием твоей жизни». Он проигнорировал меня — в этот раз, а остальные 500 раз я сказал ему убегать, пока не стало слишком поздно. — Себастьян театрально вздохнул и посмотрел на небеса, как обиженный пророк. И был ли я прав? Бьюсь об заклад, я был прав.

— Что между ними произошло? Я имею в виду Коннора и Миранду.

Себастьян немедленно ответил:

— Если хочешь знать, спроси его сама.

— Ну, тогда что ты имел в виду, когда сказал, что никаких гарантий нет?

Он долго молча смотрел на меня.

— Скажем так, если ты идешь на такие жертвы, чтобы привязать его к себе, не могу обещать, что это сработает.

— Я уже сказала тебе, что это не так, — сказала я раздраженно.

— Тогда ты подпишешь соглашение о неразглашении?

Я посмотрела на него.

— ...Зачем?

— В ближайшие несколько дней — или недель — много людей захотят с тобой поговорить. Некоторые из них будут размахивать довольно крупными чеками.

— Я бы не стала делать подобное, — рявкнула я, злясь, что он вообще посмел обо мне так подумать.

— Даже если Коннор бросит тебя завтра утром? — подтолкнул Себастьян.

Я напряглась, мой желудок тревожно сжался.

— Он бы этого не сделал.

— Возможно нет. Но что, если это произойдет? Что, если он найдет кого-нибудь уже через три дня? Не захочется ли тебе поговорить с прессой?

Я должна была признать, что, если бы Коннор сделал подобное... я бы приняла чек.

В мире нет никого яростнее, чем брошенная женщина, верно?

Меня немного расстроило мое истинное я.

Я испугалась.

— ... Я подпишу все, что ты захочешь, — сказала я.

Себастьян кивнул, затем подошел к портфелю, который принес Джонни, покопался в нем и вытащил документ. Он снова сел и положил бумаги на кофейный столик между нами.

— У тебя всегда один с собой? — удивленно спросила я.

— Я приготовил его, когда услышал, во что вы двое вляпались, — сказал он без тени юмора. — Юрист разработал его специально для таких случаев. Думаю, он подойдет и для ситуации с Мирандой.

Я посмотрела на него, затем наклонилась, чтобы прочитать документ. Несмотря на плотный юридический язык, все было довольно просто: я соглашалась не говорить ни о чем, имеющем отношение к Коннору, или о каких-либо событиях, связанных с ним.

— Тебе стоит знать, — сказал Себастьян, — Коннор никогда бы не попросил тебя подписать это. Фактически, он придет в бешенство, если узнает, что я это делаю.

— Но ты все равно это делаешь, — саркастически улыбнулась я.

— Потому что я единственный, кто ясно мыслит. Моя работа не в том, чтобы заводить друзей, Лили. Я обязан защитить Коннора, несмотря ни на что. Несмотря на все, что я сказал о тебе — и все, что буду продолжать говорить, — ты кажешься мне хорошим человеком. Но я

не могу рисковать. Я уже видел, что одна женщина сделала с Коннором, и что она делает сейчас. Я больше не хочу этого видеть.

Я должна была признать — неохотно — что у Себастьяна были чертовски хорошие причины.

Только от этого мне не становилось легче.

— Мне нужна ручка, — пробормотала я.

Он вытащил одну из своего портфеля. Эта ручка, вероятно, стоила пару сотен долларов, но Себастьян не спешил протянуть ее мне.

— Сколько ты хочешь взамен на свою подпись?

Я в шоке уставилась на него — а потом по-настоящему рассердилась.

— Как насчет тридцати серебряников?

— Не будь королевой драмы. Этот скандал может повлиять на твою работу в будущем, — сказал Себастьян мягким тоном. — Нет, даже нет так — это наверняка повлияет на твою работу в будущем. Никто не станет винить тебя за желание получить хоть какую-то... страховку.

— Нет, спасибо, — прорычала я.

Он пожал плечами.

— Это не обязательно должно быть записано. Можем оставить это между нами.

— Коннор уже дал мне 50 000 долларов. Хотя я и не просила. Только теперь каждая собака шантажирует меня этим. Так что, нет, спасибо, мне больше ничего не нужно. Особенно от парня, намекающего, что я собираюсь продать Коннора.

Себастьян кивнул и протянул ручку.

Когда я подписывала документ, он спросил:

— Тогда зачем ты это делаешь? Я имею в виду, позволяешь Миранде слить фотографии. Коннор без колебаний сделал бы все, чтобы защитить тебя. Ты можешь уйти без всяких проблем, неважно — останется он с тобой или нет.

Я пододвинула ручку и подписанный лист бумаги ближе к Себастьяну.

— Потому что он собирается изменить мир.

Себастьян посмотрел на мою подпись, затем сложил бумагу и сунул ее вместе с ручкой обратно в портфель.

— ...и?

— И потому что, не будь я в этом замешана, он бы именно так и поступил. Прислушался бы к твоему совету и сделал все, что угодно в СМИ.

Себастьян прищурился.

— И?

— Это начинает раздражать.

— Мне все равно. И?

— Ты получил то, что хотел, какое это имеет значение?

— Именно поэтому и спрашиваю. И?

— И потому, что это поможет миллионам, если не миллиардам людей. Я не имею права этому мешать.

— И?

Я не ответила.

— И? — настаивал Себастьян.

— ...Потому что я люблю его, — тихо сказала я. — И я не хочу, чтобы он жертвовал

всем ради меня.

Себастьян откинулся на спинку дивана и замолчал. Он выглядел странно умиротворенным.

Затем вытащил свой телефон и пару раз постучал по экрану пальцами, поднес его к уху. Кто-то ответил по первому гудку.

— Вы с Коннором можете вернуться, — сказал он, глядя на меня с совершенно нейтральным выражением лица. — Мы с Лили закончили.

— О чем вы говорили? — подозрительно спросил Коннор, как только вернулся в комнату.

— Я хотел узнать, почему Лили согласилась, — ответил Себастьян.

— Если все получится, — сказал Коннор.

Себастьян пожал плечами.

— Если все получится.

Коннор перевел взгляд на меня.

— И каковы твои причины?

— У нее правильные причины, — прервал его Себастьян. — Теперь мы должны обсудить план атаки...

— Каковы твои причины? — повторил Коннор, пристально глядя на меня.

— Потому что это правильно, — сказала я. — Потому что слишком много людей могут извлечь из этого пользу, я не могу этому помешать.

Коннор покачал головой.

— Это благородно, но... ненавижу сравнивать себя в любом виде или форме с Мирандой, но теперь я поняла, почему она сказала, что нет никакой пользы от долгих бесед, а затем просто поставила ультиматум и ушла.

Хождение по кругу было утомительным. И бессмысленным.

— Себастьян попросил меня подписать соглашение о неразглашении, — сообщила я.

Коннор остановился на полуслове, широко открыв рот.

Себастьян посмотрел на меня, как на СУКУ.

— И спросил меня, сколько денег я хочу за подпись, — добавила я.

Теперь Себастьян выглядел так, будто готов был называть меня кем-то похуже.

Коннор повернулся к своему помощнику, его глаза горели.

— Черт возьми, Себастьян...

Я подписала соглашение и сказала, чтобы он засунул деньги себе в задницу, — закончила я.

Коннор в шоке оглянулся на меня. Глаза Себастьяна тоже расширились от удивления.

Джонни хихикнул в углу.

— Не нужно ничего подписывать, Лили, — тихо сказал Коннор.

— Я знаю, но все равно это сделала.

Коннор поморщился, затем повернулся к Себастьяну и протянул руку.

— Дай мне соглашение. Я порву его.

— Юрист согласен со мной на сто процентов...

— Нет, — сказал Коннор после пяти минут разговора. Он все еще сопротивлялся этой идее.

Себастьян вцепился пальцами в волосы, словно собирался выдернуть их с корнем.

— КОННОР. На секунду забудь о Лили.

— Но...

— ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО мысленно, хорошо? Скажи, что она какая-то случайная шлюха которую ты подцепил. Ой, подожди, в принципе так и есть...

— ЭЙ! — крикнула я.

— Хорошо, скажи, что она Миранда.

— Это еще хуже!

Он отмахнулся от меня.

— Не обижайся, это такое упражнение для размышлений, — он снова повернулся к Коннору. — Так что ты сделаешь?

— Если это Миранда? И я знаю то, что знаю сейчас?

— Конечно.

— Я бы заставил ее колебаться, думать, что я сделаю в следующий момент.

— И ты знаешь, что каждое ток-шоу в Америке готово тебя пригласить. Опра, Эллен, Леттерман, Лено — они все захотят тебя. Каждый журнал, каждая новостная программа, каждое ток-шоу в Америке.

— 100 миллионов долларов на бесплатную рекламу, — с горечью сказал Коннор.

— Я почти уверен, что смогу превратить их в 200 миллионов долларов. Полная медиа-насыщенность, когда сотни миллионов глаз прилипли к своим телевизорам, просто в ожидании, чтобы увидеть, что ты скажешь. А ты можешь говорить все, что хочешь. Что думаешь? — спросил Себастьян, а затем подчеркнул: — Если Лили останется за кадром.

Коннор вздохнул.

— Я перейду в наступление. Пойду на каждое шоу, которое могу посетить за 24 часа. Ничего не стану скрывать, всем скажу, что мои родители и бывшая пытаются меня шантажировать.

— И ты спасешь мир от старых, злых придурков, пытающихся подавить всех остальных из-за денег.

— Но Лили... — возразил Коннор.

— Лили готова принести жертву, чтобы все получилось... по своим, правильным причинам, — сказал Себастьян, не глядя на меня. Я была благодарна за это. — Теперь соберись и покажи, что у тебя столько же яиц, сколько и у нее.

Я хихикнула.

Коннор, Себастьян и Джонни посмотрели на меня.

Я кашлянула.

— Эм... ну знаете... мало того, что яйца у меня... так еще и это слово звучит забавно, вылетая изо рта Себастьяна.

— По этому поводу я знаю одну грязную шуточку.... — начал Джонни.

— СТОП, — крикнул Себастьян, подняв руку, как одна из **Supremes** (Прим. перевод.

Американская девичья группа, трио. Считаются самым успешным американским музыкальным коллективом 1960—х годов и до сих пор считаются самой успешной женской группой.).

Коннор стоял рядом со мной. Я взяла его за руку и посмотрела на него.

— Себастьян прав, — сказала я. — Они только что подарили тебе прекрасную возможность, если ты ею не воспользуешься они тебя обдерут до нитки. Так что сделай это.

Коннор посмотрел на меня сверху вниз, на его лице сохранялось противоречивое выражение.

— Я бы отказался от этого ради тебя, — прошептал он.

— Знаю, — сказала я. — Вот почему я не хочу, чтобы ты это делал.

Он помолчал еще несколько секунд.

— Я буду защищать тебя, насколько смогу, — пообещал он.

Я улыбнулась.

— Это я тоже знаю.

Затем он помолчал еще десять секунд, и наконец, повернулся к Себастьяну.

— Хорошо... что мне делать?

— Ничего, — сказал Себастьян, довольный как моллюск, высунувшийся из своей раковины. — Теперь это дело на мне.

Я никогда не видела живую версию тасманского дьявола — знаете, коричневый кружащийся циклон из мультфильмов о Багз Банни? — пока не увидела, Себастьяна в деле. Он расхаживал взад и вперед по номеру, один телефон приложив к уху, на другом же он листал список контактов. Очевидно, этот парень знал почти всех, кто работал на телевизионных новостях и продюсеров ток-шоу в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе.

— Джон, ты первый, кому я звоню по этому поводу.

— Ингрид, ты первая, кому я звоню по этому поводу.

— Алия, ты первая, кому я звоню по этому поводу. Что, Джон тебе написал? К черту Джона. Джон лжец.

— Я в Вегасе. Знаю ли я, который час в Нью-Йорке? Да, конечно, час, когда следует заткнуться и слушать внимательно.

— Нил, сегодня вечером разразится массовый секс-скандал, и в твоих же интересах, если главный герой появится в шоу завтра же. Миллиардер со спущенными штанами, шантаж, и много-много фотографий титек, которые, как я знаю, тебе нравятся.

— Что? Меня не волнует, пригласил ли ты уже кого-то, ты пожалеешь, если упустишь этот шанс. После тебя я звоню на шоу Лено. Кто? Меня не волнует, если это президент Соединенных Штатов, ты освободишь место, потому что Лено не будет думать долго, как ты.

— Миа, после тебя я позвоню на шоу Леттермана. Меня не волнует, если это президент Соединенных Штатов...

— Рауль, шоу Фэллона следующее в моем списке...

— Парвати, шоу Киммела следующее после тебя...

— ДеШон, шоу Конана...

— Карсон Дейли? Ради бога, Абдул, у меня есть стандарты.

— Конечно, я хочу, чтобы он был с Эллен — это же Эллен.

— Что ж, если бы Опра не бросила шоу и не создала свою собственную сеть, мы бы уже пожали руки. ТО, что тебе уже известно, напоминает скорее мизинец. Хорошо, я добавлю и безымянный палец тоже. Ооо, не дави, мистер, иначе я покажу тебе и средний палец тоже.

— Да, меня не волнует, считает ли Роджер Эйлс Коннора молодым Джорджем Соросом. Он — миллиардер, а все мы знаем, насколько Фокс подлизывается к богатым. Кроме того, вы все равно будете говорить о скандале, так что не думаю, что ты захочешь уступить такой шанс Вольфу Блитцеру. Черт, поставь его на шоу Шеп Смига, мне нравится Шеп. Да, я почти уверен, что я ему тоже понравлюсь. Хэннити?! Черт тебя дери, Хэннити.

— Скажи Вольфу, что уже ходят слухи, будто бы Шеп Смит с телеканала Фокс ищет кого-то для интервью. Если он не хочет, чтобы Шеп увел шанс у него из-под носа, лучше тебе ответить прямо сейчас.

— Следующим я звоню людям Брайана Уильямса.

— Следующим я звоню людям Дайан Соьерс.

— Следующим я звоню людям Кэти Курик.

— Что? Эксклюзив? Что ж... Я не могу вам этого обещать... но если руководитель вашей сети узнает, что у вас был такой шанс, и упустил его, вы будете подлизываться ко мне в поисках работы. И я не имею в виду шоу CBS.

— Дорогая, поверь мне. Завтра ты можешь стать участником крупнейшего секс-

скандала за последние десять лет... или выглядеть сучкой, которую поймали со спущенными штанами. Выбор за тобой.

— Или ты готовишь выступление или свое резюме. Нет, это не угроза, а хороший совет.

— Когда я тебе врал?...Ну, а о чем-нибудь важном? О, пожалуйста, это было шесть месяцев назад, это не в счет.

— Джим? Ты мне задолжал.

— Ванита? Ты мне задолжала.

— Сян? Ты мне задолжал. За что задолжал? За то, что я позвонил именно тебе по этому поводу.

Пока Себастьян работал, мы поели. Этого потребовал Джонни — и я действительно была голодна. Я ничего не ела с тех пор, как пообедала, а эмоциональная нагрузка дня истощила меня. Я искала утешение в еде. Так что мы заказали обслуживание номеров, чтобы полакомиться стейками, восхитительными овощами и ассортиментом десертов. Коннор, Джонни и я ели, пока Себастьян расхаживал с тарелкой в руках и кричал в свои телефоны.

После утомительного часа, во время которого мы просто наблюдали, Себастьян выглядел раскрасневшимся и полным энергии — Мастер быстрых продаж на минуту отложил телефоны, чтобы проинформировать Коннора.

— Хорошо, Нью-Йорк не подходит. Если сядем на «Гольфстрим» через час, до дома лететь придется еще пять часов, плюс три часа из-за часовых поясов. Лучше Лос-Анджелес. Полагаю, в Нью-Йорк мы вернемся завтра вечером и разберемся с Леттерманом и «Вид» и четверг. Первым делом я включу тебя в программу «Доброе утро, Америка» — они подключатся по спутнику, будь готов в 4:30 утра. То же самое с «Фоксом и друзьями» — не смотри на меня так, я пытался заполучить Шепа Смита. Затем мы посетим несколько филиалов в Нью-Йорке, а после — примемся за ранние утренние новости и радиопередачи Лос-Анджелеса. Ты точно встретишься с Эллен. Посмотрим, сможет ли Опра связаться с тобой по прямой трансляции. Конан сказал, что да, я все еще жду, клюнут ли Киммел и Лено.

— Ты приглашаешь меня на конкурирующие шоу в одно и то же время, — раздраженно сказал Коннор.

— Насыщение рынка, дорогой мой. В любом случае, они записывают все на день вперед — мы просто передвинем тебя из одной студии в другую. Тебя будут записывать на CNN, Fox, MSNBC. Я все еще жду новостей от сетевых изданий. Кроме того, планируется парочка встреч с «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост» и «Лос-Анджелес Таймс», плюс ты дашь интервью всем основным изданиям Невады.

— А как насчет «Улицы Сезам» или «Подсказок Блю?» — пошутила я. — Ты игнорируешь всех детей младше четырех лет.

— Это сексуальный скандал, Лили, — отрезал Себастьян. — Они никак не могут оторваться от материнской груди. Незачем им показывать еще и твою.

— Эй! — крикнула я, в то же время смеясь.

Коннор посмотрел на часы.

— Сейчас 8:00. Что нам делать с Мирандой?

— Чем дольше ты сможешь задерживать ее, тем лучше.

— Как?

— Позвони ей и скажи, что хочешь обсудить условия. Лично.

У меня дернулась щека.

Меня не волновала «личная» часть этой встречи.

Не то чтобы я не доверяла Коннору. Но я все еще не знала точно, какой властью она над ним обладала...

Коннор покачал головой.

— Она поймет, что мы задумали.

— Она может догадаться, что мы задумали. Но какая разница, лишь бы сработало.

Просто иди и делай то, что у тебя получается лучше всего: выноси ей мозги. — Себастьян посмотрел на меня. — Это не эвфемизм.

— ХОРОШО, — отрезала я.

— Сколько времени тебе нужно? — спросил Коннор.

— Столько, сколько ты можешь мне дать.

— И когда мы уезжаем?

— Я поставлю «Гольфстрим» на ожидание, чтобы мы могли вылететь, как только она все поймет.

Мой разум лихорадочно пытался осознать, как я могу помешать Коннору и Миранде остаться в комнате наедине.

— А что, если она придет поговорить *сюда*?

Коннор расхохотался.

— Такого точно не случится. Они потребуют, чтобы я пришел на их территорию.

— Ну, ты точно этого не сделаешь, — усмехнулся Себастьян.

Я нахмурилась.

— Почему нет? Не то чтобы я этого хотела, но...

— Тот, кто контролирует территорию, получает психологическое преимущество, — объяснил Коннор.

— Но... разве вы не ведете *фальшивые* переговоры?

— Да, но она сразу поймет, что это подделка, если я просто соглашусь на все ее условия. — Коннор повернулся к Себастьяну. — Мы встретимся на нейтральной территории. Бар или высококлассный ночной клуб — Blush или что-то в Wynn должно подойти. Проверь, можно ли зарезервировать столик в одном из этих мест. Скажи им, что я утрою выручку, что они получают до 9 вечера.

Себастьян драматично вздохнул.

— Думаю, можно добавить это к моему и без того ошеломляющему...

— Не бери в голову.

— Нет, нет, нет, я все решу, — сердито сказал Себастьян. Казалось, что он не только был слишком занят, но и Коннор лишил его удовольствия поиграть в мученика. Затем на его лице появилось мечтательное выражение. — О, как бы я хотел быть там и увидеть выражение ее лица, когда она узнает...

— Возможно, это неплохая идея. Сними номер в том же отеле, как можно ближе к бару. Я хочу, чтобы ты был рядом, если что-то пойдет не так.

— Думаешь, она купится? — недоверчиво спросила я.

— Нет, ненадолго, — сказал Коннор. — На пару часов, может быть.

— Тогда зачем вообще это делать?

— Потому что новости выходят в 23:00 чаще, чем в 20:00. А если она решит подождать до завтрашнего утра, так даже лучше. Это даже не попадет в газеты.

— Следует взять с собой как можно больше людей, — предложил Джонни. — Их будет четверо плюс телохранители.

— Верно. — Коннор посмотрел на меня. — Ты не против пойти с нами?

Не против ли я убедиться, что Грейс Келли с голосом Лорен Бэколл не попытается использовать на тебе свой очаровывающий взгляд, пока меня нет?

— Совсем не против, — сказала я с сочувствием.

— Было бы неплохо, если бы Себастьян тоже был там, — заметил Джонни. — Четыре

на четыре.

— Четверо против восьми, — возразил Коннор.

— Лучше, чем три против восьми.

— У Себастьяна слишком много работы, — сказал Коннор. — Но он может стать кавалерией, если понадобится.

— Как большая веселая атомная бомба, — ухмыльнулась я.

— Я все слышал, — заметил Себастьян с другого конца комнаты. — Но если вам нужен четвертый человек, у меня есть идея.

Все мы были разодеты в пух и прах — я в своем красном платье от Prada, Коннор и Джонни в лучших костюмах. Хавьер шел позади нас с Коннором, плечом к плечу с Джонни. Его костюм от Армани был изысканным, а дорогие солнцезащитные очки скрывали щенячьи глазки. Козлиная борода и хвостик, завершающие образ, делали его довольно крутым.

Но, видимо, он так не считал.

— Я не знаю, что делать, — жалобно сказал он.

— Один мудрый человек сказал мне однажды: «Притворяйся, пока сам в это не поверишь», — ответила я.

Коннор улыбнулся, но ничего не сказал.

— Но я не актер, — прошептал Хавьер. — Я только делаю им прически.

— Ничего не говори, не улыбайся и не смейся, — посоветовал ему Джонни. — Просто выгляди так, будто все время злишься. Давай, попробуй.

Хавьер насупился.

В темных очках и с хмурым взглядом он выглядел очень внушающе.

— Неплохо, — сказал Джонни. — Ты вполне готов.

— Мистер. Де Милль, — игриво добавил Хавьер.

— Ага... не говори так.

— Не буду, — пообещал Хавьер, а затем вернулся к образу вечной злости.

— Лили, — прошептал Коннор.

— Да?

— Сегодня вечером я планирую сказать кое-что, что будет... неприятно слышать. И я знаю, что они тоже не останутся в долгу. Я просто хочу, чтобы ты знала: все, что я говорю, я говорю, чтобы вывести их из себя. Мне просто нужно, чтобы ты помнила об этом.

Я посмотрела на него и вздрогнула.

— Какие вещи, например?

— Ты же знаешь, у нас с Мирандой есть прошлое.

Я вздрогнула еще раз.

— ...и?

— Кое-что из этого прошлого может всплыть. На самом деле, я буду использовать его как оружие, при первой же возможности.

Я вздохнула... и прислонила голову к его руке.

— Делай все, что считаешь нужным.

Он улыбнулся, положил палец мне под подбородок, запрокинул мою голову и легонько поцеловал меня в губы.

Все будущие неприятности были мгновенно прощены.

Мы вошли в ресторан ровно в 8:59. Коннору пришлось переговариваться с Мирандой по телефону — она отвергала все его предложения — пока они не пришли к компромиссу. Себастьян зарезервировал целую отдельную комнату для VIP-персон.

Теперь мы могли приступить к делу.

Ресторан представлял собой интересное сочетание темного, мужественного дерева и современного элегантного дизайна. Старый Вегас встречал Новый. Как только мы вошли в фойе, метрдотель окинул нас всезнающим взглядом, кивнул и сказал: «Сюда».

Он провел нас по обшитою деревянными панелями коридору в отдельную комнату, открытую и просторную, с сорокафутовым стеклянным окном, выходящим на Стрип. Когда вы находитесь на улице, все неоновые и мигающие огни могут выглядеть безвкусно, но с высоты 300 футов — вид волшебный.

Перед окном стоял длинный стол, а в стороне — отдельный бар. Бармен в белоснежной рубашке, жилете и черной бабочке готовил коктейль, а нервная официантка в белом и черном стояла по стойке смирно.

Мой желудок перевернулся, когда я увидела других людей в комнате. Винсент сидел в углу и разговаривал по мобильному телефону. Мистер и миссис Темплтон стояли у окна, глядя вниз на город, словно злобные король и королева, с двумя телохранителями по обеим сторонам.

Миранда ждала посреди комнаты. Она выглядела сногсшибательно в зеленом вечернем платье без бретелек, обнажавшем ее фарфоровые плечи и длинную изящную шею.

Как только мы вошли, она холодно улыбнулась Коннору и полностью проигнорировала остальных.

— Я уже думала, ты не придешь.

— Вообще-то, я думал, что это ты опоздаешь, — ехидно сказал Коннор, — и заставишь нас ждать.

— Я не сторонник дешевой театральности, — сказала она, а затем скользнула взглядом по остальным из нас. — В отличие от других людей, которых я знаю.

— Действительно? Значит, войти сегодня в мой гостиничный номер с моим же братом было не дешевой театральностью?

— Нет, это было разрушительной тактикой, — ответила Миранда.

Ауч.

Я посмотрела на Коннора, но равнодушие так и не сползло с его лица.

— Мы могли бы решить все по телефону, — добавила Миранда.

— И упустить возможность повидаться с семьей? — иронически улыбнулся Коннор.

Я так редко их вижу.

— Потому что сам так захотел.

— Потому что это было необходимо. Иначе я бы их убил. Мама, папа, — сказал Коннор, проходя мимо Миранды, оставив меня, Джонни и Хавьера с ледяной королевой.

Она посмотрела на меня с таким же интересом, как могла бы осмотреть кучу грязи.

— Мисс Росс.

Будь как Себастьян. Будь как Себастьян.

— Я бы сказала, что друзья зовут меня Лили, но вы мне не друг, так что — здравствуйте, мисс Локвуд.

Легкий намек на улыбку.

— Я понимаю, почему ты ему нравишься. Ты такая... простая. Несложная.

— Мм. А вот я хоть убей, не могу понять, почему ему когда-то нравилась ты.

Она ухмыльнулась.

— Кроме очевидных причин?

Ты имеешь в виду поразжающую красоту, фигуру в виде песочных часов и звучный голос? Не говоря уже о богатстве?

— Может, вы и очень красивы, мисс Локвуд... но вы одна из самых уродливых женщин, которых я знаю.

— Я бы сказала то же самое о вас, мисс Росс... только заменила бы «красивая» на «дешевая и безвкусная».

«Сучка», — сердито подумал я.

Она указала на бар.

— Напиток? Для вас или ваших наемников?

По крайней мере, она думала, что Хавьер был наемным убийцей, а не геем-парикмахером. Уже хорошее начало.

— Боюсь, вы могли подсыпать туда яд, — мило улыбнулась я.

— Если твой новый кавалер не удовлетворит наши требования, тебе захочется, чтобы так и было, — сказала она, затем развернулась и поплыла к Коннору и его родителям.

Я медленно закипала.

— Не позволяй ей добраться до тебя, Лили, — прошептал Джонни мне на ухо.

Я оглянулась и благодарно улыбнулась ему, а затем, сопровождаемая моими «наемниками», подошла к остальным.

Мистер Темплтон потребовал, чтобы все сели и поскорее покончили с любезностями.

— У меня есть дела поважнее, — проворчал он.

— Что-то, лучше шантажа и разрушения человеческих жизней? Да ладно, папа, для тебя это идеальный вечер вторника, — пошутил Коннор, отодвигая для меня стул. Затем он сел рядом со мной, а Джонни слева от него. Хавьер был справа от меня, сложив руки на коленях. Он выглядел достаточно мрачным в солнцезащитных очках.

Очевидно, это работало, потому что Винсент иногда бросал на него нервный взгляд.

Винсент сидел напротив Хавьера, Миранда — напротив меня (о, радость), мистер Темплтон — напротив Коннора, а миссис Темплтон сидела рядом с ним, напротив Джонни. Четверо телохранителей стояли на заднем плане, угрожающе вырисовываясь на фоне стеклянного окна и горизонта Лас-Вегаса.

— Нам не пришлось бы прибегать к подобным мерам, если бы ты не был таким плохим сыном, — надменно сказала миссис Темплтон.

— Я учился у лучших, мама.

— Хватит, — рявкнул мистер Темплтон. — Чего ты хочешь?

— Гарантии, — сказал Коннор.

— Я уже дал тебе свое слово.

— Я сказал гарантии, а не деньги Монополии.

Я задавалась вопросом, понял ли мистер Темплтон колкость о Монополии.

— Никаких гарантий нет, тебе просто придется нам довериться, — сказала Миранда.

— Или ты могла бы прислать мне пару фотографий обнаженной натуры, — лукаво предложил Коннор.

Мне это слышать было неприятно.

Миранда посмотрела на меня.

— Не думаю, что твоя нынешняя подружка это оценит.

Я пожала плечами.

— Люди постоянно получают письма от спама.

— Мм, — улыбнулась Миранда, а потом: — нет.

— Да ладно, вы с Винсентом могли бы сострелять какое-нибудь секс-видео, — предложил Коннор. — Хотя я не думаю, что рынку действительно нужен еще один вид снотворного.

— Следи за языком, ты говоришь о моей будущей жене, — сердито сказал Винсент.

Впервые в жизни я увидела, как маска Миранды соскользнула, совсем чуть-чуть. Намек на неудовольствие? Раздражение? Отвращение? Что-то мелькнуло на ее лице, когда она краем глаза посмотрела на Винсента.

Я поняла, что Коннор не единственный Темплтон, которого она обвела вокруг пальца.

Коннор ничего не заметил. Он был слишком занят, глядя на своего брата.

— Во-первых, возможно, ирония этого комментария дойдет до тебя позже. Ты слишком глуп, чтобы сразу понять. Во-вторых, я сомневаюсь не столько в ее мастерстве, сколько в твоём.

— Да пошел ты, Коннор, — прорычал Винсент.

— Твоя «будущая жена» точно знает, — парировал Коннор. — Каково это — прийти к

финишу после тебя, Винсент?

Фуууу.

Я действительно, действительно не наслаждалась происходящим.

Как и Винсент, который покрылся красными пятнами.

— На самом деле, я бы сказала, что он всегда был на первом месте, — проворковала Миранда, похлопав его по щеке.

Судя по тому, как ты выглядела секунду назад, нет.

Винсент, кажется, смягчился.

Так было до тех пор, пока Коннор не сказал:

— Ты лгала мне раньше и делаешь это снова, Миранда. Винсенту ты тоже рассказываешь сказки. — Он поцокал языком.

— Ради бога, прекратите эти разговоры ниже пояса, — отрезала миссис Темплтон.

Если бы я что-то пила, напиток бы пошел у меня из носа.

Если это разговоры ниже пояса, то предназначенные только для представителей высшего класса. Миссис Темплтон явно никогда не наблюдала за Джерри Спрингером.

Словосочетание «ниже пояса», скорее всего, вставало в один ряд с «борделем» и «блудницами».

— Согласен, — сказал мистер Темплтон с явным отвращением. — Скажи нам уже, чего ты хочешь, без всей этой грязи.

— Хорошо, мне нужно что-то, подтверждающее, что вы не пустите меня по миру позже — сказал Коннор.

— Взаимно гарантированное уничтожение? Думаю, не выйдет.

— Мы еще вернемся к этому. Следующее на повестке дня, — я хочу что-то в уплату неприятностям, которые меня ждут. Акции в ваших компаниях. Во всех ваших компаниях.

Винсент насмешливо рассмеялся.

— С какой стати?

— В уплату за доставленные проблемы. За расходы, связанные с запуском сделки в Неваде. За то, как жестоко вы разрушили мои надежды и мечты, — насмешливо сказал Коннор.

— Ты можешь получить долю в моей компании, — скучающим голосом сказала Миранда. — Я дам тебе две.

— Два миллиона?

— Две акции.

— Забавно. Знаешь, акции твоей компаний как ты в постели, Миранда: разрекламированные и совершенно безжизненные.

— О, ради бога, — прошипела миссис Темплтон.

Должна признаться, я была с ней согласна.

Фуууу. Фу, фу.

Хотя, по крайней мере, было забавно услышать, что я вне конкуренции.

Но мысль о них вместе...

Эхххххх.

Миранда улыбнулась.

— А ты был похож на дивиденды твоей компании: маленький и невпечатляющий.

Винсент рассмеялся, но я рассмеялась еще громче.

— Ха! — фыркнула я. — Ты забыла, что кто-то здесь легко может опровергнуть твою ложь.

Все сидящие за столом повернулись, чтобы посмотреть на меня.

Мое лицо приобрело алый оттенок и стало горячее, чем халапеньо.

По крайней мере, Коннор улыбался.

Хавьер немного наклонился и, рассматривая Коннора, изогнул одну бровь над солнцезащитными очками.

— Займись обсуждением своей грязной личной жизни в свободное время, Коннор, — выплюнула миссис Темплтон, — и пусть твоя маленькая шлюха избавит нас от подробностей.

Во мне вспыхнул гнев — и тут Себастьян снова пришел мне на помощь. Только мысленно.

— Ты слышала это, Миранда? Ленора хочет, чтобы ты вела себя потише, — сказала я, махая пальцами, словно носочная марионетка, закрывающая рот.

Миранда посмотрела на меня, и, клянусь Богом, я остолбенела. Это был взгляд, который серийные убийцы, должно быть, бросали на своих связанных и беспомощных жертв.

— Для того, чья грудь завтра утром будет по всему телевидению, ты слишком много болтаешь. Жаль, что твое лицо не станут скрывать.

Я не нашла колкого ответа на это заявление и просто медленно опустила свою ручную марионетку под стол.

— Мне все еще нужны акции, — настаивал Коннор. — Десять процентов каждой из ваших компаний и всех дочерних тоже.

Мистер Темплтон покачала головой.

— Ты совсем сошел с ума. Ты не можешь приходить сюда и обсуждать условия собственной капитуляции.

— Ты имеешь в виду условия вашего шантажа и вымогательства? — спросил Коннор.

Напротив меня раздалось приглушенное жужжание, и Миранда посмотрела на что-то под столом. Наверное, ее сотовый.

— Какого черта ты пришел сюда? — атаковала Миссис Темплтон. — Ты действительно думал, что мы собираемся дать тебе хоть что-нибудь?

— Ага, десять процентов акций каждой из ваших компаний и всех дочерних тоже, — сказал Коннор гладким, как шелк голосом.

— Нет, Ленора, дело не в этом, — сказала Миранда, и ее голос был ледяным. — Он только тянет время.

Серийный убийца за секунду до того, как решил прикончить свою жертву.

Я огляделась, и мой желудок словно выпал из тела.

Обычно у Миранды было лицо, которое не выдавало ничего, кроме самых голых эмоций, да и то только глазами. Вы когда-нибудь читали «Большие надежды»? Я познакомилась с этой книгой в 8 классе. Одна из немногих вещей, которые запомнились мне (кроме того, что я полагала, что мисс Хэвишем была вампиром, потому что время для нее застыло, она держалась подальше от солнца и могла быть уничтожена только огнем), было описание Диккенсом Эстеллы. Однажды он сказал, что мисс Хэвишем научила Эстеллу никогда не выражать эмоции, потому что так у нее никогда не будет морщин. Что-то вроде ботокса 19 века без иголок.

Миранда была именно такой. У нее было совершенно гладкое лицо, которое никогда не выдавала ничего, кроме едва заметного намека на улыбку, или холодной тени и стального блеска в глазах, когда она сердилась.

Нооооо, теперь она была зла.

Нахмурила брови, приподняла в усмешке верхнюю губу. По меркам нормального человека она не выглядела такой уж злой, но, когда мраморная статуя внезапно смотрит на тебя, это пугает.

— Спутниковая передача в 7:30 утра, программа «Доброе утро, Америка», — сказала она, глядя Коннору в глаза. — Ты действительно думал, что я не узнаю?

Несмотря на его оплошность ранее, когда Миранда держалась за руки с Винсентом, теперь Коннор был невозмутим. Он одарил ее озадаченным взглядом.

— О чем ты?

— Несомненно, ты решил пойти в наступление. Что ж... позволь мне соорудить для тебя препятствие.

Она провела пальцем по экрану телефона, затем постучала им.

После чего Миранда посмотрела на меня. Все ее лицо казалось неживым, кроме глаз.

Они выглядели как две горячие точки ярости, пронзающие меня.

Клянусь богом, я в жизни не видела ничего страшнее.

— Вы слышите это, мисс Росс? — спросила она и улыбнулась, что было еще страшнее.

Телефон пиликнул, и она повернула его так, чтобы я могла прочитать написанное на экране: СООБЩЕНИЕ ОТПРАВЛЕНО.

— Это звук того, как рушится ваш мир, — прошептала она.

Я окоченела, как труп. Если всего несколько минут назад мои щеки горели, то теперь я буквально чувствовала, как кровь отхлынула от них.

Сколько времени у меня есть?

Сколько времени у меня есть, прежде чем мои родители увидят эти фотографии?

Когда я согласилась сгореть в этом огне, я не все обдумала.

Я не ожидала паники, страха, абсолютного ужаса, охватившего меня с головы до ног.

Ан...

Мне нужно позвонить Ан...

А потом я почувствовала, как Коннор обхватил мою руку своей теплой ладонью.

Жизнь пульсировала во мне через него.

Я посмотрела на этого мужчину, и он улыбнулся мне.

Однако я могла видеть агонию в его глазах.

Я прикрыла свои... а открыв, улыбнулась.

Я должна быть храброй.

Он ободряюще сжал мою руку, а затем повернулся к Миранде.

И серийный убийца встретился взглядом с другим серийным убийцей.

— Просто чтобы ты знала, — сказал он тихим угрожающим голосом, — теперь цель моей жизни — уничтожить тебя.

— Я слышала что-то подобное восемь месяцев назад, и уже тогда это показалось мне скукой смертной, — вздохнула Миранда, как обиженный подросток.

— Тогда я не говорил, что уничтожу тебя. Я просто сказал тебе уйти и никогда больше не переходить мне дорогу. Но... ты не послушалась... и теперь я собираюсь раздавить тебя. И, поверь, я буду наслаждаться каждым моментом. Даже если для этого понадобится пятьдесят лет и все мое состояние, теперь цель всей моей жизни состоит в том, чтобы ты умерла жалкой, сломленной оболочкой.

Миранда застенчиво улыбнулась.

— Если хочешь узнать, как выглядит жалкая человеческая оболочка, спроси у мисс Росс завтра вечером. Уверена, что ее страдания — из-за собственной глупости, прошу заметить — станут отличным предварительным просмотром.

Мой желудок скрутило, кровь в венах похолодела, и я думала, что вот-вот заплачу, пока не услышала позади себя голос. Очень громкий и веселый голос.

— Боже мой, разве это не семейка Аддамс — и *их маленькая собачка!* — он закончился ликующей имитацией злой старушки из «Волшебника страны Оз».

Прямо между мной и Коннором появился стул, и Себастьян втиснулся между нами.

Его голос понизился до сочувственного бормотания, как будто он объяснял что-то ребенку.

— Если не понимаешь метафоры, Миранда, значит, ты... *стерва*.

— О, это же комнатный гомосексуал, — усмехнулась Миранда, хотя выражение ее лица почти не изменилось. — Я удивилась, что Коннор не привел тебя с собой на поводке.

— Дорогая, если ты любишь БДСМ, я был бы счастлив засунуть кляп тебе в рот, — предложил Себастьян. — Тогда нам не пришлось бы тебя слышать, а тебе больше не пришлось бы орально ублажать маленькую сосиску Винсента. Беспроигрышный вариант. Без

обид, Винсент. Кроме того, я уверен, что у нее все равно это плохо получается.

Винсент снова покрылся красными пятнами.

— О БОЖЕ, — рявкнула миссис Темплтон, вставая, чтобы уйти. — Август, теперь когда прибыли Содом и Гоморра, нам пора уходить.

— О, Ленора, я тебя даже не заметил! Все в точности как в «Волшебнике из страны Оз!» Злая сучка Востока... (прим. перев. игра слов witch/bitch)

Тут он указал одной рукой на миссис Темплтон, а другой на Миранду.

— ...и злая сучка Запада. Но где дом, что падает с неба, когда он так нужен?

Миранда холодно улыбнулась и встала.

— Тебе следовало бы появиться здесь раньше. Мог бы потратить еще несколько минут на свои глупые оскорбления.

— Нет, нет, — сказал Себастьян, погрозив пальцем, — мои оскорбления не глупые... это ты глупа. Но ничего, я не жду, что ты сразу разберешься во всем, что я сказал.

— До свидания, Коннор, — сказала Миранда. — Наслаждайтесь последними часами анонимности, которые у вас остались. И мисс Росс... Я бы извинилась... но я совсем не сожалею о содеянном.

Она отошла от столика, даже не дождавшись Винсента, который засеменил за ней, как грызун.

Телохранители окружили старших Темплтонов и вывели их из ресторана.

— До свидания, сучки! — крикнул вдогонку Себастьян. — Остерегайтесь ведер с водой!

Когда мы остались одни в ресторане, наступила тишина.

Себастьян посмотрел на Коннора и вздрогнул.

— ...я перегнул палку?

Коннор ухмыльнулся.

— Не догнул, на мой взгляд.

Себастьян вздохнул с облегчением.

— Хорошо. Я подумал, что это может быть последний раз, когда я вижу с ними лицом к лицу, поэтому я решил использовать тяжелую артиллерию.

— Как большая гомосексуальная атомная бомба, — сказала я, невольно ухмыляясь.

— И не забывай об этом, — сказал Себастьян, целуя Хавьера. — О боже, ты выглядишь потрясающе.

— Он отлично справился. Еще раз спасибо, Хавьер, — сказал Коннор, вставая и помогая мне подняться на ватные ноги. — Какие новости?

— Самолет ждет в аэропорту, готовый доставить нас в Нью-Йорк. Все наши вещи уже загружены в «Бентли».

Коннор выглядел впечатленным.

— А ты времени зря не терял.

— В отличие от твоей бывшей и твоей ужасной семейки, я не сижу и не читаю мантры о том, насколько я великолепен.

Коннор рассмеялся, взял меня под руку и вывел из ресторана, а Джонни, Хавьер и Себастьян последовали за ним.

— Благослови тебя Бог за это.

— Я услышал твою короткую речь, когда приехал, — сказал Себастьян. — О том, что уничтожение Миранды теперь дело всей твоей жизни.

— И как тебе?

— Очаровательно. Но у тебя точно будут конкуренты.

— Кто?

— Я. Потому что я убью эту суку, даже если это будет последнее, что я сделаю.

— Встань в очередь, — пробормотала я, задумавшись, сколько времени у меня есть, чтобы совершить все необходимые телефонные звонки.

Мы спустились в вестибюль и вышли к парковке, где нас ждал «Бентли». Лакей передал ключи Джонни, но прежде чем мы успели сесть в машину, Коннор повернулся к Хавьеру.

— Ты можешь поехать с нами, — сказал он, а затем добавил для Себастьяна: — Если он нужен тебе для моральной поддержки...

Мужчина улыбнулся.

— Спасибо, но мне пора возвращаться. У меня съемки через два дня, и я знаю, что Себастьян будет очень занят, так что...

— Я возьму тебе упущенное время, когда все это закончится, — пообещал Себастьян.

— Делай, что считаешь нужным, и не беспокойся обо мне.

Коннор улыбнулся.

— Спасибо за помощь.

— Было довольно интересно.

— Это еще мягко сказано, — мрачно рассмеялся Коннор, затем повернулся к Себастьяну. — Ты забронировал для него рейс?

— Конечно, первый класс, обратно в Лос-Анджелес, вылет через полтора часа, — сказал Себастьян, как будто он был оскорблен тем, что Коннор осмелился предположить иное.

— Мы бы подбросили тебя... — начал было Коннор, но Хавьер махнул рукой.

— Не волнуйся, Себастьян уже заказал для меня такси.

— Джонни, будь милым и возьми его вещи, хорошо? — попросил Себастьян.

Пока Джонни доставал из багажника два чемодана, Хавьер пожал руку Коннору и обнял меня. Отстранившись, он сочувственно улыбнулся мне.

— Надеюсь, что с тобой все будет хорошо.

— Спасибо, — я улыбнулась в ответ, а затем немного нахмурилась. — Но... почему мы не можем подбросить тебя до аэропорта?

— Он едет в Маккарран, а мы — в Хендерсон, — сказал Себастьян, когда Хавьер пожал руку Джонни. — Кыш, кыш, все садитесь в машину, я должен попрощаться с моим мужчиной.

Мы улыбнулись друг другу, попрощались в последний раз и сели в «Бентли», чтобы подождать, пока Себастьян не откроет дверь и не займет место рядом с Коннором. Это был не удлиненный лимузин с сиденьями, расположенными друг напротив друга, поэтому мне пришлось смотреть за Коннора, чтобы увидеть выражение лица его агента.

Он выглядел задумчивым. И немного растерянные, как будто хотел остаться.

Голос Джонни раздался по интеркому.

— Вы готовы, ребята?

Коннор не ответил. Вместо этого он посмотрел на свою правую руку (буквально).

— Давай сделаем это, — ответил Себастьян. Он опустил окно и, когда машина тронулась с места, помахал на прощание. Последний раз я видела Хавьера через заднее окно: невысокая фигура в костюме наемника, машущая нам на прощание, а после скрывшаяся за открытой дверцей такси.

Я не поняла, что Себастьян имел в виду, когда сказал: «Он едет в Маккарран, а мы — в Хендерсон», но скоро это стало очевидным. Аэропорт, в который мы направлялись, был маленьким, всего с двумя взлетно-посадочными полосами и рядом темным зданием. Джонни зарегистрировался на посту охраны у боковой дороги, а затем проехал на «Бентли» мимо ряда ангаров среднего размера, прямо на взлетно-посадочную полосу, расположенную примерно в 50 футах от небольшого реактивного самолета. Настоящего реактивного самолета. Никаких пропеллеров и прочего. Весь белый, около 100 футов в длину, с восемью маленькими круглыми окнами по бокам. Синими буквами вдоль хвоста было выведено «G650». Дверь рядом с кабиной была откинута так, что касалась асфальта. Благодаря свету фар нашего авто я могла видеть встроенные ступени, и блеск хромированных перил.

— Мать божья, — прошептала я, когда мы припарковались. — Вот что я называю обслуживанием «от двери до двери».

— Конечно, — нахмурился Коннор, говоря: — А ты чего ожидала?

Мы вышли из машины. Себастьян подошел, чтобы поговорить с парой мужчин в темной форме, которые, как я поняла, были пилотами. Джонни начал выгружать наши сумки из багажника.

— Это твой самолет? — удивленно спросила я Коннора.

— Один из.

— У тебя сразу несколько частных самолетов?!

Он посмотрел на меня так, будто я несу ерунду.

— Да. Так и есть.

Я огляделась.

— Где охрана?

Коннор указал на Джонни.

— Нет, я имею в виду парней, которые проверяют твой багаж и все такое.

— При полете на частном самолете, Лили, нет ни очереди на досмотр, ни проверки багажа, — сказал он, ухмыляясь. — Это одно из многих его преимуществ.

— Вау, — сказала я, совершенно сбитая с толку. Довольно логично, но я никогда не задумывалась об этом. Потом меня накрыла паника. — Подожди, а что будет с машиной?

— Себастьян об этом позаботится, — заверил меня Коннор.

— Да, но что с ней сделают?

— Мы найдем кого-нибудь, чтобы отвезти ее обратно в Лос-Анджелес.

Я растерянно уставилась на Коннора.

— У тебя есть сотрудники, которые водят машины стоимостью в четверть миллиона долларов между Лос-Анджелесом и Вегасом?

— А Джонни что делает? — поддразнил Коннор.

— Ага, потому что кое-кто все время убегает, — отрезал Джонни, а затем посмотрел на меня так, словно боялся, что его слова расстроят меня.

На самом деле, у меня немного скрутило желудок, но не по той причине, о которой он подумал.

— Ламборджини... а как же Ламборджини?!

— Себастьян и об этом позаботится, — успокоил меня Коннор, взяв за руку и

направляясь к самолету. — Перестань беспокоиться о моих вещах, это не твоя забота.

— У тебя что, целая сотня людей, которые возят по стране пустые машины? — укоризненно спросила я.

— У меня целая сотня людей, которые делают то, что мне нужно. Все готово? — спросил он Себастьяна, когда мы подошли.

— Улетим, как только Джонни уложит сумки, — подтвердил Себастьян.

— Спасибо, — сказал Коннор пилотам, которые улыбались, пожимая ему руку.

Затем он провел меня вверх по ступенькам.

Борт был просто потрясающим.

Интерьер кремового цвета с панелями из темного дерева. Темно-коричневые сидения, обитые плюшевой кожей — по крайней мере полдюжины одноместных стульев и пара двухместных диванов, разделенные деревянным столом. Один длинный диван примыкал к стене кабины.

Там также были телевизоры — 36 дюймовый экран напротив дивана и ряд экранов поменьше возле каждого сидения. Пара ноутбуков Apple с регулируемой металлической рамой были прикреплены к некоторым из одноместных сидений.

— Где наши места? — спросила я Коннора.

— Где хочешь, — усмехнулся он. — Я скоро вернусь.

Он исчез в обшитой деревянными панелями нише в задней части самолета.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил женский голос позади меня.

Я обернулась и увидела женщину в накрахмаленной белой рубашке, темно-синем жакете и юбке, с повязанным на шее шарфом. Очень хорошенькая, она была на несколько лет старше меня.

— Кто вы? — пораженно спросила я.

Женщина просто улыбнулась.

— Я член летного экипажа. Принести вам что-нибудь?

Я оглядела каюту. Все же это был самолет с местами для двенадцати человек. Думаю, это имело смысл...

— Эм... воды?

Она выглядела немного удивленной.

— Только воды? Я могу предложить вам что-нибудь, если хотите. Шампанское, разнообразные вина, коктейли...

— Просто воды, пожалуйста.

— В бутылке?

— Ну конечно.

— С газом или без?

Это СТРАННО...

— Достаточно обычной бутылки воды, — сказала я.

Она улыбнулась и пошла прочь, но я крикнула вдогонку:

— Гм... могу я воспользоваться одним из этих компьютеров?

Она с энтузиазмом кивнула.

— Конечно. Чувствуйте себя как дома.

Затем она исчезла в той же нише, что и Коннор.

Я посмотрела на ноутбук, мой желудок скрутило... Я присела и открыла интернет-браузер. Ввела «TMZ.com.»

Мне не следовало этого делать.

Под ярко-красным заголовком веб-сайта и серией небольших фотографий знаменитостей был заголовок «Миллиардер трахнул крошку из подворотни за 50 тысяч».

А затем прямо под ним, верхняя часть фотографии. Пока я не прокрутила вниз, были видны только мое лицо и макушка Коннора.

Этого мне тоже не следовало делать.

Это был один из кадров, где лицо Коннора красовалось в профиль. Мой рот был открыт, а губы застыли в форме буквы «О». Мое платье было приподнято до талии, а на груди, над сосками, были расположены два крошечных красных блока.

Мои руки начали трястись, когда я прокрутила статью дальше.

— У богатых действительно свои причуды... Вы можете видеть, как Коннор Темплтон, из всемирно известной семьи миллиардеров Темплтонов, вытворяет грязные вещи с молодой женщиной, которой он якобы заплатил 50 000 долларов. Для чего? Вам судить.

TMZ получил эту историю из анонимного источника... похоже, Коннор, который обычно предпочитает не привлекать к себе внимания, решил, что хочет показать все... в кондоминиуме Лас-Вегаса. Это произошло недалеко от Стрипа — что кажется очень уместным, учитывая, как мало одежды на его подружке на этих фотографиях...

Выяснилось, что эту женщину зовут Лили Росс, она родом из Лос-Анджелеса. Еще вчера мисс Росс работала в крупной консалтинговой фирме в Лос-Анджелесе, пока ее, как сообщается, уволили. Похоже, она довольно быстро нашла другую работу...

Наши источники уверяют, что с тех пор, как 50 000 долларов были переведены непосредственно на банковский счет Лили, она сопровождает Коннора в туре по Лас-Вегасу в стиле «Красотки»...

Стоит заметить, что Лили довольно привлекательна... но вспоминая ряд супермоделей и голливудских знаменитостей, что встречались в романтическом прошлом Коннора, хочется спросить — действительно ли эта женщина стоит уплаченных ей денег? Кажется, за эту цену у него могла бы быть целая компания горячих женщин — и все за раз. Но, возможно, у Лили есть скрытые «таланты», о которых знает только Коннор... хотя, кажется, ни один из них, они не постеснялись показывать миру...

Дальше шла целая серия других фотографий с текстом «Нажмите, чтобы увидеть больше».

Меня чуть не вырвало.

И тут чья-то рука протянулась к компьютеру и захлопнула экран.

Коннор.

Я повернулась и увидела, как хмуро он смотрит на ноутбук. Затем он перевел взгляд на меня, и выражение его лица смягчилось.

— Не читай этот мусор. Даже не смотри на него.

Стюардесса — или как там ее лучше назвать — вернулась с бутылкой воды и пустым стаканом. Она неуверенно перевела взгляд с Коннора на меня.

— Эм... вот ваша вода...

— Я... думаю, я выпью то, что вы предлагали мне раньше, — слабо сказала я.

— Принеси ей бренди, — приказал Коннор. — А мне бутылку Далмора. 1974 года.

Стюардесса кивнула. Когда она уже собиралась уйти, голос Себастьяна остановил ее:

— Нет.

Все посмотрели на него, стоящего у двери с мрачным лицом и скрещенными на груди руками.

— Ты нужен мне в отличной форме ровно через семь часов, Коннор.

— Я и буду в отличной форме, — отрезал он.

Себастьян покачал головой.

— С полным брюхом скотча не будешь.

Коннор посмотрел на своего помощника, но все же обратился к стюардессе.

— Принеси Лили стакан бренди... а мне Далмор.

Взгляд стюардессы скользнул между Коннором и Себастьяном... а затем она тихо подошла к задней части самолета, так быстро, как только могла, но все же стараясь, чтобы ее побег не казался таким уж явным.

Бренди помог мне успокоиться перед телефонным звонком. Я прошла в заднюю часть самолета и опустилась на одно из плюшевых кожаных кресел, то, что стояло дальше остальных от шума и суеты.

В Северной Каролине почти полночь; я не хотела будить родителей.

«Привет, мам, пап, надеюсь, не разбудила? О, все-таки разбудила? Просто хотела сказать вам, чтобы завтра не смотрели новости и ничего не искали в Интернете, НИЧЕГО! Хорошо, спокойной ночи!»

Нет, мне нужно сказать это спокойным голосом.

Она ответила на втором гудке.

— Лили?

— Привет, — тихо сказала я.

Наступило долгое молчание.

Я поняла, что это значит.

— Ты уже знаешь, — прошептала я и зажмурилась от боли. — Боже, как же быстро...

— Сара написала мне, чтобы спросить, действительно ли это ты... так это ты?

Я горько рассмеялась.

— Разве ты не видела фотографии?

Ее ответ был таким тихим, что я едва его расслышала:

— ...да...

— Значит, ты знаешь, что это я.

— ...это мог быть фотошоп... верно?

Я вздохнула, все еще не открывая глаз.

— Это не фотошоп.

— ...Как это произошло...?

Я подумала об остроумном ответе: «Ну, когда мужчина и женщина очень любят друг друга и хотят сделать ребенка на свежем воздухе...»

Но поняла, что это не лучший ответ, когда ты нуждаешься в плече, на которое можно опереться.

— Это... все довольно запутано. Да, на фото мы, но у Коннора есть богатая и злая бывшая, которая пытается его разорить...

— Она пытается разорить его, потому что ревнует к тебе?!

— Нет, это... дело в бизнесе... она пыталась его шантажировать...

— Черт возьми, вы вызвали полицию?!

— Неважно, она уже сбросила бомбу. — Я оглядела сиденья и проход — в двадцати футах от него Коннор наливал себе напиток, а Себастьян смотрел на него с суровым неодобрением, — и продолжила шепотом, — Мне так страшно... и я не могу признаться в этом, только не ему...

— Почему нет?

— Потому что он дал мне выбор, показывать фотографии или нет.

— Что случилось?! Эта злая бывшая обвела вас вокруг пальца?

Я нахмурилась, но потом поняла, что Эн не понимает, что именно я сделала.

— Нет... Я позволила показать фотографии.

— ЧТО?!

— Она собиралась разрушить все его планы....

— И вместо этого ты разрушила собственную жизнь?! И ОН ТЕБЕ ПОЗВОЛИЛ?!

— Эн, это мне мало помогает.

Пауза.

— Извини. Что... что ты хочешь, чтобы я сделала? Могу ли я вообще что-нибудь сделать?

Я скрутилась в маленький шарик на сиденье, самый маленький, который только могла получить.

— Скажи, что все будет хорошо.

Еще одна, более длинная пауза.

— Все будет хорошо, — сказала Эн.

Прозвучало неубедительно.

Она звучала как кто-то в кино. Тот персонаж, что держит за руку другого, кто должен вот-вот умереть... и оба знают об этом, но никто не хочет смотреть правде в глаза.

— Мои родители... Я не могу сказать им, не могу...

Это настоящая причина, по которой я не позвонила им: потому что не могла вынести разочарования и стыда, звучащего в их голосах.

— Все будет хорошо, — повторила Эн своим механическим голосом.

— Я сделала это не из-за денег, — прошептала я.

— Пфф, я знаю.

Это настоящая Эн, та, что говорила мне правду.

Я улыбнулась.

— Пока ты не думаешь обо мне ужасные вещи, со мной все будет в порядке.

— Поздно!

Я ухмыльнулась шире.

— Но теперь я ПОЛНОСТЬЮ понимаю, почему он заплатил тебе 50 тысяч... черт девочка, ты С УМА СОШЛА.

— Эн! — прошептала я хрипло, стараясь не смеяться.

— Просто шучу. Но все-таки — Чееерт.

Уже через несколько секунд после того, как я поговорила с ней по телефону, мое настроение заметно улучшилось.

Коннор допивал свой второй стакан, когда пригласил меня присесть на двухместный диван.

— Иди сюда, мы готовимся к взлету.

Я скользнула рядом с ним, и он, оберегая меня, обнял одной рукой и притянул ближе к себе. Хотя он все еще не выглядел пьяным, я чувствовала запах скотча в его дыхании.

Себастьян и Джонни сели за стол напротив нас. Себастьян выглядел весьма недовольным, а Джонни выглядел так, будто пытался не попасть под горячую руку.

— Пристегнись, — приказал Коннор, опустошая свой стакан.

Я подняла концы ремня с сиденья и закрепила их вокруг талии.

— Хочешь выпить? — предложил Коннор.

Себастьян через стол уставился на меня так, будто говорил: «Не поощряй его».

— Спасибо, не стоит. — Когда Коннор потянулся к бутылке, я положила руку ему на плечо. — Может, тебе стоит притормозить... Завтра будет очень тяжелый день.

— Боже, и ты туда же, — мрачно сказал он и все же налил себе в стакан немного янтарной жидкости. — Сегодня день тоже был очень тяжелым, если ты не заметила.

Самолет начал разгоняться. Коннор схватил бутылку одной рукой, а другой крепче сжал стакан.

— Повезло тебе, — саркастически сказал он Себастьяну. — Никакой выпивки... на пару минут.

— Продли пару минут до следующих 24 часов, и тогда мне действительно повезет, — парировал Себастьян.

— Даже не надейся.

Когда двигатели самолета взревели, я почувствовала, как все под нами стало легче. Мы поднялись в небо. Жидкость в стакане Коннора наклонилась под углом, когда самолет взмыл в воздух.

Через несколько минут мы выровнялись, и жидкость в стакане поползла вверх. Коннор выпил ее почти сразу.

— Можешь уже перестать пить на несколько гребанных минут. Давай лучше поговорим о завтрашнем дне. — отрезал Себастьян.

Коннор поставил бутылку рядом с собой на сиденье, обнял меня левой рукой и взмахнул правой.

— Хорошо, господин советник, давай послушаем, что ты хочешь сказать.

Я нахмурилась.

— Это из «Крестного отца»?

— Очень хорошо, — рассмеялся Коннор и ударил меня пальцем по носу.

Виски определенно поднимало ему настроение.

— Аль Пачино пришлось уволить Роберта Дюваля, потому что он не был военным советником, но, к счастью для нас, Себастьян — лучший военный советник своего времени. Так что... — сказал Коннор и широко развел правой рукой, как бы говоря: «Начинай уже».

Себастьян продолжал сердито смотреть на Коннора и бутылку, но все же неохотно начал говорить.

— Хорошо, когда ты появишься в новостях, тебе лучше сказать...

Какое-то время они обсуждали планы на завтра, и я немного поучаствовала в беседе, но, честно говоря, была настолько эмоционально истощена, что начала засыпать. Брендис сделал все остальное.

Когда я проснулась, мы были уже в Лос-Анджелесе.

Коннор разбудил меня.

— Мы почти на месте, Лили.

Я с трудом подняла голову с его плеча. Мы все еще были в самолете, но Джонни и Себастьян уже поднялись на ноги и сновали туда-сюда.

Гул двигателей исчез, как и вибрация.

Должно быть, мы уже приземлились.

Коннор помог мне подняться и спуститься по лестнице на взлетную полосу, где меня ждал лимузин. Он придержал для меня заднюю дверцу машины и сел следом. Запах скотча в его дыхании был довольно сильным.

— Как долго я спала? — спросила я, потирая щеку и надеясь, что не пускала слюни во сне. Неа. Слава Богу.

— Тридцать минут.

— Ого, как долго... — пробормотала я.

Себастьян залез в лимузин вместе с Джонни, который закрыл за ними дверь. В лимузине было два ряда сидений друг против друга, так что Себастьян и Джонни устроились прямо напротив нас.

Мне казалось, что мы попали в гангстерский фильм.

Или едем на выпускной.

Себастьян выглядел как очень несчастный гангстер тире партнер на выпускной.

Затем из динамика раздался незнакомый мне голос.

— Все готовы?

— Вполне, — громко отозвался Коннор, и лимузин тронулся.

— Который сейчас час? — сонно спросила я.

— 9:45. Мы должны прибыть в «Дубай» через 30 минут, после чего нам всем лучше отправиться спать, — сказал Себастьян, многозначительно глядя на Коннора. — У нас завтра важный день.

— Ты снял пентхаус? — спросил Коннор.

— Да, я его снял, — отрезал Себастьян. — И, кстати, я останусь с вами, чтобы убедиться, что ты проснешься утром.

— Нет. Можешь переночевать с Джонни, прямо через холл.

Джонни посмотрел на Коннора.

— Чего-чего?

Себастьян нахмурился.

— Ну уж нет.

— Это не предложение, а приказ, — сказал Коннор холодным как смерть голосом.

Себастьян выглядел разъяренным, но оставил недовольство при себе.

— Очевидно, мне придется спать с Джонни. Но мне нужна ключ-карта, чтобы поднять твою пьяную задницу из постели в 3:30, чтобы она точно попала на шоу «Доброе утро, Америка». За это я, между прочим, продал свою душу, так что прояви немного благодарности.

— Так вот за что в наши дни продают душу? — спросил Коннор с едва сдерживаемой улыбкой. — Не знал, что Дьявол помогает попасть в телевизор.

— Нет. Скорее, он шантажирует тебя, — отрезал Себастьян.

Коннор выглядел мрачным.

— Тише.

Я смотрела, как в окне лимузина мигают уличные фонари.

— Эй, мы не в Лос-Анджелесе!

— Нет, мы приземлились в Бербанке, — подтвердил Себастьян.

Я нахмурилась.

— Но... мы собирались вернуться в Лос-Анджелес, как и Хавьер... так почему он просто не поехал с нами?

— Выбор был либо попрощаться с ним там, либо надоесть ему в течение часа, пока я работал в самолете, а затем попрощаться с ним здесь, — пожал плечами Себастьян.

— Ты работал в самолете?

Себастьян прищурился.

— Пока некоторые спали.

— Большую часть времени мы разрабатывали стратегию, — объяснил Коннор.

— Некоторые занимались этим, — отрезал Себастьян. — А другие пили.

Коннор уставился на Себастьяна стальным взглядом.

— Себастьян, я ценю все, что ты для меня сделал за последние пару часов. Правда ценю, но раньше я справлялся с очень напряженными ситуациями и без тебя. Я большой мальчик, ты мне не нянька, так что утихомирь уже свою задницу.

Себастьян закрыл рот и посмотрел в окно. Он явно был обижен и зол.

— Он просто пытается помочь, — укорила я Коннора. — Он беспокоится, что ты...

Коннор посмотрел на меня, и гнев в его голосе пробрал меня до костей.

— Никогда не вставай на его сторону вместо того, чтобы встать на мою, Лили. Никогда.

И он отвернулся к окну.

Мои щеки вспыхнули — от гнева, от страха, от стыда. Первые две эмоции я понимала, а вот последнюю нет. Я чувствовала себя четырехлетним ребенком, которому сделал выговор отец.

Придя в себя, я еще больше разозлилась на то, что Коннор заставил меня чувствовать себя подобным образом.

Я уже открыла рот...

Когда поймала взгляд Себастьяна. Тот едва заметно покачал головой.

Я закрыла рот и отвернулась к противоположному окну.

Оставшуюся часть пути мы проехали молча.

Ну, не совсем так. Когда мы увидели папарацци, несколько слов все-таки было произнесено.

Репортеры, двадцать или тридцать человек с камерами, стояли плотным кругом перед «Дубай». Я не заметила никого с микрофоном или видеокамерой, поэтому предположила, что новостные репортеры еще не появились.

— Они здесь из-за нас? — прошептала я. Мой желудок скрутило от страха.

— О-о-о, да, — кивнул Себастьян.

Джонни нажал кнопку на консоли между собой и Себастьяном.

— Джерард, спустись на несколько кварталов, а затем отвези нас к отдельному входу.

— Будет сделано, — отозвался водитель.

Мы проехали мимо группы репортеров на расстоянии пятидесяти футов. Все они повернулись и посмотрели нам вслед, но из-за тонированных окон лимузина они понятия не имели, кто находится внутри. Машина не остановилась ни на секунду, что, думаю, убедило их, что это не те, кого они ищут. И будучи совсем честной, лимузин на Сансете — довольно обычное зрелище, даже во вторник вечером.

Тем не менее, все они повернули головы и последовали за нами взглядом, как зомби, отслеживающие живых... и затем мы уехали. Все газетчики развернулись и снова стали ждать свою добычу... которая без их ведома только что сбежала.

Коннор оглядел небольшую толпу фотографов, когда мы проезжали мимо, а затем снова уставился в темноту.

Как только мы вошли в пентхаус в «Дубае», Коннор достал себе еще один напиток из бара. Снова скотч. Затем он подошел к окну в полный рост и стал рассматривать огни города.

Я была так зла, что хотела убить его. В машине он так грубо разговаривал со мной и с Себастьяном, а теперь ведет себя как отчужденный придурок.

Джонни оставил наши сумки в спальне, затем, пожелав спокойной ночи пошел через холл в комнату телохранителя.

Себастьян остался еще на несколько минут, задержавшись у двери. Он смотрел, как Коннор готовит свой напиток, но ничего не сказал. По крайней мере, не прямо.

Он поднял ключ-карту.

— Я приду сюда в 3:30. То есть ровно через пять часов. Лучше бы тебе не ввязываться в какие-то махинации и не попадаться пьяным, а то, упаси меня бог, я дам тебе пинка.

— Я буду готов, когда ты войдешь, — бесстрастно сказал Коннор, не отворачиваясь от окна.

— Мм, — пробормотал Себастьян, показывая, что с трудом ему верит.

— О Боже, еще так рано, — простонала я.

Коннор обернулся, озадаченно нахмурившись.

— Ты не пойдешь.

Я уставилась на него в шоке, который постепенно превратился в гнев.

— Почему, ты стыдишься меня?

Коннор ничего не сказал, просто снова повернулся к темному окну.

Иисусе, он был в ярости.

— Нет, конечно, нет, — мягко сказал Себастьян. — Но папарацци окружают тебя, как только ты выйдешь на улицу, Лили. Ты же видела их возле отеля.

— Как они узнали о нашем приезде?

— Я всегда останавливаюсь здесь, — пробормотал Коннор, все еще глядя в окно и потягивая скотч. — Это очевидно.

— Самое безопасное место для тебя сейчас здесь, — успокаивающе продолжил Себастьян. — Выйдешь из отеля, на самом деле, из пентхауса, и на тебя набросится толпа.

Коннор оглянулся через плечо.

— Я думал, что сказал тебе выставить охрану...

— Да, — отрезал Себастьян. — Два охранника у лифта, стоят круглосуточно и без выходных. Они и сейчас должны быть там. Но ей все равно не следует завтра спускаться в бассейн или в главный вестибюль. Это небезопасно.

Я недоверчиво выдохнула.

— Значит... теперь я в тюрьме.

Себастьян пожал плечами.

— По крайней мере, тюрьма с удобствами.

Я уставилась на Коннора.

— Не уверена в удобстве своего сокамерника.

Впервые в жизни Себастьян действительно усмехнулся. Затем он взглянул на спину

Коннора, покачал головой и посмотрел на меня, подняв брови, как будто говоря: «Удачи».

— 3:30 утра, — крикнул он Коннору.

— Я буду готов, — ответил тот, не оборачиваясь.

— Спокойной ночи, Лили, — сказал Себастьян.

— Спокойной ночи, — отозвалась я, когда он закрыл дверь.

Мы с Коннором остались одни.

Я подождала около двух секунд, прежде чем напасть.

— Ты гребаный мудака, знаешь это? Себастьян пытается тебе помочь, а ты напиваешься. Как ты смеешь так с ним разговаривать? Как ты смеешь так разговаривать со мной...

Коннор, не оборачиваясь, спросил:

— В лимузине?

— Да, в лимузине, — отрезала я. — Может ты и миллиардер, но вести себя подобным образом...

— Прости, — сказал он, глядя в ночь.

Я замолчала.

Вот уж не ожидала.

Однако я все еще была в ярости, и то, как именно он извинился, меня не успокоило.

— Лучше хотя бы смотреть на людей, перед которыми пытаешься извиняться.

Он повернулся ко мне лицом — в его чертах не было ни раздражения, ни гнева, ничего. Он просто выглядел усталым.

— Мне жаль. Я не должен был так с тобой разговаривать. И я не просто пытался извиниться. Мне правда жаль.

Я сжала кулаки, не совсем понимая, что делать.

— Тебе стоит извиниться и перед Себастьяном, — наконец выдавила я.

Он резко рассмеялся, отвел от меня взгляд, затем закрыл глаза и кивнул.

— Завтра утром.

— Я думаю, ты должен сделать это сейчас...

— Завтра утром, — сказал Коннор, отвернувшись к окну и отхлебнув из своего стакана.

Я стояла на месте, все еще злая, как черт, все еще не зная, что делать.

Он пытается меня игнорировать?

Отлично.

Да пошел ты, Коннор.

— Спокойной ночи, — выплюнула я и повернулась, чтобы уйти.

— Знаешь, почему я потерял его в Вегасе? — спросил он, все еще глядя в темноту.

Я остановилась и уставилась на него.

— ... потерял что?

Он усмехнулся.

— Мое терпение. Когда разозлился из-за фотографий.

— Разве это не очевидно?

Он посмотрел на меня, слегка улыбаясь.

— Не знаю... Очевидно?

— Ты был в ярости из-за того, что Миранда тебя шантажирует.

— Ну, да... но я вышел из себя не поэтому.

— Ты злишься, что она пытается разрушить твои планы.

— Верно... но причина не в этом.

— Тогда... ты злишься, потому что у нее хватило смелости пойти против тебя.

— Да, но опять же, это не главная причина. — Он криво усмехнулся. — Есть еще какие-нибудь предположения?

Я скрестила руки. Следующее предложение было нелегко произнести.

— Ты разозлился, что она предала тебя.

— Я бы не назвал это предательством. Скорее гениальным ходом стервы. Она предала меня раньше, восемь месяцев назад, и тогда я даже не вышел из себя.

Уставшая от этой игры, я вздохнула.

— Так почему же ты потерял над собой контроль сейчас?

Он отхлебнул скотча и уставился в темноту.

— Потому что впервые с тех пор, как девятнадцатилетним вышел из кабинета отца... я испугался.

Это не казалось таким большим открытием.

— Хорошо, значит, ты испугался, что потеряешь все.

— Нет, совсем нет. Если не заполучу эту сделку, потеряю несколько миллионов долларов. Да, я вложил в этот проект много времени, но финансовые потери можно назвать мизерными.

— Ты испугался, что все твои планы будут разрушены.

— Разозлился, не испугался.

Я сжала челюсть. Я устала от его поведения в лимузине, устала от его таинственности сейчас, устала от этой игры в угадайку.

— Так чего же ты испугался?

— Впервые у меня появилась слабость, которую Миранда нашла и использовала.

Я нахмурилась.

— Фотографии?

Он повернулся и посмотрел на меня. — Нет. Ты.

Я почувствовала, как кровь отливает от моего лица. У меня подкосились ноги.

— Но я сделала это, чтобы тебе не пришлось жертвовать своими мечтами... Я согласилась, чтобы...

— Я не это имел в виду. — Он подошел к дивану, стоящему напротив окна, присел и похлопал по месту рядом с собой. — Иди сюда.

Я замерла на месте.

— Думаю... нам нужно лечь спать.

— Сначала нам нужно поговорить.

Мой желудок завязался узлом. Двойным, а то и тройным.

— Я...

— Лили... пожалуйста. Мне нужно с тобой поговорить, — тихо сказал он.

Я стояла там, испуганная и неуверенная, целых пять секунд... а потом медленно подошла и села рядом с ним на диван.

Коннор вздохнул и посмотрел на почти пустой стакан в своих руках.

— Будь на твоём месте кто-то другой, я бы просто заплатил. Выписал бы чек, неважно на какую сумму, лишь бы избавиться от этого... сказал бы «Да пошли вы» Миранде, моей семье... а затем пережил бы ударную волну. Постарался бы спасти ситуацию.

Я выпрямилась, взбешенная и обиженная.

— Мне не нужны твои деньги...

Он обернулся и посмотрел мне в глаза.

— А я и не предлагал, потому что знаю, что ты не примешь. И потому что не хотел, чтобы ты их приняла.

Я нахмурилась.

— Не понимаю... Я не уходила...

— Знаю, — грустно улыбнулся Коннор. — Знаю.

— Так..?

— Поэтому я в ужасе. Потому что ты по-прежнему моя ахиллесова пята.

— О, мне так жаль, — усмехнулась я.

Он рассмеялся.

— Я не это имел в виду.

— Тогда что именно ты имел в виду? — язвительно спросила я.

Он откинулся на спинку дивана и уставился в никуда.

— Я никогда ни о ком не заботился... особо. Я мог легко выкинуть людей из моей жизни, — сказал Коннор, щелкнув пальцами. — Люди были важны ровно до тех пор, пока они были полезны. После этого они только тянули вниз.

— Ты не относишься так к Джонни или Себастьяну, — заметила я в ужасе — Хотя не уверена, что правильно выразилась. Это ужасает еще больше.

— Нет... они друзья. Я позабочусь о них, если что-то случится. Но если бы пришлось пожертвовать ими сегодня, я бы это сделал, — сказал Коннор. В его голосе не слышалось и отголоска вины.

Я уставилась на него.

— Ты серьезно?

— Я сказал, что позабочусь о них. Им не придется больше работать и дня. Но неважно, через какой бы ад им пришлось пройти, я, наверное, выбросил бы их за борт. Если бы их присутствие в моей жизни рушило мои планы.

Я была потрясена и возмущена услышанным.

Но... несмотря на мою первоначальную реакцию... я поняла, что Коннор только что сделал мне поразительный, просто невероятный комплимент.

В самом сумасшедшем из всех возможных способов.

— А Миранда? — тихо спросила я.

Он посмотрел на меня и усмехнулся, будто бы говоря: «Шутишь что ли?!»

— Я бы с удовольствием перерезал ей горло. По крайней мере, метафорически.

— Нет, не сейчас. Раньше, — прошептала я. — Восемь... девять месяцев назад.

Он посмотрел на меня, потом отвел взгляд. Потер челюсть.

— Ты права, наверное, тогда я не стал бы выкидывать ее за борт. Но теперь трудно судить. Думаю, я бы держал ее при себе, потому что... ну... я же надел ей кольцо на палец. А значит, чувствовал себя обязанным позаботиться о ней.

Я уставилась на Коннора.

— Разве ты не был в нее влюблен?

Он пожал плечами.

— И да, и нет.

— Я не понимаю. Ты собирался жениться на ней.

— Да.

— Тогда разве ты не любил ее?

Он выдохнул.

— Это сложно.

— Так объясни.

— Если бы я пошел к психиатру, он, вероятно, сказал бы что-нибудь об эдиповом комплексе...

Он замолк, выглядя растерянным. Должно быть, алкоголь развязал ему язык. Я никогда раньше не видела Коннора таким.

— ...нет, это про желание убить своего отца... мы уже знаем, что я хочу это сделать... так, черт возьми, как называется, когда ты подсознательно ищешь кого-то, похожего на своего родителя противоположного пола....

— Думаю, все так делают.

Он посмотрел на меня и приподнял бровь.

— Так ты ищешь парня, похожего на твоего отца? Я напоминаю тебе о твоём...

— Это довольно тревожная тема, — перебила я. — Мы можем продолжить говорить о Миранде?

Он рассмеялся.

— Да, хорошо. Ну, очевидно, Миранда и моя мать очень похожи во многих отношениях... обе сосредоточены на богатстве, обе безумно честолюбивы, обе чрезвычайно умны... но помимо этого, думаю, я искал любви и привязанности от кого-то вроде моей матери... и Миранда определенно была хорошей кандидатурой. Почти такая же, только добрее, милее... поначалу, — мрачно сказал Коннор.

— Она во мне не нуждалась, что было чертовски привлекательно. Я уже говорил об этом, но большинство женщин интересуются мной из-за денег или известной фамилии, или

славы. Либо они просто хотят выставить меня напоказ, как добычу. Ничего этого Миранда не хотела. У нее было свое состояние, своя власть... мы были в относительно равных условиях. Для меня такое было впервые. И она стала призом, который нужно выиграть. Неуловимая... вызывающая. Она сопротивлялась каждому наступлению, притворялась застенчивой, никогда не говорила «нет», но и никогда не говорила «да». Я не привык к такому. Я приглашал ее на свидание десять раз, прежде чем она согласилась поужинать со мной. Это просто заставило меня хотеть ее больше. Женщины все время бросаются на меня...

Я поморщилась, пока он произносил последние нескольких предложений. К счастью, Коннор был слишком погружен в свой рассказ, так что не думаю, что он заметил выражение моего лица.

— ...но не Миранда. Поначалу она разыгрывала недотрогу. По правде говоря, она никогда не отдавала себя мне больше, чем должна была. Тогда я этого не осознавал, но она уже поймала меня на крючок, а потом просто подтянула. — Коннор посмотрел на меня. — Тебя не беспокоит, что я о ней говорю?

Да.

— ...нет. Ты любил ее, верно?

Он пожал плечами.

— Как я уже сказал, она была призом, который я хотел выиграть. Победителю — добыча.

— Но ты его выиграл.

— Не совсем. Я так и не завоевал ее... и думаю, это сводило меня с ума. Что-то, что я не мог заполучить, кто-то, кем я не мог обладать. По крайней мере, не полностью. Думаю, она знала это, и подыгрывала мне, и это... на самом деле, именно это я чувствовал к ней. А не любовь. Она была вызовом. Я хотел ее всю, а она никогда не сдавалась.

Каждое слово, каждая фраза как укол в сердце.

На самом деле, намного больнее, чем укол булавкой.

Она была вызовом.

«А я тогда кто?» — с печалью задумалась я.

«Ахиллесова пята», — прошептал тихий внутренний голос.

— Что между вами произошло? — спросила я.

Лицо Коннора помрачнело, а в глазах вспыхнула ненависть.

— Это долгая и скучная история... если вкратце: я рассказал ей о куче сложных бизнес-планов, которые у меня были. Я собирался выкупить кучу ослабевших технологических компаний и использовать их для... неважно чего. В любом случае, я посвятил ее в это заранее, потому что она генеральный директор фонда. У нее были десятки миллионов, вложенных в различные компании, не говоря уже о десятках миллиардов, что принадлежали ее клиентам. Я не хотел ей навредить. Не хотел разрушать все, что она построила, — он ухмыльнулся. — Даже если половину всего этого она унаследовала от «папы».

Я уставилась на него.

— Ты предоставил ей инсайдерскую информацию?

— Она была моей невестой. Что я должен был сделать, позволить ей потерять половину заработанного состояния? Разрушить ее бизнес, ее репутацию?

Я приподняла брови.

— Наверное, нет... так что же случилось?

— За несколько недель до первых торгов, компании, на которые я нацелился, внезапно получили огромные денежные вливания от анонимных инвесторов. Каждая из них. Их акции взлетели буквально за одну ночь, фактически разрушив планы, которые я строил целый год. Я покопался немного глубже, и угадай, кто вложил кучу денег в эти компании?

— Миранда?

— Да, и она тоже... но прежде всего, мой отец.

Я прикрыла рукой рот.

— Твой отец узнал о твоих планах?

— Он не просто «узнал». Миранда рассказала ему.

Я уставилась на Коннора.

— Да ты шутишь.

— Неа.

— Почему?!

— Потому что, когда она убедила его пойти ва-банк, стоимость ее вложений в эти компании, увеличилась в четыре раза всего за одну ночь.

Я все еще тарасилась на Коннора.

— Но... ты же предупредил ее, чтобы она ничего не потеряла...

— И она меня поимела.

— Она променяла тебя на деньги?!

— Не только. На власть тоже.

— Что ты имеешь в виду?

— Моя семья намного могущественнее и богаче меня, Лили. Я приближаюсь к их уровню, но до сделки по солнечной электростанции я был для них занозой в заднице. Может, очень надоедливой, но все же только занозой. Думай о моей семье как о семье Кеннеди, скажем, в 1955 году. Кеннеди все еще был сенатором, Бобби увязался за ним, но вся власть, вся реальная власть, как и деньги и влияние, принадлежали его отцу. Миранда явно не видела во мне Джона Кеннеди, она видела во мне Тедди. Он сделал много хорошего в своей жизни, но после своего провала в Чаппакидике никогда не собирался становиться президентом. И думаю, она решила остаться с Джо Кеннеди и остальными членами клана, чем с паршивой овцой.

— Ты же догадался? Разве ты не спросил ее прямо?

— Конечно. Я поговорил с ней, как только узнал, что за инвестициями стоит мой отец.

— И что она сказала?

— Засмеялась и сказала: «Конечно». Она вообще не пыталась это отрицать.

Я уставилась на Коннора.

— Но почему? Она сказала, почему так поступила?

— Думаю, что-то вроде: «Ты уменьшаешь ресурсы своей семьи. Если бы ты перестал воевать с ними и объединился, смог бы захватить весь мир».

Хорошо, невероятно это занудное и ужасное сравнение, но я подумала о Дарте Вейдере, который протягивает руку Люку и говорит: «Присоединяйся ко мне... совместными усилиями мы можем положить конец этому разрушительному конфликту и навести порядок в галактике».

После того, как, конечно, Вейдер отрезал Люку руку.

Хм... может быть, не такое уж плохое сравнение. (Если проигнорировать то, что Вейдер был отцом Люка.)

— Что же ты ответил?

— Сказал, что она уже облажалась, но я не был на 100 % честен, и теперь должен быть: у нее был последний шанс. Она могла выбрать меня или мою семью. Другого не дано. Она сказала мне не драматизировать. Думаю, дословно она сказала: «Я не признаю ультиматумов». Я посоветовал ей признать этот: выбирай или убирайся к черту и никогда больше не пересекайся со мной.

— Она просто усмехнулась и сказала: «Теперь я понимаю... все это время я думала, что эта одержимость отомстить семье что-то вроде переходного возраста. Я надеялась, что ты это перерастешь, но теперь вижу, что ты просто дурак. Это бизнес. Просто бизнес. Ничего личного». И я сказал ей: «Вот тут ты ошибаешься. Все это личное, особенно бизнес». А потом я заявил, что, очевидно, она сделала свой выбор давным-давно, так что может убраться к черту.

Я все еще смотрела на Коннора.

— Что она сделала?

— Ни слова не сказала. Просто посмотрела на меня, как на кусок дерьма... сняла обручальное кольцо, с презрением бросила его мне под ноги, а потом развернулась и ушла. На следующий день пришла пара помощниц и забрала ее вещи.

Я сидела с открытым ртом.

До встречи с Коннором я думала, что это в моей жизни много драмы. Оказывается, по сравнению с ним, у меня ее не было совсем. От его родителей до его невесты-социопата, я никогда в жизни не встречала никого, кто был бы настолько испорчен.

Он посмотрел на меня с легкой ухмылкой.

— Забавная штука, да?

— Я бы употребила другое слово.

Он выпил последние несколько капель из своего стакана и поставил его на кофейный столик.

— Что ты об этом думаешь?

— Я понимаю, почему ты последние восемь месяцев ни с кем не спал, — сказала я. — На самом деле, я удивлена, что ты не стал геем.

Он расхохотался, откинув голову на спинку дивана. Успокоившись, он вытер слезы с глаз.

— Ооо... хорошо сказано... уверен, Себастьян одобрил бы такой выбор, но нет, я слишком люблю женщин, чтобы одна плохая переманила меня на другую сторону.

Я протянула руку и погладил его по волосам.

— Слава Богу.

— Да... ну... помимо того факта, что я не стал геем, было много последствий, — продолжил он, внезапно тихо. — Я долгое время никому не доверял. На самом деле... если расскажешь ему это, я буду все отрицать... но одна из причин, по которой я не рассказал Себастьяну о сделке с Невадой, заключалась в том, что я беспокоился, не работает ли он с Мирандой за моей спиной.

— Что?! Думаешь, он бы помог Миранде? Он НЕНАВИДИТ Миранду!

— Всегда ненавидел. — Коннор закрыл глаза и покачал головой. — Я стал параноиком. Но к тому времени, когда начал контролировать это чувство, не мог сказать ему: «Да, кстати, я тебе не доверял три месяца назад, а теперь могу спокойно все рассказывать».

Я уставилась на него.

— Ты же не думаешь...

— Я знаю, что он этого не делал.

— Как? Откуда ты знаешь?

— Потому что я поручил третьим лицам тщательно проверить его. — Коннор открыл глаза и увидел встревоженное выражение на моем лице. — Лили, ты должна помнить, что меня только что предала женщина, с которой я собирался провести остаток своей жизни. Я никому не доверял.

— Но ты сказал мне прошлой ночью, — прошептала я.

Он улыбнулся.

— Потому что я тебе доверяю. — Затем его улыбка померкла. — И это меня пугает.

— Вот почему ты так себя вел? — спросила я, совершенно сбитая с толку. — Потому что можешь мне доверять?

— Нет, — он встал и подошел к окну, вглядываясь в темноту. — Потому что я собирался тебя отпустить. Я собирался вышвырнуть тебя за борт и оставить все как есть... но потом понял, что не могу. Вот тогда я и сорвался... потому что не мог сделать то, что следовало бы. То, что от меня требовала ситуация.

Как только его слова достигли моего сознания, мое сердце сжалось, и кровь застыла в моих жилах.

Не каждый день ты слышишь: «Да, я собирался позволить своей психованной бывшей разрушить твою жизнь, а потом понял, неаааа, не могу этого сделать. Хотя очень НАДО».

Но то, что Коннор сказал дальше, полностью уничтожило меня.

Он посмотрел на меня, все еще сидящую на диване. Его взгляд был мягким, и он слегка улыбался.

— Я не смог этого сделать, потому что понял, что уже влюблен в тебя.

Я уже говорила, что то, что я почувствовала, увидев те фотографии, было неопишимо. Мои эмоции в это мгновение были такими же, но в десятки раз сильнее. И совершенно по иным причинам.

Радость. Моё сердце разрывалось, в хорошем смысле. Я хотела плакать, в очень хорошем смысле. Мне казалось, что ощущение счастья во мне нарастает так быстро, что я могу лопнуть.

И ужас. Я была в ужасе от того, как быстро всё происходило, от того, что это значило.

Но больше всего я была поражена тем, что Коннор сказал это, он действительно произнес это вслух.

Ошеломление. Головокружение. Желание. Я хотела его, хотела поцеловать его, хотела заняться с ним любовью...

Стоп! Он ведь пьян, скорее всего всему виной алкоголь. Вот почему он это сказал? Произнёс бы он эти слова, если бы за последние два часа не выпил полбутылки виски? Приоткрыв рот, я смотрела на него, пытаюсь понять. Силась выбраться из бушующего, грозящего затопить меня потока эмоций. Тут его улыбка слегка померкла, а на лице появилось обеспокоенное выражение.

— Лили...?

Я широко улыбнулась, к моим глазам подступили слёзы.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала я.

Как только я произнесла эти слова, его лицо просияло. Несколькими гигантскими шагами Коннор преодолел расстояние между нами, наклонился, схватил меня за руки, поднял на ноги. И поцеловал.

Боже мой, как он меня поцеловал.

Он заключил меня в кольцо своих рук, прижимая к себе, вдавливая в своё тело.

За всю свою жизнь я никогда не чувствовала себя в большей безопасности, не чувствовала себя настолько любимой, как в этот момент.

Его губы нашили мои и прижались к моему рту, сначала мягко, потом настойчиво. Не только с желанием, но и с нежностью, и с волнением, и с радостью.

Вначале я почувствовала сильный привкус скотча в его дыхании, но потом он стал исчезать, и через несколько секунд я его почти не замечала.

Я ответила на поцелуй, подстраиваясь под него, и тут страстные поцелуи превратились в безумие.

Потом Коннор оторвался от меня, положил руку мне на затылок и прошептал на ухо:

— Я люблю тебя.

Коннор отступил на шаг и посмотрел мне в глаза с широкой улыбкой на лице.

Я наполовину рассмеялась, наполовину всхлипнула, и слёзы из уголков глаз потекли по моим щекам. Он осушил их поцелуями, затем вернулся к моему рту, и я почувствовала соль на его губах.

— Я люблю тебя, — снова прошептал он, едва коснувшись моих губ, прежде чем ещё раз поцеловать меня.

А потом он наклонился, и земля ушла у меня из-под ног. В буквальном смысле.

Одной рукой Коннор подхватил меня под колени, а другой поддержал за спину. От неожиданности я завизжала, а потом, когда он поднял меня в воздух и понёс в спальню, захихикала. Я прижала руки к его щекам, смеясь и целуя его снова и снова.

Как только мы оказались в спальне, Коннор поставил меня на ноги, снял с меня туфли, потянул моё платье за лямки вниз, недолго провозился с лифчиком и молниеносно спустил трусики на пол. В это же время я пыталась одну за одной расстегнуть пуговицы на его одежде, сводя его этим с ума.

— Просто сорви их, — хрипло прошептал он.

— Но...

— Сделай это, — приказал он, схватив меня за задницу и притянув к себе.

Под тканью штанов я почувствовала очертания его твёрдого и толстого члена, прижимающегося к моему животу. Я хотела его *сейчас*.

К чёрту пуговицы.

Я рванула полы рубашки, и пуговицы дождём рассыпались по полу. Потом я быстро расправилась с ремнём, вытянув его из шлёвок и расстегнула молнию на штанах. Коннор заскользил руками по моей спине, груди, шее, пробежал пальцами по моим волосам...

Господи, я была такой мокрой.

Я оттянула пояс его трусов, чтобы убедиться, что не причиню ему боль, когда буду стягивать их. Потом взяла в руку его член, такой горячий, толстый и пульсирующий в моей ладони, и потянула боксеры вместе с брюками вниз, пока они, скользнув по его

мускулистым бёдрам, не оказались на полу. При этом я совсем забыла про туфли, так что брюки теперь болтались у Коннора на щиколотках.

— О Боже, — простонала я, отчаявшись от безумного желания, и толкнула его к кровати. Обнаженный Коннор рассмеялся, распластавшись на одеяле. Я стянула с него туфли и носки, потом брюки и нижнее бельё, а затем заползла, нет, запрыгнула на него, ощущая жар его тела, и то, как головка его члена, похожая на обжигающе горячий атлас, скользит по моим ногам.

Я склонилась над ним, дразняще скользнув по его торсу грудями, а потом крепко поцеловала его, сильно прижавшись бёдрами к его толстому великолепному члену.

Коннор поцеловал меня в ответ, заполнив мой рот своим языком, затем он протянул руку, схватил меня за волосы и перевернул на спину. Резким движением коленей он раздвинул мои ноги, и тогда я почувствовала набухшую, мягкую головку на своей киске. Он толкнулся внутрь, моя влажность обволокла его член, позволив ему скользнуть внутрь так быстро и так легко, что я ахнула от шока и удовольствия.

Обеими руками Коннор схватил меня за волосы так, что я больше не могла пошевелиться головой, и посмотрел мне в глаза.

Я люблю тебя, — прошептал он, когда его член все глубже проникал внутрь меня, наполняя, погружаясь всё глубже и глубже, заставляя меня стонать в экстазе. — Я люблю тебя, — застонал он, глядя в мои глаза, и я почувствовала, как его массивная плоть отступает во мне, а затем возвращается, снова наполняя меня до такой степени, что я готова была разорваться от удовольствия.

— Я люблю тебя, — прошептала я, мои глаза наполнились слезами радости. Прикрыв их, я застонала, когда Коннор снова вошёл в меня. Я открыла глаза, когда почувствовала его губы на своих, горячие, лихорадочные и безумные.

Коннор не отрывал от меня свой взгляд, будто пытаюсь проникнуть в самую глубину моей души, когда снова и снова врывался внутрь, наполняя меня, унося всё дальше и дальше, притягивая меня к себе всё ближе и ближе, вдавливаясь глубоко в мою душу и тело, почти выходя из меня, потом возвращаясь, занимаясь со мной любовью, находясь внутри меня, становясь со мной единым целым.

— Я люблю тебя, — снова и снова бормотал он, пока смотрел мне в глаза. Его лицо было полно нежности, вожделения и любви. Слезы текли по моим щекам, пока я улыбалась, не в силах сдержать свою радость.

— Я люблю тебя..., я тоже тебя люблю..., я люблю тебя... — Мой шёпот прерывался только моими же криками удовольствия, когда его член, его великолепный, толстый, удивительный член, продолжал двигаться внутри меня, сладко наполнял меня, останавливался и снова входил, когда Коннор поцеловал меня в губы, посмотрел мне в глаза и прошептал:

— Я люблю тебя, Лили, Господи Иисусе, как же я люблю тебя...

Я гладила его спину, его руки, сжимала его потрясающую задницу, когда он снова и снова вдавливал этот прекрасный, великолепный член в моё тело. В конце концов, я поднесла ладони к его лицу, вцепившись в его волосы, держась изо всех сил, пока он занимался со мной любовью, наполнял меня, подводя к грани оргазма и удерживая там в подвешенном состоянии. Всё моё тело дрожало и извивалось под ним, когда Коннор раз за разом входил в меня, полностью заполняя и поднимая дюйм за дюймом всё выше и выше. Всё это время Коннор смотрел мне в глаза.

— Когда будешь кончать, смотри мне в глаза, Лили, — хрипло произнёс он. — Я хочу сказать, что люблю тебя, когда ты кончишь, Лили...

Вот оно.

— О Боже, — закричала я, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми, пока сладчайшие спазмы невероятными волнами накатывали на меня. Всё это время я тонула в глазах Коннора, пока он шептал:

— Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя...

— Я ТОЖЕ ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, — закричала я не в силах больше себя сдерживать. Закатила глаза, я почувствовала, как всё моё тело дергается в конвульсиях, а бёдра врезаются в тело Коннора. Каждый мой нерв пропитался негой, сексом и блаженством, и затем я услышала, как Коннор, повысив голос, воскликнул:

— Господи!

Я прижала его голову к своему плечу и прошептала, фактически всхлипнула, ему на ухо:

— Я люблю тебя, Коннор.

И тут же почувствовала, как он взорвался внутри меня, между моими ногами. Как его толстый член стал ещё больше, ещё невыносимо слаще, как он схватил меня за плечи, а я вцепилась в него, сжав пряди его волос в своих руках, шепча слова любви снова и снова, пока не почувствовала, как его спазмы медленно стихают. Коннор рухнул на меня, его грудь вздымалась, тело дрожало. Он поцеловал меня в ухо, и так мы и остались лежать: он внутри меня, и мои губы возле его уха, шепчущие:

— Я люблю тебя... Люблю...

После того, как чувственный угар прошёл, Коннор лёг на спину, а я прижалась к нему сбоку, положив голову ему на грудь.

— Значит, ты понял, что любишь меня, когда не смог подкупить? — спросила я.

— Полагаю, что так, — усмехнулся он.

— Это тааак романтично, — саркастически сказала я, ткнув его в бок.

Он рассмеялся, а затем зацекотал меня в отместку, пока я не завизжала.

— По крайней мере, я понял это, — сказал он, когда я успокоилась.

— Верно, — признала я.

— А когда ты поняла?

— Ещё раньше.

— Когда?

Я покраснела, радуясь, что он этого не видит.

— На колесе обозрения.

Он погладил меня по волосам.

— Это был удивительный день, правда?

Я кивнула с закрытыми глазами и улыбнулась.

— Самый лучший.

— Вообще-то я, наверное, и тогда был влюблён в тебя, просто не хотел себе в этом признаваться.

Мои глаза распахнулись. Я подняла голову, чтобы посмотреть на него.

— Что ты имеешь в виду?

Коннор пожал плечами.

— То, что и сказал: я, наверное, знал это и раньше, просто не хотел себе признаваться в этом.

— Почему нет?

Он выглядел крайне смущённым.

— Не знаю. — Я продолжала пристально смотреть на Коннора, пока он не сдался и не продолжил: — Я полагал, что это слабость, — тихо сказал он.

Его слова, к моему удивлению, сильно ужалили меня.

— Именно это и хочет услышать каждая девушка.

Он прищурился, глядя на меня.

— Подумай сама, Лили. Последняя женщина, с которой я был, предала меня. После этого несколько месяцев у меня никого не было, а затем я влюбился в первую женщину, с которой переспал. Разве ты не понимаешь, что это может вызывать некоторое беспокойство?

Я опустила взгляд.

— Да..., наверное, — неохотно произнесла я.

В том, что он сказал, точно был смысл. Но я хотела только роз и бабочек, а вместо этого получила... реальность. Это слегка отрезвило. Он потянулся и погладил меня по руке.

— Я чувствовал, что ты нужна мне..., и это пугало.

Моё сердце смягчилось, и я посмотрела на Коннора. Потом нежно погладила его по щеке.

Коннор поцеловал мои пальцы, затем повернулся на бок, так что мы оказались лицом к

лицу, и начал нежно целовать меня.

Моё сердце затрепетало, и, когда он прикоснулся своими губами к моим, я обхватила его лицо свободной рукой и ощутила тяжесть его члена, расслабленного, но всё ещё массивного, прижимавшегося к изгибу моей ноги.

И тут же я почувствовала, как он начал утолщаться, как медленно коснулся моего бедра, становясь всё длиннее и твёрже. Когда поцелуи Коннора стали более горячими и страстными, у меня появилось ощущение, что его член так вжимается в моё тело, словно жаждет оказаться внутри меня. Я потянулась вниз и, все еще целуя Коннора, погладила его член, мягко и нежно, чувствуя, как он ещё больше напрягается в моей руке. Коннор, не прерывая поцелуя, застонал мне в рот, а затем перешёл к моей шее, лаская ее своими губами.

Левой рукой он обхватил мою голову, а правой нашел мою грудь и начал касаться её, играя с соском, описывая вокруг него круги, пощипывая ровно настолько, чтобы вызвать дрожь желания между моих бёдер.

Я лежала, позволяя ему целовать меня, где он хотел, позволяя ему делать всё, что он хотел. Я медленно двигала рукой вверх и вниз по длине его члена, а потом позволила пальцам опуститься ниже и обхватить его яйца, мягко массируя и слегка сжимая их. Коннор застонал, и я почувствовала, как его член содрогнулся, словно брыкающийся конь. Я вновь начала поглаживать его ствол, мои пальцы обвили его толщину, как кольцо из шёлка, двигаясь от его набухшей головки вниз к основанию, легко, медленно и нежно.

Он добрался до моего уха и прикусил мочку, лизнул внешний край и легонько подул на него. Всё моё тело выгнулось ему навстречу, и я ощутила жар его члена, лихорадочно прижимающегося к моей коже.

Я так сильно хотела его внутри себя.

Коннор поднял мою ногу в колене так, что ступня осталась на кровати, а нога образовала треугольник. Я подумала, что сейчас он войдёт в меня, пока мы лежим на боку лицом друг к другу, но нет, Коннор оказался более жестоким.

Потянувшись вниз, он начал слегка поглаживать пальцами мой лобок, щекоча, разжигая во мне огонь... Затем его пальцы опустились ниже, слегка касаясь моих губ, лаская их, его кожа едва касалась моей, скользя по влажности моих соков. Он сознательно избегал прикосновений к клитору, позволив лишь кончику пальца войти в меня всего на несколько миллиметров, достаточно, чтобы своим проникновением заставить меня стонать.

Тем временем я чувствовала, что он тоже стал влажным. Я провела ладонью по набухшей головке его члена и почувствовала, как его предэякулят скользит по моей коже. Используя его, чтобы увлажнить член, я начала гладить его с едва ощутимым трением. Каждый раз, когда моя рука достигала головки, я кружила вокруг неё, водила мокрой ладонью исключительно по этой чувствительной коже. Наконец Коннор выдохнул:

— Слишком... это слишком потрясающе. И слишком чувственно.

Я улыбнулась и снова начала гладить его вверх и вниз, увлажняя его же влажностью.

Словно в наказание за то, что я с ним сделала, Коннор набросился на меня. Кончиком пальца, скользким и влажным, он сначала едва заметно погладил мой клитор. Это прикосновение напоминало дуновение ветра. Я захныкала, когда он скользнул вниз по моим губам..., погладил меня, поиграл..., а затем снова двинулся вверх, описывая круги вокруг моего клитора, прежде чем отстраниться. Он делал это снова и снова: прикасался ко мне и ласкал меня с едва заметным давлением, затем отстранялся, чтобы сладость и возбуждение

немного ослабели..., а после возвращался, оставаясь немного дольше, скользя и нажимая чуть более настойчиво, лаская мой клитор самым эротичным способом... Потом Коннор снова отдалялся, дразня меня, не позволяя подняться слишком высоко, лишь усиливая моё возбуждение, прежде чем снова отступить.

— Чёрт, — в какой-то момент простонала я, откинув голову на кровать и зажмурил глаза от блаженного разочарования.

— Дааа, мэм, — прошептал он с ухмылкой в голосе, а затем убрал руку.

Прежде чем я успела возразить, он обхватил мою, все еще сомкнутую вокруг его члена ладонь своей, и я почувствовала, как он изогнул свой ствол под углом, а затем мееедленно погладил своей мокрой скользкой головкой мой клитор. От такого прикосновения из меня вырвался вскрик. Затем Коннор начал толкать свой член в мою киску, сантиметр за сантиметром, дюйм за дюймом, не останавливаясь ни на секунду, просто медленно, очень медленно заполняя меня.

— О Боже, — захныкала я. Теперь своими мокрыми пальцами я вместо члена сжимала его плечо, пока он двигался во мне всё глубже и глубже, наполняя меня так сладко и удивительно, что мне хотелось кричать.

Я по-прежнему лежала на его руке, которая, упираясь мне в спину, помогала мне удержаться на боку. Коннор подарил мне глубокий поцелуй, его язык был таким же медленным, толстым и горячим, как и его член, и они оба продолжали двигаться в моём теле всё глубже и глубже.

Я обняла его обеими руками за шею и прижала его губы к своим. Я стонала и кричала, когда его толстое основание полностью наполнило меня, когда его член полностью проник в мою киску. Мне было так хорошо, что я почти плакала.

Пока мы целовались, Коннор начал чуть-чуть раскачиваться вперёд и назад, не отступая больше чем на дюйм, ровно настолько, чтобы я чувствовала его глубоко внутри себя, снова и снова наполняя меня, заставляя расширяться вокруг толстого основания его ствола, снова и снова позволяя мне ощутить его внушительный член между моих ног.

Коннор вжимался в меня, и я чувствовала, как его тело трётся о мой клитор. Это приводило меня в экстаз. Затем он снова отступал всего на дюйм и снова наполнял меня быстрым, маленьким толчком, касаясь какой-то потаённой точки глубоко внутри.

Он прервал наш поцелуй и отстранился настолько, что наши губы едва соприкасались.

— Ты любишь меня, Лили?

— Да, — простонала я, пытаюсь поцеловать его, но он не позволил мне этого. Коннор слегка откинул голову назад, на его губах появилась улыбка, а всё моё лицо напряглось от неудовлетворенного желания и переполнявшего меня экстаза.

— Ты любишь меня? — спросил он, почти выйдя из меня, а затем вонзаясь в меня ещё сильнее.

У меня перехватило дыхание.

— Да.

— Ты любишь меня? — спросил он, делая это снова, почти выходя, а потом глубоко вонзаясь.

— О Боже, да...

На этот раз он не отстранился, просто вжал свой член в меня так сильно, как только мог, так глубоко, как только мог, как будто, прижавшись ко мне бёдрами, он пытался стать со мной единым целым. Его тело, или его таз, или нижняя часть пресса или все они вместе

взятые настойчиво давили на мой клитор, заставляя его взрываться от удовольствия. Коннор вращал бедрами, описывая своим членом круги внутри меня. Рукой он сжал мою задницу и притянул к себе так сильно, так потрясающе.

— Если ты меня любишь...

— О БОЖЕ, ДА...

— Тогда кончи для меня, — прошептал он мне на ухо.

— БЛ*ДЬ, БЛ*ДЬ, — закричала я, скользя пальцами по его спине, кусая его кожу, пока кончала, снова и снова, сильнее и сильнее, поднимаясь выше и выше. Коннор прижимался ко мне, раскачивая свой толстый ствол внутри меня, а давление всё нарастало и усиливалось по мере того как я погружалась в эйфорию. Я схватила Коннора за задницу, его ягодицы напряглись под моими пальцами. Он застонал, и вдавился в меня так сильно, что я почувствовала, как он взрывается во мне. Мой оргазм запустил и его механизм, и мы слились воедино, стонали вместе, я кричала, когда кричал он, пока конвульсии Коннора не начали медленно ослабевать, пока мои не утихли. Тогда мы просто остались лежать, тесно прижавшись друг к другу. Потом мы снова начали целоваться, мягко, сладко и нежно.

Я мало что запомнила после этого. Кажется, мы ещё немного о чём-то говорили, но постепенно это перешло в полусвязное бормотание..., и тогда я уснула в его объятиях.

Я проснулась от звука душа. Где-то в спутанном тумане моего мозга мелькнула мысль о том, чтобы встать и присоединиться к Коннору..., но кровать была такой мягкой, а он скоро выйдет...

... чтобы пойти на съёмки программы «Доброе утро, Америка» и рассказать о сексуальном скандале.

Вспышка адреналина пронзила меня. Я приподнялась на локтях, сердце бешено колотилось.

Ох, дерьмо, дерьмо, дерьмо...

После волшебства прошлой ночи я на время забыла обо всех проблемах и о той боли, которую они несут за собой.

ХА, хаааа, как сказал бы Нельсон из Симпсонов. Время вернуться в реальный мир.

Я снова легла и попыталась восстановить дыхание.

Скоро все узнают. По всей Америке сейчас просыпались люди и рассматривали наши с Коннором фотографии на первых страницах газет, в интернете или по телевидению...

Сегодня нужно позвонить родителям.

ДЕРЬМО.

Следующие пятнадцать минут я находилась в состоянии лёгкой паники, пока дверь ванной не открылась, и оттуда не вышел Коннор.

Перед тем, как выйти, он выключил свет, так что был заметен только чёрный прямоугольник открытой двери на фоне тёмной стены. Я совсем не видела его, но слышала.

— Ты проснулась, — сказал он спокойным и собранным голосом.

— Иди сюда, — прошептала я.

Его туфли зашуршали по ковру, и я почувствовала, как прогнулась кровать, когда он сел рядом со мной на край матраса.

Я протянула руку и погладила его лицо. Оно было свежесбритым, гладким и ещё тёплым после душа. Он пах чистотой, как мыло, вода и пар, с ноткой одеколona, которым пользовался, когда я впервые встретила его: мускус и сандал, мужественный и насыщенный, с тончайшей сладостью, лежащей в основе аромата.

Я потянулась и поцеловала его в темноте. Запах скотча исчез, его заменила искрящаяся мята.

Однако что-то было не так.

Его поцелуй был приятным, но сдержанным. Он прижался ко мне губами, но не более того. Не было привычной страсти, и нежность прошлой ночи растаяла бесследно.

Я озадаченно отстранилась.

— Включи свет, — прошептала я, — хочу тебя увидеть.

Послышался шорох ткани, потом он протянул руку, и рядом с кроватью зажёгся свет.

Он был невероятно красив, даже красивее, чем когда я увидела его впервые. Тени, отбрасываемые прикроватным светильником, оттеняли его черты, как на картинах Рембрандта. Тёмные волнистые волосы идеально уложены. Волевой подбородок, чётко очерченная линия челюсти, эти скулы..., губы, мужественные, но чувственные..., золотисто-коричневая кожа, прозрачно-голубые глаза. Костюм был безупречен: ткань в тёмно-серую

тонкую полоску, белоснежная рубашка, переливающийся синий галстук, который идеально сочетался с цветом его глаз.

Он выглядел усталым, но в нём чувствовалась решимость, стальная готовность осуществить задуманное. Дух воина. Я замечала это в нём и раньше, в его спорах со своей семьёй, в словесных перепалках с Клаусом, в рассказах о своих планах и мечтах изменить мир.

Но что-то изменилось.

Я, было, коснулась узла его галстука, как это делают женщины в кино, чтобы поправить его, но он был безупречен.

— Ты выглядишь горячо.

Он рассмеялся, и это «что-то, ставшее другим» исчезло, сменившись прежним Коннором.

— Что ж, приятно это знать.

Затем он снова погрузился в состояние невозмутимости и спокойствия и нежно улыбнулся мне.

— Я лучше пойду.

Он начал вставать, но я схватила его за руку.

— Подожди...

Он снова сел и посмотрел на меня, вопросительно приподняв брови. В остальном на его лице не отражалось никаких эмоций.

Абсолютная непроницаемость.

— ...эмм у тебя всё нормально? — прошептала я.

Он снова улыбнулся. Уверенный, спокойный..., но не совсем настоящий.

— Это будет очень напряжённый день. Я нервничаю.

Я нахмурилась.

Коннор? Коннор нервничает?! Да, я всё правильно услышала.

Но что-то в том, *как* он это сказал, показалось странным.

— Ты... уверен, что это всё?

— Уверен, — сказал он и снова поцеловал меня. Этот поцелуй был нежным и приятным, но без какого-либо намёка на чувственность. Это был поцелуй человека, который женат уже лет двадцать. Поцелуй мужчины, который всё ещё любил свою жену, но не пытался заняться с ней сексом последние десять месяцев.

«Или просто кто-то пребывает в невероятном напряжении, — упрекнула я себя. Сделай ему поблажку».

А ещё лучше, сделай для него что-нибудь приятное.

Обвив руками шею Коннора, я поцеловала его, отдавая всю нежность и сладость, которую хотела получить от его поцелуя.

Между нами проскочила искра..., но она не чувствовалась взаимной. И в пламя она тоже не превратилась.

Я первой прервала поцелуй и посмотрела ему в глаза, словно что-то выискивая. Но не нашла. Внезапно я очень, очень испугалась.

Я снова подалась к нему и обняла так крепко, как только могла.

По какой-то странной необъяснимой причине, мне показалось, что я прощаюсь с ним.

Коннор обнял меня в ответ, его руки согревали мою обнажённую кожу. Он мягко

отстранился.

— Мне лучше уйти, пока сюда не вломился Себастьян.

— Хорошо, — прошептала я.

— До скорого.

Он встал с кровати и направился к двери спальни.

— Удачи...

Коннор улыбнулся в ответ, открывая дверь.

— Спасибо. Поспи ещё, отдохни.

Я ждала, что он снова скажет эти слова, молча умоляя его...

Я тебя люблю.

Но он этого не сделал.

Он просто вышел и тихо закрыл за собой дверь.

Я попыталась снова уснуть, но, чёрт возьми, это было невозможно.

Я лежала, беспорядочно метаясь и ворочаясь, мои мысли мчались со скоростью миллион миль в час.

Почему он этого не сказал?

Что случилось?

Что изменилось?

Но тонкий червячок сомнения подтачивал меня и шептал на ухо: «Возможно, он ждал, что ТЫ скажешь это».

Я хотела.

Но что-то удержало меня. Едва заметная перемена в поведении Коннора, отсутствие страсти в его поцелуе.

Может, мне следовало сказать это первой? Наверное, я должна была.

Но у меня была причина не делать этого. Я боялась, что он автоматически повторит то же самое. Или, что ещё хуже, вообще ничего не скажет.

Почему он этого не сказал?

Вот так Коннор Темплтон полностью воспользовался предоставившейся возможностью отвлечь меня от надвигающегося глобального позора и полного разрушения моей личной жизни, не сказав и трёх коротких слов.

Так и не сумев уснуть, я встала, накинула один из гостиничных халатов и начала нарезать круги по комнате. Я не находилась в режиме помешательства, когда безудержно размахиваешь руками, но с каждой минутой была все ближе к этому состоянию.

Моя медленно нарастающая паника взяла верх над обычными колебаниями, и я позвонила в обслуживание номеров, чтобы заказать кофе и фрукты. В ожидании заказа я бешено ходила вперёд и назад. Когда появился официант, толкая перед собой тележку на колёсиках, я поблагодарила его и подписала счёт, включив в него хорошие чаевые. Когда он вышел из номера, я выглянула вслед за ним. В коридоре у лифта стояли двое рослых крепких мужчин в костюмах, по одному с каждой стороны.

Один из них с любопытством посмотрел на меня.

Я юркнула в комнату быстрее, чем сурок, увидевший свою тень, и закрыла за собой дверь.

Приготовив себе чашку кофе со сливками и неприлично большим количеством сахара, я включила гигантский плоский экран в гостиной пентхауса.

«Это сумасшествие, — твердила я себе. — Сейчас только...».

Я огляделась в поисках часов. На полке стояли причудливые цифровые часы, полностью выполненные из гладкого стекла и матовой стали.

Четыре семнадцать утра.

«Ничего не происходит, — сказала я себе. — Пока никто ничего не знает, разве только те, что увидели это в интернете».

Как же я ошибалась.

Да, в основном по телевидению демонстрировали рекламные ролики и какие-то плохие фильмы, но тут я заметила кнопку навигации на пульте дистанционного управления, которая вывела на экран список различных доступных каналов. И тут же я обнаружила, что даже будучи в Лос-Анджелесе, у меня был доступ к нью-йоркским телеканалам.

Среди прочих в меню значился филиал канала «ABC» в Нью-Йорке, показывающий «Доброе утро, Америка».

Ура.

Дрожащей рукой я нажала кнопку на пульте дистанционного управления.

Конечно, конечно мне не стоило этого делать.

Экран взорвался 52-дюймовым (*прим. 132 см. в диагонали*) кадром меня и Коннора, моя спина прижималась к кирпичной стене, грудь была закрыта чёрной полосой, а камера демонстрировала миру мой оргазм.

Кофейная чашка выскользнула из моей руки и разбилась об пол. Кажется, я почувствовала, как горячая жидкость расплескалась по моим босым ногам, но едва ли отреагировала на боль.

— А теперь о скандале, потрясшем страну этим утром, — сказал женский голос за кадром, — когда фотографии прилюдного совокупления миллиардера с женщиной... скажем так, «сомнительной профессии», появились прошлой ночью на TMZ.com (*прим. бульварный он-лайн таблоид о знаменитостях*). Всего через несколько минут тот самый миллиардер, Коннор Темплтон, происходящий из знаменитой богатой семьи, присоединится к нам из Лос-Анджелеса в прямом эфире, чтобы высказать свою точку зрения.

Бессильно опустившись на кушетку, с трудом преодолевая желудочные спазмы, я с ужасом наблюдала, как на экране мелькали всё новые и новые изображения моего восторженного лица.

Потом я побежала в ванную и меня вырвало.

К тому времени, как я взяла себя в руки и вытерла разлитый кофе, Коннора уже показывали по телевизору.

Странная смесь страха и нежности пронзила меня, когда я увидела его.

Коннор выглядел невероятно. Я заметила напряжение в его глазах, но только потому, что знала его. В остальном он был идеален, от костюма за 5000 долларов до уверенной улыбки и потрясающей внешности. В другой день, при других обстоятельствах он мог бы баллотироваться в Сенат или, может быть, даже на пост президента — невероятно красивый мужчина, сильный и уверенный в себе, молодой и полный сил, готовый изменить мир. Как будто возродился дух Джона Кеннеди, только он был в десять раз красивее и без акцента уроженца Массачусетса.

Коннор находился в какой-то студии с деревянными панелями на стенах и деревьями в горшках на заднем плане. Он выглядел так, будто расслаблялся и проводил время в своём удовольствии, определённо не заботясь о том, что стал участником общенационального сексуального скандала.

Экран переключился на женщину-ведущую, и её голос просочился в моё сознание.

— ...миллиардер-инвестор и филантроп Коннор Темплтон сейчас с нами через спутник из Лос-Анджелеса. Спасибо, что пришел на шоу, Коннор.

— Спасибо, что пригласили меня. — Он сверкнул своей трусикосрывающей улыбкой, и я представила себе как десять миллионов женщин по всей Америке, домохозяек, женщин, собирающихся на работу, восьмидесятилетних бабушек, одновременно падают в обморок.

— Коннор, это довольно... хм, *компрометирующие* фотографии.

Он засмеялся.

— Да, это мягко сказано.

— Что случилось?

— Ну, я так думаю, что вы сами можете увидеть на фотографиях, что *именно произошло*.

Нервный, возбуждённый (да, я употребила это слово намеренно) смех ведущей.

— Эм, да, ну... да, я думаю, мы *поняли!*

Внезапно глаза Коннора сфокусировались на камере с максимальной концентрацией, будто он смотрел на десять миллионов душ, разговаривая с каждой из них отдельно. По крайней мере, мне казалось, что он смотрит прямо на меня.

— Вопрос больше в том, откуда появились эти фотографии и для чего? И я вам скажу, что это была попытка шантажа со стороны моей бывшей невесты и моих родителей с целью помешать мне финансировать революционный проект в области экологически чистой энергии, который обеспечит каждое домохозяйство в Америке, а в перспективе и весь мир, дешёвым электричеством в течение ближайших пяти лет.

Камера переключилась на ведущую, которая явно была поражена.

— Это... гм... вау, в твоём заявлении столько всего, давай уточним всё ещё раз. Ты утверждаешь, что твоя бывшая невеста и твои родители пытались тебя шантажировать?

— Вчера около четырёх часов дня они были в моём гостиничном номере в Лас-Вегасе. Именно тогда я впервые увидел те самые фотографии, которые они угрожали опубликовать в прессе, если я не откажусь от своих планов по обеспечению нации недорогой экологически чистой энергией.

— Я не очень понимаю, почему они пытались помешать тебе сделать это?

— Потому что мой отец, Огастес Темплтон, уверен, вы о нём слышали, — сказал Коннор, сверкая саркастической улыбкой, — заработал миллиарды долларов в сфере угольной и нефтяной промышленности и за десятилетия потратил сотни миллионов на лоббирование Конгресса с целью ослабления контроля государства над этими отраслями, добиваясь предоставления федеральных субсидий его компаниям и ослабления стандартов Агентства по охране окружающей среды. И всё это в основном для того, чтобы загрязнять наш воздух и воду и заставить вас, американских налогоплательщиков, испытать на себе последствия таких решений, в то время как он накапливал невероятное состояние. Моя бывшая невеста, Миранда Локвуд, являющаяся главным исполнительным директором хедж-фонда, зарабатывает сотни миллионов долларов в год на инвестициях в те же самые, загрязняющие окружающую среду компании. Мой отец и Миранда потеряют миллиарды долларов, если угольную и нефтяную промышленность заменит тот проект, что я предлагаю: энергетическая компания, которая использует солнечный свет пустыни Невада и распределяет его по всей Америке за *гроши* по сравнению с традиционными энергетическими компаниями. Я хочу вернуть долг американскому народу и, по большому счету, всему человечеству. Миранда и мои родители же хотят и дальше копить деньги в кубышке и воровать из ваших карманов, пока вы умираете от кашля по дороге в больницу.

— Гм, мистер Темплтон...

И снова эта ослепительная улыбка.

— Это мой отец мистер Темплтон, и я не хочу, чтобы меня спутали с ним. Зови меня Коннор.

— Хорошо. Коннор, но твои обвинения возмутительны.

— Так бывает, когда у тебя есть несколько возмутительных членов семьи.

— Как ты думаешь, был ли в этом какой-то, я не знаю, элемент мести со стороны твоей невесты...

— БЫВШЕЙ невесты, — подчеркнул Коннор. — Мы расстались восемь месяцев назад после того, как она предала меня, заключив сделку. С моим отцом, кстати.

— Хорошо, со стороны твоей *бывшей* невесты. Вообще, я имею в виду, что на этих фотографиях ты изображён с привлекательной молодой женщиной, ну знаешь «нет ничего страшнее отвергнутой женщины», и всё такое...

— О, я ЗНАЮ, что Миранда хотела бы меня уничтожить, потому что она всегда была и первую очередь сосредоточена на деньгах. Остальное имеет для неё второстепенное значение. Думаю, именно поэтому она, по сути, пытается лишить американскую общественность того, что я хочу сделать для них. Потому что она хочет заработать миллиарды долларов, не считаясь с тем, что ценой этому будут человеческие жизни.

— Ну, хорошо, давай поговорим об этих фотографиях. Кто эта загадочная женщина? В сообщениях говорится, что её зовут Лили Росс...

Лицо Коннора едва уловимо изменилось.

— Верно, но я был бы очень признателен, если бы ты оставила Лили в покое. Ты можешь сколько угодно преследовать меня, но она — невинная жертва в заговоре Миранды и моих родителей, пытающихся разрушить мои планы по помощи Америке.

— Ну, она вроде как превратилась в публичную личность...

Коннор холодно улыбнулся.

— Нет, это Миранда и мои родители сделали её публичной личностью в попытке меня

шантажировать.

— Да, а есть ли доля правды в утверждениях о том, что ты заплатил ей 50 000 долларов?

Коннор решительно взял быка за рога, не выказывая злости, оставаясь спокойным и уравновешенным.

— Да, всё абсолютная правда. Но это грязная инсинуация, будто я заплатил ей 50 000 долларов за секс. Ведь ты думаешь именно об ЭТОМ, верно?

— Ну..., это вызывает вопросы...

— Лили — моя девушка. У нас серьёзные отношения.

Моё сердце воспарило. Внезапно вся странная неловкость, охватившая меня час назад, была забыта.

— Деньги, которые я дал ей, были подарком, а не платой, — продолжил Коннор. — Да, эти фотографии вызывают сожаление, я потерял голову и привёз её туда, я умолял её сделать это. Вопреки здравому смыслу, она пошла у меня на поводу, чтобы осчастливить МЕНЯ.

Я слегка нахмурилась. То, что он говорил, было не то чтобы неправильным, но выглядела маленькой заблудившейся овцой. И я точно помню, что не очень сильно сопротивлялась. К тому же на фотографиях любой дурак мог увидеть, что я получала огромное удовольствие от процесса.

— ...но не нужно набрасываться на неё, потому что она заботилась обо мне. Если кто-то хочет бросить камень в меня, ничего страшного, я публичная личность. Но я прошу людей оставить в покое Лили и её личную жизнь. Она просто пыталась сделать меня счастливым, а теперь Миранда и мои родители полны решимости уничтожить её, чтобы продолжать набивать свои карманы грязными, нечестно заработанными деньгами.

Снова нервный, возбуждённый смех ведущей.

— Честно говоря, Коннор, думаю, что среди всех женщин, которые прямо сейчас смотрят это шоу, нашлось бы очень много тех, кто был бы СЧАСТЛИВ, э-э, попытаться сделать счастливым *тебя*.

На меня одновременно накатила волна облегчения, что она меня не осуждает, и небольшой всплеск гнева: дамочка, хватит флиртовать с ним!

Коннор ухмыльнулся.

— Ну, я, конечно, надеюсь, что люди увидят это именно таким образом и возложат вину на того, на кого и следует — на мою бывшую невесту и моих родителей — за попытку разрушить жизнь невинной женщины.

— Так ты сказал, она твоя девушка?

Опять эта почти незаметная перемена выражения лица Коннора. Я задавалась вопросом, была ли я единственной, кто заметил, или же это было очевидно всем остальным, кто сейчас смотрел шоу.

— Да. Да, это так.

— Таааак... я полагаю, ты в неё влюблён?

Его улыбка стала ещё более неподвижной, как будто ему пришлось слегка потрудиться, чтобы сохранить её.

— Да. Да, я влюблён. Очень даже.

Ледяное облако накрыло мою душу. За всё время интервью это было единственное сделанное им заявление, которое не выглядело слишком убедительным.

Коннор попрощался с ведущей «Доброе утро, Америка», после чего на канале началась реклама.

Я вспомнила о канале Fox и стала перебирать нью-йоркские каналы, пока не нашла их кабельную новостную станцию. Мне не пришлось долго ждать, прежде чем весь этот цирк не начался снова.

Там были фотографии, высказывания о «шокирующем скандале», представление Коннора как миллиардера. На этот раз тон высказываний был немного другой: ведущие вели себя более агрессивно и, казалось, смотрели на него с лицемерным самодовольством и лёгким недоверием. Особенно, когда он затронул тему своего проекта.

— Подожди, подожди, ты хочешь сказать, что что-то не так с нашей угольной и нефтяной промышленностью?

— Они были подходящими для своего времени, — сказал Коннор, — и оно закончилось, как только исследовательские лаборатории, которые я финансирую, нашли простой и недорогой способ использовать солнечную энергию для выработки электричества и доставки его потребителю. Это гарантирует отсутствие загрязнения окружающей среды и энергетическую независимость от Ближнего Востока. Вы ведь хотели бы, чтобы наша страна не зависела от прихотей ОПЕК и стран, которым наши интересы безразличны? Я имею в виду, что мы говорим о режимах, которые финансируют террористов. Я хочу, чтобы мы НЕМЕДЛЕННО перестали сотрудничать с ними и дали американцам недорогую чистую энергию, как это делаю я.

— Ну, я не соглашусь с тобой в этом, Коннор, ведь уголь, в Кентукки, например, или в Западной Вирджинии, это основа местной экономики, Кентукки зависит от угольной промышленности. К тому же, в Америке так много мест, где экономика и инфраструктура пришли бы в полный упадок, если бы ты сделал то, что собираешься сделать.

— Спросите всех тех шахтеров из Кентукки, у которых лёгкие чёрного цвета, спросите все те семьи, которые потеряли отцов, братьев или сыновей в шахтах, не хотели бы они, чтобы их родные вернулись.

— Ну, это может быть и так, но все они по-прежнему хотят иметь работу и еду на столе.

— В моих компаниях будут вакансии на десятки тысяч рабочих мест, нам понадобятся рабочие на производстве, люди для монтажа оборудования в пустыне, технический персонал для обеспечения работы пяти миллионов солнечных панелей, строители для сооружения новых заводов, специалисты для модернизации электросети по всей Америке. И для такой работы людей нужно подготовить, нам придётся обучить их. Поэтому я говорю о том, что обычные люди могли бы уйти из одной отрасли и начать работать в совершенно другой. Поверьте, для каждого шахтёра, потерявшего работу, мы сможем предложить новую, если только он не против переехать на запад.

— Да, но ты говоришь о разрушении целой отрасли местной экономики...

— А ТЫ говоришь о том, чтобы позволить моим родителям и моей бывшей невесте продолжать зарабатывать миллиарды долларов на спинах и могилах этих шахтёров из Кентукки, но, похоже, у тебя нет с ЭТИМ проблем.

На какое-то время всё это превратилось в перепалку, но, в конце концов, разговор вернулся к тому, что в действительности интересовало всех: к сексуальному скандалу. Когда

встал вопрос о наших отношениях, они начали бить в самые уязвимые места: 50 000 долларов и скандальный характер фотографий.

Но затем произошло нечто неожиданное. Кто-то, может быть, один из продюсеров шоу, всего за несколько минут до этого посмотрел его интервью в «Доброе утро, Америка».

— В предыдущем интервью ты сказал, что любишь мисс Росс.

Лицо Коннора слегка напряглось.

— Да. Это так.

На этот раз ведущие были более жизнерадостны, подшучивая над ним едва ли не добродушно.

— «Да», это то, что мы сможем снова услышать в ближайшее время перед пастором? Стоит ли нам ждать звона свадебных колоколов в будущем для тебя и мисс Росс? Или, может мне лучше сказать, миссис Темплтон?

Улыбка Коннора замерла. Его глаза были похожи на глаза оленя, застывшего в свете фар.

— Ну, никому не дано знать, что готовит для нас будущее.

Мне хотелось плакать, но то были совсем не слезы счастья.

Этот кошмар постепенно продолжал разрастаться, минута за минутой, канал за каналом.

Первые интервью были все о скандале, фотографиях и предполагаемой проституции. И Коннор, придерживаясь выбранного курса, снова и снова повторял одни и те же фразы о желании «дать Америке недорогую чистую энергию» и о том, как Миранда и его отец набивали карманы, обманом вытягивая деньги у среднестатистического американца. Стало уже почти смешно, сколько раз он произнёс *Америка* и *американцы*, как будто Коннор был пылким патриотом, а его семья и Миранда были раковой опухолью, разлагающей все хорошее и приличное.

Это было немного чересчур, но, да, они были психопатичными придурками, так что, возможно, это было не таким уж и большим преувеличением.

Но по мере того, как раннее утро постепенно приближалось к полудню, всё больше начинал меняться тон повествований. Сначала незаметно, потом со все большей скоростью.

Вы когда-нибудь слышали о *нарративе* в ведущих средствах массовой информации? Я никогда не задумывалась о таких вещах до тех пор, пока не увидела Джона Стюарта в *Daily Show*, где он резко критиковал новостные программы за то, что они не сообщали скрытых от посторонних глаз деталей или противоречивых подробностей при освещении тех или иных событий, неких нюансов, которые могли бы повлиять на восприятие новостей. По сути, он сказал, что когда новостные программы сообщали некие истории, они создавали *нарратив* — рамку, которую они рисовали вокруг фактов, красивую конструкцию, которая завязывала все факты вместе в аккуратный маленький бантик. По сути, тебе вручали способ понять вещи меньше чем за пять секунд. Это как принести на тарелке пережёванный бутерброд, тебе остаётся только проглотить его. История, скрывающаяся за историей: повествование о каком-то неудачнике — «мистер Смит едет в Вашингтон», история «ребёнок из родного города делает добро», репортаж «Конгресс — сборище идиотов». По словам Джона Стюарта, проблема заключалась в том, что *нарратив* стал фильтром, парой розовых очков, через которые новостные программы смотрели на всё, и всё, что было запутанным или выбивалось из логики сюжета, упускалось из виду.

И в данном случае дело было совсем не в том, что грязный секс-скандал был забыт.

Просто я видела, как *рамочка* меняется прямо у меня на глазах.

Всё происходило постепенно, но все же происходило.

Самые ранние шоу были сосредоточены на том, насколько шокирующими и скандальными были фотографии, и насколько плохой я, скорее всего, была, ведь, в конце концов, Коннор заплатил мне 50 000 долларов. Я, должно быть, проститутка, верно? А как мы все знаем, проститутки плохие, плохие, плохие.

Последнее предложение — это сарказм, если вы не поняли. Нет, я не хочу, чтобы люди думали, что я проститутка, но, эй, «она очень старается ради денег».

Вот что сообщали обо мне новостные программы, причем с очень неприятным оттенком. Посыл было в основном такой, что это «преступная шлюха, развлекающаяся с плейбоем-миллиардером». Не то чтобы прямо так и говорили, но было абсолютно понятно, что имелось в виду.

Постепенно, думаю, когда продюсеры обзавелись выдержками из предыдущих

интервью, и когда Коннор начал подталкивать их в нужном направлении, повествование изменилось на что-то более похожее на Золушку. Вместо злой мачехи и сводных сестер появились Темплтоны и Миранда. А бедная маленькая Лили Росс превратилась в Золушку, не очень умную жертву злых, жадных шантажистов. Коннор же стал Прекрасным Принцем, который хотел сделать из меня честную женщину и осыпать бесплатными подарками всё королевство, если бы не чёртова мачеха и сводные сестры.

Не поймите меня неправильно, с экрана по-прежнему довольно много грозили пальцем и корчили мины высокомерного неодобрения..., хотя было оооочень интересно, как преподносились новости. Осуждение невероятного бесстыдства досталось мне, Коннору же перепала куча подмигиваний, подталкиваний и намёков на неприличный подтекст, особенно от мужчин-ведущих. Женщины-интервьюеры, казалось, разделились на два лагеря: одна половина поочередно флиртвала с Коннором и брезгливо воротила от меня свои носики, а другая относилась к Коннору как к неандертальцу. Хотя последние обычно улыбались (и даже хихикали) к концу интервью.

До этого я никогда не считала себя яркой феминисткой, но видя, как Коннора чуть ли не поздравляли с тем, что он сделал, при этом изображая меня, то ли нежным грешным цветком, то ли шлюхой-золотоискательницей, у меня кровь закипела в жилах. Разница в том, как с нами обращались, была очевидной, тошнотворной и приводящей в бешенство.

Мне захотелось разыскать Глорию Стайнем и пойти сжечь несколько лифчиков (*прим. Глория Стайнем — американская журналистка, феминистка, сторонница моды без бюстгалтеров, считавшая их символом угнетения женщин*).

Но это желание продолжалось недолго, потому что кое-что ещё испугало меня до чёртиков.

Если Коннор был Прекрасным Принцем, это означало, что он должен жениться на Золушке.

Об этом-то они и продолжали твердить.

— Значит ли это, что вы двое думаете о том, чтобы связать себя узлами брака?

— Вы уже назначили дату? Как выглядит свадебный каталог миллиардера? (*прим. имеется в виду американская традиция, когда будущие молодожёны оформляют сайт, где указывают список подарков, которые они хотели бы получить; гости же, выбрав подарок из списка, отмечают его. Таким образом все избегают ситуации с двумя одинаковыми подарками, а пара получает в подарок именно то, что хотела*).

— Ты уже сделал предложение?

— Может, скоро мы услышим топот маленьких миллиардерских ножек?

И каждый раз, когда задавали такие вопросы, в глазах Коннора отражалось всё больше паники. На самом деле, когда репортеры добрались до наших отношений, это была единственная часть интервью, где он выглядел не в своей тарелке.

Тем не менее, он в точности следовал совету Себастьяна. Мы были «родственными душами». Мы были «предназначены друг для друга». Я была «любовью всей его жизни».

Наверное, поэтому и изменился тон повествования.

Но каждый раз, когда он произносил какую-нибудь романтическую банальность, внутри него я видела загнанного в угол зверя, волка с окровавленной лапой в стальном капкане.

И каждый раз, когда я это видела, нож в моих внутренностях поворачивался всё сильнее,

а я становилась всё более испуганной.

К 7 часам утра по тихоокеанскому времени я полностью погрузилась в состояние паники.

Случилось и ещё кое-что неожиданное: в схватку вступили злодеи.

Я случайно увидела Миранду, когда переключала каналы.

— ...это лживые обвинения против меня и его родителей, чистая клевета. Мы БУДЕМ подавать на него в суд. Честно говоря, всё, что он говорит, странно. Огастес Темплтон и я никогда не встали бы на пути прогресса в Америке. Мы поддерживаем инициативы в области зелёной энергетики, мы поддерживаем развитие солнечной энергетики. Просто Коннор поднимает кучу возмущения, чтобы продвигать свои собственные алчные, незаконные схемы по обману жителей Невады и краже федеральных земель. Которые, кстати, чиновники штата Невада и члены Конгресса помогают ему повернуть исключительно потому, что он набивает их карманы деньгами. У этого человека нет стыда, и тот, кто помогает ему, преступник. Думаю, вы понимаете, почему я бросила его восемь месяцев назад: не только потому, что Коннор Темплтон — лжец, но и из-за его грязных сексуальных наклонностей.

— Ах, ты, чёртова СУКА, — закричала я в экран телевизора.

Надо отдать ей должное, она была хороша.

Но кто-то (возможно, Себастьян, ооох, надеюсь, это был Себастьян) проинструктировал следующего ведущего новостей, который брал у неё интервью тридцатью минутами позднее.

— Да, мисс Локвуд, но вы сделали те фотографии...

— НЕТ, я не делала эти фотографии.

— Вы платили кому-нибудь за эти фотографии?

— Нет, я не делала этого.

— Вы отправили эти фотографии на TMZ.com с целью опубликовать их для остальных СМИ?

— Нет, и любой, кто говорит, что я сделала это, — лжец.

— Это интересно, потому что редактор TMZ.com сказал, что общался напрямую с кем-то, кто работает в вашей компании.

— Я ничего не знаю об этом...

— Вы не знаете, чем занимаются ваши сотрудники, мисс Локвуд?

Она с трудом выбралась из этого интервью, но выглядела при этом не очень хорошо. Особенно, когда позже сказала, что Коннор был лжецом, и репортер снова спросил, публиковала ли она фотографии.

Из того, что я видела, мистер Темплтон появился лишь однажды, и он не был таким естественным, как Миранда. Она была отстранённой и сдержанной, но совершенно великолепной (неприятно это признавать, но муки ревности всегда сопровождали отвращение, которое я испытывала к ней каждый раз, когда видела). Мистер Темплтон был просто самодовольным и надменным, как будто сам не мог поверить, что соизволил сойти с Олимпа, чтобы разобраться с этим дерьмом.

— Сэр, вы каким-либо образом участвовали в схеме шантажа против вашего сына?

— Нет, это возмутительно! Мой сын лжёт американской общественности. Вот что он делает, ЛЖЁТ о своих так называемых планах по развитию отрасли чистой энергетики, и которой, кстати, Templeton Industries является первопроходцем в разработке для...

— Так значит, вы не контактировали с мисс Локвуд?

— Я знаю Миранду с тех пор, как она встречалась с моим сыном. В то время я хотел, чтобы они поженились, но, честно говоря, она слишком хороша для него. Судя по этим грязным фотографиям совершенно очевидно, с каким мусором теперь ассоциируется Коннор.

Если бы у меня был пистолет, я бы вытащила его и выстрелила в чёртов телевизор, просто чтобы потом сказать, что я пустила пулю в голову Огастусу Темплтону и не попала за это в тюрьму.

— Итак, сэр, встречались ли вы вчера в Лас-Вегасе с мисс Локвуд, вашим сыном и мисс Росс?

— Нет, мы не виделись.

— Сэр, мы располагаем свидетельством очевидцев, которые говорят, что вы встречались в ресторане Лас-Вегаса.

— Ну, хорошо, мы ВСТРЕЧАЛИСЬ, но ни шантажа, ни фотографий не было...

— Тогда о чём вы говорили?

— Это не твоё чёртово дело.

— Вы не хотите мне сказать? Не хотите прояснить возникшее недоразумение?

— Это была деловая встреча. Я не могу разглашать ее подробности.

— А вам не кажется странным совпадение, что вчера вы с мисс Локвуд встретились с Коннором и Лили Росс, а затем, по словам очевидцев, убежали из ресторана...

— Я ниоткуда не выбегал...

— ...а потом прошлой ночью были опубликованы эти фотографии?

— Это совпадение. Мой сын лжёт, у него явно низкие нравственные ориентиры, как и у этой шлюхи, с которой он связался...

ПИФ-ПАФ. Выстрелила бы во второй раз. И может уже по-настоящему, а не только в телевизор.

Сейчас не хватало только Леноры Темплтон, чтобы добавить, что я блудница.

— Но, сэр, вы только что сказали, что НЕ встречались с ними, а теперь вы говорите...

— Я знаю, что сказал! Я не участвовал ни в каком шантаже, мой сын лжец...

— Но, сэр, вы только что солгали прямо мне в лицо, как я могу поверить ЧЕМУ-НИБУДЬ, что вы говорите...

— Это интервью окончено! — закричал мистер Темплтон, сдёрнув микрофон с галстука и выйдя из кадра.

А чуть позже этим утром в очередном интервью Коннор посмеялся последним.

— Коннор, ты сказал, что твоя бывшая невеста предала тебя за твоей спиной вместе с твоим отцом. Какая-то бизнес-делка, верно?

— Да, абсолютно верно.

— Извини за нескромный вопрос, но не думаешь ли ты, что там происходило что-то ещё...?

— Ты имеешь в виду, что-то типа интрижки? В смысле, что у Миранды Локвуд и моего отца были сексуальные отношения?

— Ну да.

Коннор посмотрел прямо в камеру и почти подмигнул.

— Я не могу спекулировать такими вещами. Но позволю вашим зрителям составить собственное мнение.

В конце концов, я устала, или на самом деле оцепенела, от интервью. Я приняла душ и накрасилась. У меня не было никакого желания натягивать на себя какие-либо шмотки от Прада или Армани, поэтому я просто решила остаться в гостиничном халате. И хотя был уже почти полдень, я всё же заказала завтрак, вяло поела и полчаса просто тупо смотрела в огромное окно от пола до потолка.

В какой-то момент я решила, что пришло время встретиться лицом к лицу с реальностью. Я пошла и достала из сумочки мобильник, чтобы позвонить родителям...

...и поняла, что у меня 79 пропущенных сообщений.

Их прослушивание заняло не так много времени, как вы думаете. Более 70 были от репортеров или представителей СМИ: телевидения, журналов, газет, ток-шоу, и даже от нескольких книжных агентов. Выслушав пару первых с ошеломлённым интересом, я начала удалять одно за другим, едва услышав: «Здравствуйте, мисс Росс, это бла-бла-бла из новостей Action 5...»

Анх оставила маленькое забавное сообщение о том, что я могла бы стать следующей Ким Кардашьян или Пэрис Хилтон, за исключением того, что у меня не было портфолио. Затем она стала серьёзной, спросила, как у меня дела, и попросила позвонить ей, когда смогу.

Она сказала одну вещь, которая, запала мне в душу, отчасти из-за благоговения и удивления в её голосе: «Боже, Лили, ты должна ВИДЕТЬ всех репортеров и фотографов разбивших лагерь возле нашего дома..., их должно быть три или четыре ДЕСЯТКА...»

Было ещё несколько сообщений от друзей из колледжа, от которых я целую вечность ничего не слышала.

А потом было сообщение от моего отца.

— Лили, пожалуйста, позвони нам немедленно. Это папа.

И потом он повесил трубку. От настойчивости и недовольства в его голосе у меня по спине пробежал холод.

Я точно не хотела пока этого разговора, поэтому позвонила на домашний, а не на мобильный. Родители оба работают, и, конечно же, дома никого не оказалось, поэтому я оставила сообщение на автоответчике, извиняясь за то, как они обо всем узнали, обещая перезвонить им позже.

Пока я оставляла родителям сообщение на автоответчик, пришло ещё два послания.

Я надеялась, что одно из них, возможно, от Коннора.

Неа. Просто очередные репортёры.

Я засунула свой телефон подальше и, от нечего делать, включила телевизор для второй серии спектакля.

Коннор, Себастьян и Джонни вернулись только ближе к семи часам. Джонни был насторожён, шарахаясь, казалось, даже от собственной тени.

— Чёрт, ты не поверишь, сколько людей прибежало, тыкая Коннору в лицо камерами и делая снимки, — устало сказал он. — Это был кошмар. Но тебя ведь здесь никто не беспокоил?

Себастьян ликовал, как король-завоеватель, или, может быть, как сила, стоящая за тронном короля после успешной кампании.

— Кто здесь гений? — он сиял от радости, раскинув руки, и призывая невидимую толпу к восхищению. — Кто вырвал победу из пасти льва, избежав не только поражения, но и полного бедствия? Чья медиа-стратегия сокрушила эту вероломную шлюху и этого злого старого сукина сына? Это всё я, вот кто. Спасибо. Спасибо.

Затем он хмуро посмотрел на мой халат.

— Боже мой, а ты вообще собираешься одеться?

В номер вошел улыбающийся Коннор, что немного уменьшило моё напряжение.

Он подошёл и сразу же притянул меня к себе, крепко обхватив руками. Мой страх улетучился, и я растворилась в его объятиях.

— Ты смотрела телевизор? — прошептал он мне на ухо.

Я молча кивнула.

— Мне жаль, что тебе пришлось это увидеть, — сказал он.

Я отстранилась и улыбнулась ему.

— Ты был великолепен.

Он самодовольно ухмыльнулся.

— Ну, я был неплох, не так ли?

— Извините, кто был великолепен? — спросил Себастьян, приложив руку к уху.

— Ты гениальный, ты изумительный, ты поразительный, — устало сказал Коннор, отходя от меня и направляясь к бару.

Он ни разу не поцеловал меня.

Я стояла и смотрела, как он уходит, страх снова захлестнул меня. Взгляд Себастьяна переместился с меня на Коннора, и он разразился новой тирадой, но казалось, что всё это делалось только с целью отвлечь меня.

— Моя хитрость несравненна, Лили, — сообщил он мне. — Моя стратегия безупречна. Со мной могли бы сравниться только Наполеон и Чингисхан, но они оба мертвы, так что, ха, я выиграл.

— Я заметила, что через какое-то время новости начали меняться в пользу Коннора и против Миранды, — заметила я с бледной улыбкой.

— Моя работа, — сказал Себастьян, слегка поклонившись. — После каждого интервью я звонил следующему по очереди продюсеру и давать им небольшие точные цитаты. Это работало блестяще, как я и говорю.

— Ты так и говоришь, — вздохнул Джонни. — Снова, и снова, и снова.

— Молчи, — огрызнулся Себастьян. — Каждый художник заслуживает своего момента славы.

— Ты новый золотой мальчик Америки, — обратилась я к Коннору.

— Я слышал об этом, — ответил Коннор, наливая себе стакан виски.

— Ещё я видела, как твой отец загнал себя в яму.

— Да, мне рассказали, — усмехнулся Коннор, прежде чем осушить половину стакана.

— А ты видела Эллен? — взвизгнул Себастьян. — Он полностью сразил Эллен. Я думаю, что он может быть единственный мужчина на земле, у которого есть шанс отбить её у Порши. *(прим. речь идёт об Эллен ДеДженерис, американской актрисе и телеведущей, и её партнёрше Порше де Росси).*

— Эй, — предупредила я его.

— Теоретически. Кроме того, я бы никогда не позволил ему так поступить с Поршей, — фыркнул Себастьян. А потом снова стал счастливо щебетать: — Мы связали его с Лено в последнюю минуту — сегодня вечером увидишь, насколько Коннор был великолепен. Конечно, это я его туда затащил. *(прим. Джей Лено — американский журналист, ведущий передачи «The Tonight Show» на канале NBC).* Я также в последний момент связал его с Джимми Киммелом — ты должна это увидеть, и он сам придумал эту шутку, о том, как столкнулся с Мэттом Дэймоном. *(прим. Джимми Киммел — актёр, комик, телеведущий ночного шоу на канале ABC, на протяжении почти 10 лет постоянно троллит Мэтта Деймона в своей передаче).*

Коннор допил первую рюмку и начал наливать вторую порцию.

Себастьян щёлкнул пальцами.

— Эй, ты, да, ты, мистер Алкоголик, ты довольно хорошо поработал сегодня на слишком большом количестве виски и малом количестве сна...

— Довольно хорошо? — переспросил Коннор, приподняв бровь, прежде чем сделать ещё один глоток.

Себастьян просто отмахнулся от его слов и продолжил:

— ...этим утром, но я не хочу ещё раз рисковать. Завтра в Нью-Йорке ты участвуешь в шоу Леттермана, и я не хочу, чтобы ты самоуничтожился перед Вупи после всей тяжёлой работы, которую я проделал. Так что перестань изображать из себя Джуди Гарланд. *(прим. «Позднее шоу Дэвида Леттермана» на канале CBS, где Вупи Голдберг была одной из приглашённых телеведущих).*

Все в комнате покосились на Себастьяна.

— Я не гей, — сказал Коннор, словно объясняя что-то непонятливому ребенку.

— Могу поручиться за это, — добавила я.

— А она не была лесбиянкой, просто слишком много пила, как и ты, — отрезал Себастьян.

— Тогда я бы предпочёл Дина Мартина. Или Джонни Кэша. Или, по крайней мере, кого-то с пенисом.

Тут я не смогла удержаться.

— Может РуПол? — лукаво предложила я. *(прим. американский актёр, модель, певец, трансвестит).*

Коннор уставился на меня.

— Это не смешно.

— Вообще-то согласна, — сказала я с ухмылкой.

Себастьян подошёл и вырвал стакан из рук Коннора.

— РуПол или Джуди, Дин Мартин или Джонни Кэш, мне всё равно, просто больше никакой выпивки.

Позволив ему это сделать, Коннор, пожав плечами, произнёс:

— Просто возьму побольше в самолёт.

— Мы летим туда? Сегодня ночью? — спросила я, радуясь, что наконец-то смогу выбраться из этой очень милой и очень шикарной тюрьмы.

Коннор жил в Нью-Йорке, и я наконец-то увижу его дом.

— Джонни и я, — сказал Коннор, отводя глаза. — Вы с Себастьяном останетесь здесь.

Тишина. Можно было бы услышать, как упала булавка или что-то поменьше.

Затем...

— ЧТО?! — воскликнул Себастьян, одновременно возмущённый, убитый горем и невероятно потрясённый.

Я уставилась на Коннора, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы.

Он избегал встречаться со мной взглядом.

У Себастьяна вот-вот случится припадок.

— Но я нужен тебе, чтобы...

— Ты всё делаешь по телефону, отсюда ты справишься так же легко.

— Но я должен быть там, мне нужно видеть, что происходит, мне нужно личное присутствие, — сердито возразил Себастьян.

— Я смогу справиться с шоу Леттермана, а ты посмотришь интервью в прямом эфире через спутник в момент трансляции.

— Но это не имеет смысла, наш офис на Манхэттене, моя квартира на Манхэттене...

— Мне нужно, чтобы ты позаботился о Лили, — сказал Коннор.

— Мне не нужно, чтобы кто-либо *заботился* обо мне, — отрезала я. — Что мне интересно, так это какого чёрта ты убегаешь от меня, как проклятый трус.

Себастьян посмотрел на меня взглядом «*о, дерьмо, во что ты только что вляпалась?*».

Коннор тоже смотрел на меня. Он был в ярости.

«Так тебе, — подумала я. — Чертов мудака».

— Видишь? — сказал Себастьян, указывая на меня. — Лили прекрасно о себе позаботится.

Коннор перегнулся через барную стойку и уставился на меня.

— Ты не знаешь, каково там снаружи. Тебя не было в студии, тебя там не было...

— Да, потому что кто-то думает, что я слишком слаба, чтобы жить.

— Я не хочу, чтобы ты пострадала...

— Ты не хочешь, чтобы я была рядом. Поэтому, какая к чёрту разница.

И снова тишина. Или что-то близкое к этому.

Я слышала, как Джонни затаил дыхание.

Себастьян тихо пробормотал что-то нечленораздельное.

— Ребята, мне нужно пару минут, чтобы поговорить с Лили. Наедине, — сказал Коннор, продолжая смотреть на меня, исключительно на меня.

— Хорошо, — согласился Джонни. Он открыл дверь и мотнул головой в сторону Себастьяна, словно говоря ему, что пора уходить.

Себастьян наставил палец на Коннора, который мерил шагами комнату.

— Ей явно комфортно в собственной компании. Я думаю, что тебе следует пересмотреть решение о том, чтобы взять меня в...

— УБИРАЙСЯ! — взревел Коннор.

Себастьян выскочил за дверь, и Джонни почти захлопнул её за ними.

— Что, бл*дь, это было? — сердито спросил Коннор.

— Почему ты не везёшь меня в Нью-Йорк? — спросила я.

— Я же говорил тебе, папарацци, репортёры, они набросятся на тебя, как волки на...

— Перестань мне врать, Коннор! Я видела эти чёртовы интервью, — закричала я. — Я видела, как они миллион раз спрашивали тебя о женитьбе на мне. Я видела, как ты реагировал.

Любые эмоции исчезли с его лица. Черты превратились в пустую безжизненную маску.

Игрок в покер до конца.

«За исключением тех случаев, когда он видит, как его бывшая держит за руку его брата», — шептал мне на ухо неприятный тоненький голосок.

Усилием воли я заставила себя успокоиться.

— Послушай, — сказала я гораздо тише, — я всё понимаю. Ты знаешь меня, сколько, всего шесть дней? Ты попал в неприятную ситуацию, и теперь как бы застрял со мной, тебе приходится говорить такие вещи, о которых ты, очевидно, даже не подумал бы прямо сейчас, если бы не я.

— Это не так, — сказал он тихо. — Все совсем не так.

Я тяжело выдохнула и попыталась подавить всхлип.

— Хорошо, хорошо, пусть это не так. Но будь это так, я бы поняла. Но я не понимаю. Потому что прошлой ночью ты сказал, что любишь меня... — Мне пришлось сделать глубокий вдох, чтобы продолжить. — И никто не просил тебя об этом. Никто не заставлял тебя говорить эти слова. Ты ведь в тот момент не перед камерой стоял. Ты сказал..., что любишь меня..., а потом, когда я проснулась этим утром, всё было по-другому. Ты был другим. Поэтому, я хочу знать..., и скажи мне правду, а не какой-то бред..., что изменилось?

Он долго молчал. Просто стоял, опершись на барную стойку, словно поддерживая свой вес руками, и смотрел на меня..., а потом словно прогнулся под тяжестью своих эмоций. Коннор опустил голову как побитый пёс. Через некоторое время он выпрямился, наклонив голову и закрыв глаза, стал массировать виски одной рукой.

— Прошлая ночь была действительно... напряжённой, — тихо сказал он.

Я стояла, всеми силами пытаюсь сдержать слёзы, ожидая услышать больше.

— Я сказал кое-что..., и я имел в виду это..., но думаю, что сказал это из-за напряжения... и, может быть..., я сказал это слишком рано.

Я кивнула, моя нижняя губа дрожала. Я пыталась сдерживать себя, чтобы не расплакаться, но не смогла сдержать слёзы, которые беззвучно текли по моим щекам. Я поспешно вытерла их.

— П-понимаю. Всё в порядке.

Он открыл глаза и посмотрел на меня. На его лице появилось страдальческое выражение. У него был такой вид, будто он сам собирался расплакаться.

— Эй... эй, эй, ну же, — сказал он, обходя бар и бросаясь ко мне. — Остановись. Пожалуйста, Лили, не надо...

Он притянул меня к себе, прижимая одной рукой мою голову к своей груди.

Я больше не могла сдерживаться.

Миранда, скандал, пресса, намекающая на то, что я была проституткой...

Но всё это не шло в сравнение с тем, что он сказал, что любит меня..., а затем взял свои слова назад.

Я разрыдалась в его объятиях.

— Пожалуйста... Лили, остановись, — сказал он с мукой в голосе, потом запрокинул мою голову и поцеловал меня.

Это снова был прежний Коннор, смесь огня, жара, страсти и любви. Я пила его поцелуй, как женщина, умирающая от жажды, и целовала его так сильно и так отчаянно, как только могла.

Через несколько мгновений Коннор отстранился и грустно улыбнулся мне. Всё ещё сжимая руками мою голову, он стёр слёзы с моих щёк большими пальцами.

— Пойдём, — прошептал он, — давай присядем на минуту.

Он подвёл меня к дивану, и мы оба опустились на подушки. Я прислонилась к нему, моя голова прижалась к его груди, и Коннор обнял меня.

— Прости, — тихо сказал он. — Я просто...

— Всё в порядке, — прошептала я.

— Нет, это не так. Я имел в виду именно то, что сказал, я просто... Когда я проснулся этим утром, то немного испугался. Из-за всего, что произошло вчера, и как сильно я ненавижу свою семью, а ты такая хорошая девушка, ты такой замечательный человек. Господи, Лили, я понимал, что они собирались сделать с тобой, а ты была такой смелой, говоря мне идти вперёд, даже зная, что должно было произойти... Я никогда не чувствовал себя так по отношению к кому-либо. И я имел в виду каждое сказанное слово.

Но теперь он этих слов не произносил, и это было так же очевидно, как и горящая неоновая вывеска.

Я помолчала несколько секунд.

— Я не просила тебя говорить это, — наконец прошептала я.

— Я знаю. Знаю. Я сказал, потому что хотел.

Я отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза, хотя была уверена, что выгляжу опухшей, красной и ужасной.

— Я тоже подумала, что ещё слишком рано.

Это было то, что я действительно чувствовала.

Коннор улыбнулся криво и виновато.

— Да, думаю, просто слишком рано, вот и всё.

Когда он это сказал, моё сердце разбилось ещё немного.

— Знаешь, ты можешь забрать свои слова назад, — прошептала я.

На самом деле, нет. *Нет, ты не можешь!*

Но я хотела посмотреть, что он скажет.

Его голубые глаза смягчились, в их уголках появились морщинки, когда он улыбнулся мне.

— Я не хочу забирать их назад.

Эти слова были как бальзам, и они залечили некоторые трещины в моём разбитом сердце. Наверное, моя душа даже немного воспарила, совсем чуть-чуть.

Но я ещё раз заметила, что он до сих пор так и не сказал этих слов.

Я вытерла глаза.

— Хорошо..., но я не хочу, чтобы ты повторял их снова, до тех пор, пока ты не почувствуешь, что на самом деле так думаешь.

— Но я имел в виду...

— Пока ты не сможешь сказать это и действительно, действительно иметь это в виду, и не чувствовать при этом себя испуганным, — уточнила я, всхлипнув. — Хорошо?

Он ухмыльнулся.

— Договорились.

Договорились...

Отличная работа, старина.

Фу. Я вздохнула.

— Итак, можно мне поехать с тобой в Нью-Йорк? — мой голос звучал несчастно и подавленно.

Он вздрогнул.

— Я... мне, правда, нужно немного времени...

О Господи, почему он просто не вонзил нож мне в сердце и не покончил с этим?

На мои глаза, должно быть, навернулись слёзы, потому что он торопливо добавил:

— Всего день, один день, чтобы проветрить голову и расставить приоритеты. Было так много переживаний, столько всего произошло, можешь сделать это для меня? Можешь дать мне это? Один день? Это всё, о чём я прошу, только один день.

Звучало вразумительно. Немного разочаровывающе, но не безосновательно.

Я вытерла глаза и кивнула, изобразив улыбку.

— В большинстве отношений в какой-то момент люди действительно уходят домой в первые, ну, пять или шесть дней.

Я не стала упоминать тот факт, что в последний раз, когда я ушла домой, он разбил мне сердце.

Он усмехнулся и снова мягко вытер мои слёзы.

— Большинство отношений также не сталкивается с шантажом и психически больными бывшими.

— Это так скучно, — сказала я, и он рассмеялся.

Я не могла не улыбнуться, услышав, как он счастлив.

Затем Коннор посерьезнел и посмотрел мне в глаза, поглаживая пальцами моё лицо.

— Мы в порядке?

Я боялась, что слова могут меня подвести, поэтому выдавила из себя улыбку и кивнула.

Он наклонился и поцеловал меня, и это было так мило и сладко, что почти стёрло всю мою боль и сомнения.

Почти.

Из сладкого и милого поцелуй естественным образом перетёк во что-то другое.

В тоску.

Желание.

Его губы были липкими и солёными от слёз на моём лице. Они излучали жар, чувственно скользя по моим.

Я не хотела, чтобы он уезжал.

Я хотела, чтобы он остался со мной.

Я открыла рот и пригласила его войти.

Он немного поколебался..., но потом его язык медленно скользнул в мой рот, и жар от поцелуя усилился.

Я слегка застонала, когда его язык переплёлся с моим, мягко поглаживая, исследуя и наполняя меня.

Коннор протянул правую руку и погладил меня по шее. Его пальцы настойчиво прижались к моей коже, и я почувствовала биение собственного сердца под его пальцами.

Скользнув рукой в вырез моего халата, он раздвинул складки ткани. Одним пальцем провел по моему декольте, медленно прочерчивая линию между грудей, затем его ладонь оказалась под тканью, обнаружив, что мой сосок так затвердел, что это причиняло боль. Он занялся моей грудью, лаская и поглаживая, а потом обхватил её ладонью, играя с её тяжестью, постепенно сжимая всё грубее и сильнее. И всё это время он целовал меня глубоко и горячо, медленно и чувственно, так, что у меня закружилась голова.

Затем Коннор вытащил руку из-под моего халата, и я на секунду ощутила грусть и потерю, пока не почувствовала, как обе его руки обхватили мои бёдра, подтягивая меня вверх, заставляя встать и перенести свой вес, чтобы я оседлала его. Даже сквозь одежду я почувствовала жёсткость в его штанах и прижалась к нему всем телом, желая почувствовать больше.

Всё это время Коннор не переставал целовать меня. Его руки торопливо завозились с узлом на поясе халата и распахнули его, открывая моё обнажённое тело.

Тут он прервал поцелуй и посмотрел мне в глаза. Он казался насторожённым и раскаявшимся, как будто собирался спросить меня о чём-то, и ответ мог ему не понравиться.

— Если ты не хочешь...

Мой мгновенный ответ состоял в том, чтобы полностью сбросить с себя халат, сжать его голову своими руками и прижать к своей груди.

Он обхватил губами мой сосок и жадно всосал его, кружа языком вокруг и снова посасывая. Всё, что я могла сделать в этот момент, это откинуть голову назад и застонать. Потянувшись вниз, Коннор полностью выдернул халат из-под моих ног. Он обхватил мою задницу и, массируя, притянул ближе к себе, а я отчаянно прижималась к его твёрдому члену, всё ещё спрятанному под штанами.

Потом он переключился на мою другую грудь, пососал и покрутил языком, а я на ощупь возилась с его ремнём, пытаясь найти молнию. Всё это время мои пальцы скользили вверх и вниз по его восхитительно длинному и толстому стволу.

Через полминуты моей возни он, наконец, отстранился и позволил мне расстегнуть его брюки. Мне пришлось постараться, чтобы сдернуть их и его боксеры достаточно низко, и когда я это сделала, его член полностью обнажился, упираясь прямо ему в живот, толстый, розовый и невероятно красивый. Даже не думая, я просто протянула руку и заскользила пальцами по всей его длине, так же, как если бы мне захотелось потрогать в магазине мех за 30 000 долларов, просто чтобы понять, на что это похоже.

Он застонал и запрокинул голову назад, а я осторожно переместила пальцы вверх к кончику, который был влажным от предэякулята. Серебряная нить петляла от налитой кровью головки к его прессу, напоминающему стиральную доску. Я провела рукой по бугрящимся мускулам, чувствуя скользкую влагу его соков на загорелой коже. Когда кончики моих пальцев скользнули по его твёрдому как камень животу, я задела запястьем его член, сдвинув его на несколько дюймов в сторону, что вызвало мгновенное сокращение. Его член запульсировал, становясь ещё толще, головка — ещё более опухшей, и на кончике появилась ещё одна прозрачная капля.

Думаю, это было уже слишком для него, потому что Коннор одной рукой схватил меня за бедро, другой наклонил свой член и поместил влажный кончик между моих бёдер, прямо на мои опухшие губы.

Оооо, гоосподи, это ощущалось просто божественно.

Я медленно опустила своё тело, позволив себе скользнуть вниз по его члену, полностью вбирая его внутрь себя.

Я застонала, когда он проникал глубже, дюйм за дюймом, медленно заполняя меня.

Коннор не прерывал молчание, его дикий взгляд был прикован к моей киске, зачарованно наблюдая, как его член постепенно исчезает внутри меня.

Я медленно, очень медленно опустилась на него, пока он весь не оказался внутри меня, а мои бёдра не прижались к его. Затем я начала раскачиваться и тереться, ощущая всю его длину глубоко внутри себя, чувствуя, как основание его члена прижимается к моему лону и усиливает удовольствие.

Коннор застонал и притянул меня ближе к себе. Обхватив сильными руками мои груди, он сжал их вместе и начал сосать и лизать один сосок, затем прочертил языком влажную дорожку по моей коже к другому соску, посасывая и покусывая, постоянно перемещаясь между ними. Нескончаемый влажный туман эротического удовольствия окутал мою грудь.

Я задыхалась и стонала. Моя грудь была так близко к нему, что я не могла тереться об него так, как хотела, но я слишком наслаждалась этой бешеной похотью, чтобы остановить его. Я обвила руками голову Коннора, удерживая его рот на своей груди, и начала двигаться вверх и вниз по его члену, чувствуя, как наслаждение чуть-чуть уменьшается, когда он выходит из меня, а затем — когда опускалась вниз, это чувство снова просыпалось глубоко внутри меня. Я поднималась, а затем ныряла вниз, снова и снова, чувствуя, как шок от его толщины внезапно наполняет меня. Я полностью контролировала всё. Я начала подниматься чуть выше, затем погружаться вниз сильнее, снова и снова, дальше и быстрее, пока не стала подпрыгивать вверх и вниз на его члене, шлёпая по его бёдрам своими ягодицами, чувствуя, как он сосёт, покусывает и облизывает мою грудь, слушая, как он стонет, цепляясь за меня, как умирающий, у которого есть единственный шанс выжить.

Но как бы хорошо это ни было, я понимала, что даже близко не была готова кончить.

Да, это было удовольствие, до определённого уровня..., но не более того.

Это не было похоже на то, что было раньше.

Это было не так, как прошлой ночью.

Я закрыла глаза и представила, как он смотрел на меня, когда шептал, что любит меня.

Я вспомнила слёзы, катившиеся по моему лицу — не от печали, а от радости, и как я сказала в ответ: «Я тоже тебя люблю... я тебя люблю...».

Я вспомнила, как он не прерывал зрительного контакта, когда он лихорадочно вонзался в меня, наполняя, и шептал при этом: «Я люблю тебя, Лили, Господи Иисусе, я люблю тебя...».

Это было всё, что я представляла себе, пока моя голова откидывалась назад, а я продолжала трахать его на этом диване: прошлая ночь, когда мы занимались любовью, и Коннор, твердивший, что любит меня.

Этого было достаточно.

Я почувствовала, как моё удовольствие крепнет и нарастает. Я вспомнила о том, как он целовал меня, и поднялась ещё выше, моё сердце готово было разорваться, когда я представила, как он, находясь внутри меня, шепчет мне на ухо: «Я люблю тебя».

А потом я кончила.

Непреодолимо и удивительно, сладко и всепоглощающе, потому что до сих пор в ушах, смешиваясь с моими собственными стонами удовольствия, звучали его слова: «Я люблю тебя, Лили, я люблю тебя, я люблю тебя».

И тут же я услышала его стон и вскрик, и почувствовала, как он набух и взорвался внутри меня.

Через несколько секунд, после того как его крики стихли, я прекратила двигаться на нём. Слабая и измученная, с дрожащими ногами, я уселась к нему на колени, открыла глаза и впервые почти за минуту посмотрела на него.

Он улыбался мне, глаза были слегка прикрыты, голова откинута на диван.

— Господи, это было потрясающе, — хрипло прошептал он.

Я грустно улыбнулась — интересно, знал ли он, что это была грустная улыбка? — и нежно поцеловала его в губы.

Мне было немного жаль, что в этот момент я отсутствовала. Что впервые с ним мне нужно было думать о чём-то другом, чтобы кончить.

Мне пришлось думать о том, что было прошлой ночью и о другом Конноре.

О том, кто не боялся сказать, что любит меня.

Я сидела на нём и целовала, не желая отпускать, пока кто-то не постучал в дверь пентхауса.

Голос Себастьяна был приглушённым и далёким.

— Из того, что я слышал, предполагаю, что большой финал уже состоялся. Нам уже нужно выезжать.

— Боже мой, — закричала я и натянула халат на своё обнажённое тело, хотя Себастьян находился по другую сторону двери, и я понимала, что никто не мог нас видеть.

— Очень неудачное время, Себастьян! — крикнул Коннер через моё плечо.

— На самом деле, шестьдесят секунд назад было бы намного хуже.

— Дай нам несколько минут! — рявкнул Коннор, а затем добавил: — И ты всё ещё не ушёл!

— Чёрт возьми, Коннор! — завопил Себастьян, точно избалованный четырёхлетний ребенок.

Я могла бы поклясться, что услышала, как он топает ногами по полу.

Пока Коннор переодевался, «несколько минут» превратились в десять. Я стояла в халате, наблюдая за ним в свете прикроватной лампы, и наслаждалась представлением.

Поначалу я даже не осознавала, что он дразнил меня. Он снял с себя всю одежду — ВСЮ! даже носки — и стоял голый в огромной гардеробной. Тени очерчивали борозды на его мускулистой спине, руках и бёдрах, и всё это происходило под предлогом поиска подходящей одежды. Затем он оглянулся через плечо, оглядел меня с ног до головы, подмигнул и дьявольски ухмыльнулся.

— Это просто жестоко, — сказала я, подкрадываясь к нему сзади. Я обняла его за талию и легко поцеловала в спину.

— Ты выглядела так, будто наслаждалась видом, — сказал он, возвращаясь к выбору нового костюма.

Сволочь.

Ха, в эту игру могут играть и двое.

Я ослабила пояс на халате, позволив полам слегка разойтись, и потёрлась обнажённой кожей об его зад. Его твёрдая, мускулистая, скульптурно вылепленная задница прижалась к моему животу, и я медленно заскользила грудью по его спине.

Не остановившись на достигнутом, я обняла его за талию и позволила своим пальцам вслепую поиграть с его большим расслабленным членом.

Результат последовал незамедлительно.

Он стал увеличиваться.

— Привет, — засмеялся Коннор, повернувшись и поцеловав меня. Во время поцелуя я ощутила, как Коннор ухмыляется, прежде чем он отстранился. — Продолжай в том же духе, и я долго еще останусь раздетым.

Я чувствовала, как его член напрягается возле моего тела, становясь все длиннее и твёрже. Но он всё ещё был направлен вниз, отчаянно пытаюсь подняться.

Я нежно погладила его член кончиками пальцев.

— Я бы не возражала.

Он рассмеялся и отошёл. Наконец освободившись, его член подпрыгнул и быстро поднялся, прямой и твердый, подрагивающий с каждым ударом его сердца.

— Ну да, тогда Себастьян действительно ворвётся сюда, — сказал он, натягивая новую пару нижнего белья по своим великолепным мускулистым ногам. Ему пришлось прижать эрекцию к животу, и всё же розовая головка так и осталась выглядывать на несколько дюймов из-за пояса.

Я с жадностью наслаждалась этим шоу, пока он не отвернулся, чтобы надеть белую рубашку, и начал ее застёгивать.

— Он работает на тебя. Просто прикажи ему держаться подальше, — надулась я.

— Ну, это не сработает. Он всё равно устроит сцену, просто чтобы досадить мне за то, что я не беру его в Нью-Йорк.

Его слова были соли на открытую рану, хотя не думаю, что Коннор осознал, что они касались и меня.

«Не обращай внимания», — сказала я себе.

— Почему он не едет с тобой? — спросила я. — Он прав, было бы более разумно, если бы

он полетел с тобой в Нью-Йорк.

— Со мной будет Джонни, — ответил Коннор, натягивая штаны.

— Ну да, — сказала я, будто это было совершенно очевидно.

— И мне не хочется оставлять тебя здесь одну.

— Тогда возьми меня с собой, — прошептала я.

Он оглянулся и посмотрел не меня через плечо: взгляд был насторожённым, неуверенным, будто он не знал, что я сделаю дальше.

Я опустила глаза.

— Неважно. Извини.

Он натянул куртку и, направляясь к кровати, мимолётно поцеловал меня без какой-либо страсти.

— Это всего лишь один день, — сказал он и сел, чтобы натянуть носки, все еще не отрывая взгляда от моего тела.

До меня дошло, что мой халат всё ещё был распахнут, а моё тело выставлено перед ним как на показ. Но у меня больше не было настроения для кокетливых игр, поэтому я запахнула полы халата и туго затянула пояс.

— Я знаю, — пробормотала я.

Он надел туфли, затем подошёл и теперь уже по-настоящему поцеловал меня.

Я ответила на поцелуй, заскользив руками вверх, чтобы погладить его по груди.

Но прежде, чем это могло превратиться во что-то большее, он отстранился.

— Я вернусь раньше, чем ты успеешь понять, что я уезжал, — прошептал он.

Надеюсь, это правда.

Но я знала, что это не так.

Он жестом указал на гостиную и сказал с акцентом Арнольда Шварценеггера:

— Пойдём, герр Себастьян ждёт.

Я невольно захихикала и, взяв его за руку, последовала за ним.

Джонни и Себастьян ждали нас в гостиной. Себастьян стоял, скрестив руки на груди, нетерпеливо постукивая ногой по полу. Джонни поймал мой взгляд, покраснел и отвернулся.

Я внутренне сжалась, надеясь, что он не слышал ничего из того, что, по-видимому, слышал Себастьян.

— Вот маршрут с адресами, контактами, номерами телефонов и временем звонков, — отрывисто сказал Себастьян, протягивая лист бумаги. — Не забывай, что ты должен быть в...

— Хорошо, спасибо, — прервал его Коннор, выхватывая бумагу из рук Себастьяна, затем сворачивая её и засовывая в карман куртки.

Себастьян фыркнул, гневно прищурившись, затем повернулся к Джонни и как по волшебству достал ещё один лист.

— Вот то же самое для тебя, плюс я отправил вам обоим всю информацию по электронной почте, так что, если вы куда-то опоздаете или пропустите интервью, не приходите ко мне плакаться.

Джонни неловко кивнул, взял бумагу и засунул её в карман.

— Мы готовы? — спросил Коннор у Джонни.

— Да, багаж уже в машине. У тебя же больше нет сумок, да? Я просто думал...

— Нет, всё остаётся здесь. Проследи, чтобы мои вещи постирали, ладно? — попросил Коннор Себастьяна.

— Не волнуйся, я прослежу, чтобы они вывели все пятна с твоих штанов, — злобно сказал Себастьян, бросив на меня взгляд.

Боже мой.

Джонни покраснел ещё больше.

Коннор свирепо посмотрел на Себастьяна, прямо ему в лицо.

— Думай, что говоришь, — сказал он угрожающе.

Себастьян в тревоге отпрянул назад.

Коннор отвернулся, посмотрел на меня и закатил глаза. Мне удалось подавить улыбку.

Он наклонился и поцеловал меня, затем отстранился всего на дюйм, обхватив мое лицо руками.

— Прежде чем ты успеешь понять, что я уезжал, — прошептал он, повторяя слова, сказанные несколько минут назад. А потом ещё раз поцеловал меня.

«Скажи это, — безмолвно умоляла я его. — Просто шепни мне на ухо эти слова или скажи их громко, мне всё равно...»

Но ничего не случилось. Вместо этого он отстранился и вместе с Джонни пошёл к дверям. Прежде, чем исчезнуть из виду, он посмотрел на меня и грустно улыбнулся... А потом ушёл.

Себастьян явно был взбешён своей новой ролью моего опекуна.

Во всяком случае, расхаживая туда-сюда по пентхаусу, делая телефонные звонки в последнюю минуту, он игнорировал меня, пока я смотрела телевизор, снизив звук до минимума. Это были хорошие, безопасные, бессмысленные ситкомы, в которых не было ни единого упоминания о шантаже миллиардеров.

Тем не менее, наши показательные выступления продемонстрировали в 11-часовых местных новостях. Без всяких купюр по стандартам прайм-тайма, акцентируя внимание на кадрах, где мы с Коннором изображены крупным планом, конечно, со всеми соответствующими чёрными полосами на всех нужных местах. Конечно, они не желали развращать молодые умы Америки вынырнувшим из ниоткуда соском. Особенно во время такого полномасштабного освещения сексуального скандала.

Было несколько нарезок с интервью, в которых Коннор был Коннором — красивым, остроумным, красноречивым и чертовски обаятельным. Они даже вставили снятые тайком кадры с Мирандой, где репортёр назвал её слова чушью.

Спасибо небесам за милости малые.

Единственными кадрами с мистером Темплтоном было его бегство со съёмочной площадки, что было ещё лучше.

Интересный поворот событий, и этого я ожидала меньше всего, случился, когда ведущий начал сообщать биржевые новости, связанные с ключевыми фигурантами скандала.

Акции разных компаний Коннора выросли в среднем на 7,4 %. Энергетическая компания, которой он владел, скорее всего, та, которая и должна была реализовать план солнечной энергетики в Неваде, подорожала на колоссальные 23 %.

Различные компании семьи Темплтон упали в среднем на 4 %. Из них «Темплтон Энерджи» упала больше всего, на 15 %.

Себастьян хорошо справился со своей задачей.

Мне стало интересно, сколько десятков миллионов долларов, а может быть, даже и сотен миллионов, потеряли сегодня Темплтоны.

Но, эй, за них точно не стоит переживать. На следующей неделе, акции, скорее всего, вернуться к обычной цене, и они отобьют все потери. Пена сойдёт, и скоро никто уже об этом и не вспомнит.

— А теперь, — произнес голос ведущего, — давайте посмотрим на молодую женщину из Лос-Анджелеса, оказавшуюся в центре этого скандала.

Сердце упало к плинтусу, когда на экране появилось моё очень знакомое и очень ужасное изображение.

Фотография из ежегодника старшей школы.

Мне 18 лет.

С чёлкой. И прыщиком на щеке.

И совершенно ужасная, дурацкая улыбка, от которой я выглядела слегка под кайфом.

— ААААААА! — вцепившись в диван, я закричала так, как будто была в разгаре родов.

Прибежал Себастьян.

— Что? Что случилось?

Потом он увидел фотографию из ежегодника, и его рука прижалась к груди.

— Боже мой, они выволокут и четвергуют тебя на людях.

По мере того, как ведущий продолжал говорить и говорить, на экране всплывали всё новые и новые фотографии, в основном из Фейсбука, из-за чего мне захотелось надрать задницу Марку Цукербергу и немедленно удалить свой профиль. К счастью, на всех последующих фото я была не такой уродливой, как на фотографии из школьного ежегодника, и тут, вишенкой на торте, появились фотографии с вечеринки в ночном клубе по случаю последнего дня рождения Аны. Это была я, пьяная в задницу, едва держащаяся на ногах и вцепившаяся мёртвой хваткой в свою крошечную подругу. Отдельная хорошая новость состояла в том, что они заретушировали её лицо, но — вот радость-то! — не моё. Конечно же, нет, ведь когда новостные программы уже показали миру твои сиськи, очевидно, любая твоя фотография может стать отличной мишенью.

Были и другие снимки, но по сравнению с предыдущими, они были относительно безопасными. Впервые в жизни я произнесла безмолвную молитву в благодарность за то, что в колледже была замкнутой и скучной занудой, и что всегда говорила «нет», когда бывшие бойфренды хотели сделать «особенные снимки».

Хотя сейчас, конечно, «особенных снимков» было достаточно, чтобы после моей смерти удержать мою славу в сети ещё минут на пятнадцать.

Блок светских новостей закончился, и ведущий перешёл к освещению недавних баталий в Конгрессе по поводу государственного долга. Ага... такие скучные, малозначимые вещи.

Я сгорбилась и обхватила голову руками.

— Тебя ведь не вырвет, да? — насторожённо и слегка неодобрительно спросил Себастьян.

— Нет, — пробормотала я, хотя теперь, когда он упомянул об этом...

— Хорошо, сейчас мне только этого не хватало.

Мудак.

Он колебался кратчайшую секунду.

— Я позвонил Хавьеру и иду к нему. Не вижу причин терпеть это больше, чем нужно. Если вдруг я тебе понадоблюсь, на столе я оставил свой номер.

— Хорошо, — пробормотала я, оставаясь всё в той же позе.

— Тебе что-нибудь нужно?

Я села прямо и задумалась...

— Если что-то захочешь, просто позвони в обслуживание номеров, — сказал Себастьян.

Я посмотрела на него через плечо, но увидела лишь его спину, стремительно приближавшуюся к двери.

— Не жди, — это были последние слова, которые он произнёс, прежде чем исчезнуть в холле.

В конце концов, я позвонила в обслуживание номеров и заказала пинту Хааген Даз (*прим. высококачественный бренд американского мороженого*), которую опустошила за просмотром «Теории большого взрыва».

Всё это время на журнальном столике продолжал разрываться от звонков мой телефон. Я постоянно проверяла его, надеясь, что звонит Коннор.

Но это был не он. Целая куча телефонных номеров, ни одного из них я не знала. Постоянно мелькали коды разных городов, по большей части Нью-Йорка и Лос-Анджелеса — 212, 310, 213.

«Он всё ещё не приземлился, — подумала я. — Он не может позвонить из самолета», — объяснила я сама себе, хотя была почти уверена, что в частном самолёте позвонить возможно.

Потом я проверила свои сообщения и увидела одно от папы, которое он оставил, когда Коннор ещё был здесь. Конечно же, я не стала его прослушивать.

«Завтра, — молча пообещала я сама себе, ощущая тошноту. Я позвоню ему завтра».

Конечно же, Коннор был и у Джимми Киммела, и у Лено, причём одновременно. Стоит признать, Себастьян действительно был мастером своего дела.

Я переключалась между каналами, наблюдая, как Коннор появляется в двух разных местах одновременно. Ах, эта магия предварительно записанных шоу.

Обе передачи шли по одному и тому же сценарию. Вначале сексуальные намёки и шутки с неприличным подтекстом, подмигивания и подталкивания локтём. Потом удивление по поводу причастности его семьи к шантажу. Далее следовала 30-секундная презентация Коннора о том, как обеспечить всех жителей Америки чистой и дешёвой энергией.

И на десерт, конечно же, вопросы обо мне.

— Значит, вы, ребята, влюблены, я так понимаю?

— Как вы думаете, это будущая миссис Темплтон?

И то же самое отчаяние в глазах Коннора, та же натянутая улыбка, те же заученные ответы.

Я выключила телевизор на полпути к спальне и в последний раз проверила телефон.

Он так и не позвонил.

Я пошла в спальню, переключила телефон на беззвучный и плакала, пока не уснула.

Я проснулась рано и тут же проверила телефон на наличие сообщений.

От Коннора не было ни одного. Зато около пятидесяти с незнакомых номеров.

Я ощущала себя слишком разбитой, чтобы просмотреть их, но и уснуть снова не могла. Кровать была слишком пустой, а на сердце было слишком грустно, чтобы спокойно лежать и о чём-то думать, поэтому я встала и поплелась в душ.

Когда в 8 утра я вошла в гостиную, Себастьян уже был на месте и вел бурную деятельность. Он расхаживал по комнате и разговаривал по своим мобильным, именно так: во множественном числе — в каждой руке по телефону, и он постоянно звонил, то по одному, то по другому. Время от времени Себастьян останавливался у своего ноутбука на журнальном столике и отправлял кому-то письмо, а затем снова начинал набирать номер, ходить взад-вперёд и угрожать собеседникам.

— Ну, посмотрите, кто проснулся, — были его единственные слова.

Я высунула язык, но он уже отвернулся.

Не имея ни малейшего понятия, чем заняться, я включила телевизор, но наши вчерашние скандальные новости как будто испарились. За что я была, конечно, благодарна. Не поймите меня неправильно, но от этого возникало странное чувство, незавершённости. Типа, о, они не зациклились на мне...

Понимаю, что я сейчас не в себе. То есть, вчера я только и хотела, чтобы все эти репортажи исчезли, но теперь, когда скандал пошёл на убыль, я, кажется, впервые поняла, почему некоторые знаменитости (кхе-кхе, привет, Линдси Лохан) уничтожают свою репутацию на людях. Вот твоя жизнь проходит под прицелом объективов, все обращают на тебя внимание, ты во всех новостях, даже если и не хочешь этого. А потом бам, и этого больше не происходит. И уже как-то странно и неприятно.

Я же сказала — я запуталась.

Я пролистала меню на экране телевизора и узнала, что «Взгляд» (*прим. дневное ток-шоу Барбары Уолтерс на канале ABC, в котором команда женщин-ведущих обсуждает всё: от светских новостей до политических проблем*) начнётся в эфире в 10 утра, а затем заказала завтрак в номер, только фрукты и круассаны. Когда доставили еду, я едва смогла к ней прикоснуться. Большую же часть на самом деле съел Себастьян, постоянно расхаживающий взад-вперёд.

Я подумывала, не выйти ли к бассейну на балконе, пока не заметила чёрные точки, парящие в небе, словно медленные насекомые на фоне безоблачной синевы.

Вертолёты.

Через стекло я не могла их слышать, но это определенно были вертолеты. Два из них подлетели достаточно близко, чтобы я смогла различить логотипы каналов на бортах.

Такого же просто не может быть, да?

— Не ходи туда, — приказал Себастьян, прижав к уху мобильный телефон. Очевидно, он обращался ко мне, хотя, учитывая его разговор по телефону, возможность полноценного диалога исчезала. — Нет, Шиа, это я не тебе. Всё, что им нужно, это твоё фото в бикини у бассейна, — сказал он, очевидно, снова обращаясь ко мне.

— И не собиралась. Я не слепая, знаешь ли.

— Нет, я не могу связаться с ним, потому что его здесь нет, — сказал Себастьян, видимо,

обращаясь к Шиа. — Я знаю. Нет, я присматриваю за ребёнком, — прорычал он, бросив в мою сторону ядовитый взгляд.

— Ребёнок уже достаточно взрослый, чтобы с ним не нужно было нянчиться, — отрезала я.

Он прикрыл рукой динамик на телефоне и нахмурился.

— Я, разумеется, знаю...

— Ну, тогда пойдёшь и вымести злобу на своём боссе, потому что «ребёнок» устал от твоего нытья, — сказала я, выходя из комнаты.

Отметив при этом, что ответа не последовало.

Всё утро я ждала звонка от Коннора, но он так и не позвонил.

Затем начался «Взгляд». Думаю, Себастьян решил заключить временное перемирие, потому что, когда он сел на диван рядом со мной, в мою сторону не последовало никаких неприятных взглядов или комментариев. Правда, при этом, он не перестал отвечать на телефонные звонки, но стал разговаривать гораздо резче и заканчивал их так быстро, как только мог.

Он смотрел шоу как ястреб, ловя на лету каждое слово Коннора. Время от времени он гордо улыбался остроумиям Коннора и говорил:

— Это я велел ему так сказать.

Не хочу сильно вдаваться в детали. Всё было похоже на то, что происходило и накануне, хотя женщины по очереди допрашивали его сильнее и более неистово приходили в восторг. Вупи снова и снова вставала на его защиту, отпуская невероятно забавные шутки по поводу всей ситуации. Не будь я так подавлена, то могла бы пару раз и посмеяться. Но сейчас я едва улыбнулась.

И, конечно же, они обсудили и меня.

— Почему мы её не видели?

— Где ты её прячешь?

— Когда она собирается поговорить с прессой?

— Ты должен пригласить её сюда, Коннор.

И, конечно же, они спросили его о наших отношениях.

Он выглядел немного менее напряжённым, когда отвечал, возможно, потому, что я находилась на расстоянии в 2500 миль, но только совсем чуть-чуть. Дискомфорт всё равно был заметен.

Краем глаза я отметила, как Себастьян с тревогой смотрел на меня всякий раз, когда Коннор давал свои неискренние ответы о «девушке» и «браке». Себастьян не выглядел обеспокоенным тем, что я могла бы нарушить соглашение о неразглашении; вместо этого он выглядел почти... сочувствующим.

Значит, мне не показалось, подумала я, что было слабым утешением.

Минут через пять после окончания шоу у Себастьяна зазвонил телефон, и он, сияющими глазами, ответил.

— Мы только что посмотрели шоу. Отлично, ты был просто великолепен! — Затем на сцене появилась язвительная королева драмы. — Хотя, будь я рядом, всё вышло бы ещё лучше.

Коннор.

Мой желудок скрутило.

Он позвонил Себастьяну, а не мне.

— Нет, нет, просто следуй расписанию, и всё будет в порядке, — сказал Себастьян и выпалил список встреч, имён и адресов. — У тебя есть ещё тридцать минут, чтобы перевести дух, но после этого твой график станет сумасшедшим, так что обязательно что-нибудь съешь. После Леттермана тебя уже будет ждать самолёт, чтобы отвезти... куда?

Я пристально посмотрела на Себастьяна, чей голос приобрел явно встревоженный оттенок. Он слушал Коннора.

— ...ты уверен? — спросил он, быстро бросив взгляд в мою сторону. — Я не... хорошо, если ты думаешь, что это... да, она здесь...

Как только он это произнёс, моё сердце немного подпрыгнуло, а желудок тут же неприятно сжался от насторожённого тона Себастьяна.

— ...Хорошо, подожди...

Себастьян протянул мне телефон, выглядя при этом немного виноватым.

— Привет? — спросила я дрожащим голосом.

— Привет.

Глубокий, звучный тембр заполнил динамик, и внезапно я почувствовала себя в десять раз лучше.

— Я слышал, ты смотрела «Взгляд».

— Ага. Ты был великолепен, как и всегда.

— Спасибо. Они были снисходительны ко мне. — Повисла неловкая пауза. — Ну, как спалось?

— Хорошо, — солгала я. В лучшем случае можно сказать, что я спала беспокойно, постоянно ворочаясь и просыпаясь.

— Ладно. Послушай, я не вернусь в Лос-Анджелес сегодня вечером.

Такое ощущение, что из-под меня выдернули диван.

— ...что?

— Мне нужно вернуться в Неваду чтобы урегулировать ситуацию. Вернее, сегодня вечером я лечу в округ Колумбия, чтобы обсудить проблему с несколькими сенаторами и конгрессменами, а оттуда сразу отправлюсь в Карсон-Сити, чтобы завтра встретиться с губернатором и ведущими политиками штата.

— ...Карсон-Сити?

— Да, в прошлый раз в Вегасе они пришли ко мне с предложением. Теперь же, в такой ситуации, это я должен пойти к ним. Хотя, думаю, что они всё ещё согласны поддержать мой проект, особенно когда я положу на стол свою чековую книжку для их избирательных кампаний.

У меня голова пошла кругом.

— Но ты... ты сказал...

— Я знаю. Мне жаль. Но телефонных звонков недостаточно, мне действительно нужно лично присутствовать там, чтобы убедиться, что сделка всё ещё в силе.

Это было разумно. Всё, что он говорил, было целесообразно. Поэтому я попыталась найти компромисс.

— Хорошо, хорошо, тогда мы могли бы встретиться с тобой в Нью-Йорке... или в Вашингтоне... или в Карсон-Сити...

— Лили.

Я замолчала. Я уже практически чувствовала, что он сейчас скажет.

Паника достигла высшего пика.

— Думаю, будет лучше, если ты останешься в Лос-Анджелесе.

Мои глаза защищало от слёз. Я не хотела, чтобы Себастьян видел это, поэтому отвернулась в другую сторону.

— Ты сказал, что тебе просто нужен день, — прошептала я.

Долгая мучительная пауза.

— ...Я знаю. Но мне нужно ещё немного времени.

— Ты приедешь домой завтра вечером?

— Нет..., скорее всего, нет, — я закрыла глаза и почувствовала, как по моей щеке скатилась слеза, — ...но увидимся в субботу.

— Когда?

— Я не знаю..., но я уже вернусь. Обещаю.

— Однажды ты это уже говорил, — прошептала я, мой голос был не громче дыхания.

Тишина. Потом, наконец...

— Суббота. Я обещаю.

Пауза.

— Мне нужно поговорить с Себастьяном.

— Хорошо, пока...

— Увидимся в субботу.

— Хорошо...

Я вернула телефон Себастьяну, мои движения были замедленными, глаза остекленели. Он явно слышал весь наш разговор. Побледневший, он смотрел на меня так, словно я была на грани самоубийства.

Себастьян взял трубку, встал, прошёл в другую комнату и закрыл за собой дверь, не сказав при этом ни слова. Его приглушённый голос звучал сердито, хотя я и не могла разобрать слов.

Я надеялась, что он устроил разнос Коннору из-за меня, но, скорее всего, дело было в том, что ему придётся остаться нянькой ещё на несколько дней.

Я вернулась в спальню, свернулась в кровати калачиком, закрыла глаза и позволила слезам пролиться.

Я вышла из спальни только ближе к обеду. Перед этим мне пришлось выплеснуть на лицо тонну холодной воды, чтобы снять отёчность вокруг глаз, но я знала, что никого обмануть не получится.

Себастьян сидел на диване и смотрел очередное интервью Коннора, максимально приглушив звук. Как только я вошла, он тут же выключил телевизор.

— Всё в порядке, — пробормотала я.

— Мне до смерти надоело слушать Коннора, — заявил он.

Я рассмеялась, хотя это больше походило на икоту.

— Грубо, учитывая, что это часть твоей работы.

Себастьян проигнорировал мой комментарий и вместо этого указал на тёмный экран телевизора.

— Этот парень и так уже слишком высокого мнения о себе. А это внимание просто подпитывает его, как лесной пожар.

Я остановилась как вкопанная и подняла брови.

— ОН слишком высокого мнения о себе?!

— Что полностью МЕНЯ оправдывает, — сказал Себастьян так, словно был сильно обижен, но тут он превратился в беззаботного, почти тёплого парня. — Что думаешь о том, чтобы посмотреть вечером фильм?

Я уставилась на него.

— А как насчёт работы?

— На х*й работу, — легко сказал он.

— А Коннор?

— На х*й Коннора.

Я недоверчиво рассмеялась.

— Что?!

— На х*й Коннора, — повторил он для выразительности.

— А как же Хавьер? — лукаво спросила я.

— Джонни в этот момент отпустил бы какую-нибудь кошмарную шутку, но я не такой вульгарный, как он.

— Что-то о том, чтобы послать туда же и Хавьера?

— Очевидно, здесь есть и другие пошлые особы, — чопорно сказал Себастьян, — хотя я мог бы сказать это уже по фотографиям.

Я невольно расхохоталась.

Было приятно вернуть прежнего Себастьяна.

Или..., а был ли это прежний Себастьян? Я посмотрела на него прищурившись.

— Тебя Коннор подговорил?

— Нет, он этого не делал.

— Ага, в самом деле, — сказала я с недоверием.

— Если ты, Лили, ещё не заметила, то Коннор иногда может быть кем-то вроде придурка.

Я издала короткий смешок и уныло кивнула.

— Он сейчас включил режим полного придурка, — продолжил Себастьян. — А мне не

очень нравится, когда он ведёт себя как мудака. Так что нет, мы с ним кроме работы ничего не обсуждали.

Я вздохнула и опустилась на диван рядом с ним.

— Но сегодня вечер пятницы. Разве ты не хочешь встретиться с Хавьером?

— У него сегодня долгий съёмочный день. Какой-то коммерческий ролик. Так что мы не сможем увидеться. Это уже точно.

— Оу.

Я не была уверена, лжёт Себастьян или нет..., но если так...

— Слушай, я ценю то, что ты пытаешься сделать...

— Замолчи, или ты всё испортишь. Я закажу для нас ужин, а потом попкорн и газировку.

Устроим вечеринку.

— Здесь можно заказать попкорн? — недоверчиво спросила я.

— Лили, человек, на которого я работаю, владеет этим отелем. Я могу получить всё, что захочу, даже если им придётся гнать машину в кинотеатр, чтобы купить его там.

— Ах, да.

— Что ты хочешь посмотреть?

— А что ты хочешь посмотреть?

— Это с тобой нянчатся.

Я на секунду задумалась.

— Только ничего из мюзиклов.

Себастьян пристально посмотрел на меня.

— Так банально? Действительно? Действительно.

Я поморщилась.

— Извини.

Он покачал головой и закатил глаза, а затем вернулся в нормальное состояние.

— Мы могли бы посмотреть повторы «Glee», — предложил он. *(прим. в русском переводе сериал «Хор» с элементами мюзикла, драмы и комедии канала Fox)*

— Так это то же самое! — Я кричала и смеялась одновременно.

— Нет, ничего подобного, — раздражённо сказал он.

— По сути своей!

— Нет, это не так.

— Ладно, ты прав, просто люди сделали облегчённую версию мюзикла.

— Это современные хиты, — фыркнул Себастьян.

— Да, в виде больших песенных и танцевальных сцен.

— В исполнении милых парней.

— Ну, хорошо, соглашусь с тобой. Но сегодня я действительно не в настроении для таких зрелищ.

— Но...

— И кто из нас здесь ребёнок?

Себастьян замолчал и немного сердито посмотрел на меня.

Я решила бросить ему кость. В переносном смысле.

— Кстати, о людях, поющих современные хиты, ты смотрел «Идеальный голос»? *(прим. «Идеальный голос» — адаптация книги Микки Рэпкина о студентке, внезапно обнаружившей в себе страсть к пению а капелла, в главной роли Анна Кендрик).*

Себастьян вдруг превратился в двенадцатилетнюю девочку.

— О, БОЖЕ, готов все семнадцать раз, что я смотрел этот фильм, повторить, как Я ЛЮБЛЮ Анну Кендрик, — пропищал он.

Совершенно ошеломлённая, я ухмыльнулась, широко раскрыв глаза.

Растерявшись, он отвёл взгляд.

— Ну, да. И индийский мальчик очень милый, хотя я совершенно не понимаю, почему ему нравится эта маленькая психованная азиатская девочка.

— Это интересно.

— И что там интересного?

— Он какой-то заучка, этот индийский парень. Я думала, ты скорее западёшь на британского диджея с шестью рельефными кубиками пресса.

— Ну, он определённо милый, но на мой вкус слишком обычный.

Сначала Хавьер, потом индиец... и тут я вспомнила, что он говорил про Брюса Ли...

— Оооо... так ты любишь тёмное мясо, а?

— Я не удостою это ответом. — Себастьян на секунду замолчал. — Мы могли бы посмотреть что-нибудь романтическое, может «Гордость и предубеждение» с Кирой Найтли?

Мне очень нравился этот фильм.

Но я знала, что не смогу смотреть его и не думать о себе как об Элизабет, и о Конноре как о мистере Дарси и не рыдать навзрыд.

— Сегодня вечером мне нужно посмеяться, — сказала я. — Ты не против посмотреть «Идеальный голос» в восемнадцатый раз?

— Дорогая, я могу всю ночь смотреть, как этот мальчик поёт «Во мне есть магия».

— Ещё одна упущенная возможность для одной из неуместных шуток Джонни.

— Молчи. Что хочешь на обед?

На ужин был вкусная котлета по-киевски с молодым картофелем и спаржей на гриле. После этого Себастьян заказал попкорн и кока-колу, и как только их принесли, мы уселись смотреть фильм по кабельному каналу отеля.

Ему пришлось извиниться и «пойти в комнату для маленьких мальчиков» на две трети фильма, так что я поставила фильм на паузу. Так совпало, что это была сцена, где героиня идет извиняться перед героем за то, что вела себя как придурочная, но он отталкивает ее, потому что она продолжает причинять ему боль.

Наверное, это заставило меня задуматься.

Когда Себастьян вернулся и сел, я сказала:

— Могу я задать тебе вопрос?

— О боже, вот оно что, — пробормотал он.

— Что? — спросила я, одновременно удивленная и слегка обиженная.

— В детской комнате.

Теперь я был просто оскорблена.

— Ну, отлично. Не бери в голову.

Я нажала «Воспроизвести» на пульте дистанционного управления и запустила фильм.

— Нет, нет... продолжай, — проворчал он.

— Нет, я...

Себастьян выхватил пульт, нажал «Паузу» и повернулся ко мне.

— Просто задай этот чертов вопрос.

Я надулась на несколько секунд... а потом поддалась своему любопытству.

— Почему Коннор отгораживается от меня?

Он вздохнул в совершенно надоевшей миру манере. Я почти ожидала, что он начнет орать: «Никто не знает, какую беду я видел, кроме Иисуса».

— Я боялся этого, — сказал он.

— Что я спрошу?

— Нет, это меня просто раздражает.

— Дай мне пульт...

— Тихо, — сказал он, держа пульт вне пределов моей досягаемости. — Ты хочешь знать ответ или нет?

— ...да.

Он растянулся на диване и, прищурившись, уставился в потолок.

— Это сложно.

Я подождала еще несколько секунд. Когда ничего не последовало, я немного наклонила голову вперед.

— ...и?

Он сел боком, лицом ко мне, и подпер голову кулаком, как будто мы сплетничали на пижамной вечеринке.

— Во-первых, Коннор боится обязательств.

— Да, ну, как и большинство парней.

— Большинство парней не могут заполучить моделей «Victoria's Secret».

Ой.

— Ладно, забудь об этом, — мрачно сказала я.

— Ты не так поняла.

— Нет, я прекрасно понимаю, — с горечью сказала я. — Он может заполучить любую женщину, какую захочет, так зачем довольствоваться мной?

— Ну, это часть дела, но не главная его часть. Если бы это было так, он бы выгнал тебя после той первой ночи. Очевидно, ты ему очень нравишься. Проблема в том, что ты ему очень нравишься.

— В этом нет никакого смысла, — нахмурилась я.

— Я не думаю, что он боится «больше никаких моделей «Victoria's Secret», я думаю, он боится того, насколько сильно он заботится о тебе. Он ненавидит быть слабым, а ты его слабость. Я был шокирован, потрясен тем, что он не бросил тебя, как только Миранда выдвинула ему свой маленький ультиматум. Он ненавидит ультиматумы и, как известно, отрезал себе нос назло кому-то другому.

— В этом нет никакого смысла.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Он причинит себе вред только для того, чтобы показать кому-то другому, что они не имеют над ним контроля, даже если на самом деле это нисколько не навредит другому человеку. Он рассказывал тебе, что сделал со своим отцом, когда ему было девятнадцать?

Я вспомнила эту историю, и на меня нахлынуло осознание.

— Он фактически сказал своему отцу «Пошел ты». Но это не значит, что он не причинил никакого вреда — он потерял десять миллионов долларов своего отца...

— Десять миллионов долларов ничего не значили для его отца. Но Коннор намеренно сжег за собой мосты. Он мог бы достичь гораздо большего, с гораздо меньшей болью и борьбой, если бы не нажил врагов в своей семье. И я говорю это как человек, который абсолютно ненавидит свою семью.

— Ну, может быть, он был вынужден сделать это психологически, — предположила я. — Отрезать все концы и быть самим собой.

— Я мог бы согласиться с тобой, за исключением того, что он делал одно и то же снова и снова, как в больших, так и в малых делах. Ему нравится настраивать людей против себя, особенно если они угрожают ему или намекают, что он им «должен». Бизнес, судебные процессы, женщины, дружба — не имеет значения. Он отрежет себе нос, чтобы досадить им.

Я вспомнила прошлое. То, как он справился с выкупом у Экзертон... он мог бы просто сказать им, что передумал, но ему пришлось публично унизить Клауса и поставить под сомнение способность генерального директора выполнять свою работу.

Или то, как он насмеялся над своей семьей, когда они впервые появились... до того, как он узнал о шантаже.

Это правда, Коннор был не из тех, кто ведет себя тихо и уважительно. Я списала это на игривость и бесстрашие... но, возможно, в этом была и темная сторона.

— Ты думаешь, он хочет сделать это со мной? — испуганно спросила я.

— Нет, нет, нет, — раздраженно сказал Себастьян. — Я просто демонстрировал, каким он может быть. Нет, я сказал, что он действительно заботится о тебе, и это пугает его. Может быть, он даже нуждается в тебе, и это пугает его еще больше.

Я вспомнила слова Коннора, сказанные прошлой ночью:

«Я все еще в ужасе. Ты по-прежнему моя ахиллесова пята».

Я изо всех сил старалась забыть об этом и продолжать слушать Себастьяна.

— К тому же, он действительно в долгу перед тобой за то, что произошло за последние пару дней, за то, как самоотверженно ты бросилась на меч, предназначенный для него. И он ненавидит быть обязанным людям. Он ненавидит быть обязанным своим родителям за все преимущества, которые они дали ему в детстве. Он терпеть не может находиться в положении, меньшем, чем полный контроль, когда бы то ни было.

— Ты хочешь сказать, что он тоже меня ненавидит?

— Нет, нет, нет, — нахмурился Себастьян, затем его лицо изменилось. — Не ненавидит... обижается, может быть. Но даже неосознанно. Он не может заставить себя признать, что не хочет быть у тебя в долгу, и поэтому самое простое — просто избегать тебя. Ему некомфортно находиться рядом с тобой, так что... его сейчас нет рядом с тобой, не так ли?

Мой желудок скрутило, а сердце упало.

Себастьян потянулся к миске с попкорном.

— И потом, есть еще вся эта история с Мирандой.

Я в панике посмотрела на него.

— Что за «вся эта история с Мирандо»? Он все еще любит ее?

— Что?! О Боже, нет, — фыркнул Себастьян.

Я почувствовала себя немного спокойнее.

— Что же тогда?

— Милая, последняя женщина, в которую он влюбился, несмотря на все мои предупреждения об обратном, предала его. Она вырезала его сердце и съела его на завтрак. Так что теперь, когда он влюблен в тебя...

Он увидел, с какой надеждой я посмотрела на него.

— О, пожалуйста, Лили, конечно же, он влюблен в тебя, — презрительно сказал он. — Проблема не в этом. Проблема во всем остальном.

Мое сердце снова упало. Я попыталась стряхнуть это с себя.

— Что ты там говорил?

— О чем я говорил? О, да — последняя женщина, в которую он влюбился, уничтожила его, так он будет вне себя от радости, что снова стал таким уязвимым? Я думаю, что нет.

— Значит, он ненавидит нуждаться во мне... и он ненавидит быть в долгу передо мной, даже если это не так.

— О, пожалуйста.

— Это не так, — настаивала я. — Но он все равно это ненавидит. К тому же он расстроен, потому что думает, что я его слабость...

— Знает, что ты его слабость. Нет, ты должна быть сама собой. Если Коннор не может оценить тебя такой, какая ты есть, он идиот, и это его потеря.

Я посмотрела на Себастьяна.

— Это звучит очень по детски.

— Полагаю, так оно и есть. — Он пожал плечами. — Но это не значит, что это неправда.

Я сделала долгую паузу. Затем сказала:

— Почему ты так мил со мной?

Он молчал и не смотрел на меня.

— ...потому что все кончено, — поняла я, и мое горло начало сжиматься от паники.

— Я этого не говорил. — Себастьян пристально посмотрел на меня.

— Но если то, что ты говоришь, правда... — начала я, но не смогла продолжить.

Он виновато отвел взгляд.

— Боюсь, я отчасти виноват, хотя, клянусь тебе, я сделал это только потому, что думал, что в то время это было самое лучшее.

Я уставилась на него. Мне казалось, что по моему телу разливается ледяная жижа.

— ...что ты имеешь в виду?

— Вся эта история с «настоящей любовью» в новостях, — сказал он несчастным голосом. — Я знала, что если он не скажет, что любит тебя, и что вы двое были парнем и девушкой, СМИ разыграют версию о проститутке за 50 000 долларов, и мы потеряем все. Мы должны были сделать так, чтобы все выглядело так, будто вы двое были несчастными любовниками... но... Боюсь, средства массовой информации зашли дальше, чем я предполагал. Они просто вцепились в него, как питбули, и не отпускали. Все остальные вопросы были «Ты влюблена?» и «Когда ты собираешься выйти замуж?» и... Прости, Лили. Это вышло из-под контроля.

— О, — сказала я, и меня захлестнуло облегчение. — Это все, что ты имел в виду?

— «Это все, что ты имел в виду»?! Это все, что ты можешь сказать?! — спросил он, недоуменно посмотрев на меня.

— Я на секунду подумала, что ты сделал что-то действительно коварное, чтобы избавиться от меня.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Сколько бы дерьма я тебе ни наговорил, ты мне действительно нравишься, Лили. Что ж... сейчас. Не с самого начала.

— Спасибо тебе, Себастьян. — Я улыбнулся. — Ты мне тоже очень нравишься.

Очевидно, ситуация становилась для него слишком щекотливой, поэтому он отвел взгляд и покачал головой.

— Я думаю, что больше всего на свете постоянные вопросы — это то, что достало Коннора. Он никогда хорошо не реагировал на неопределенные отношения.

Это звучало знакомо.

— Неопределенные..?

— ...Отношения, — сказал Себастьян. — Я видел это десятки раз раньше — буквально десятки раз раньше: маленькая мисс Штучка начинает хотеть от него большего, чем он хочет дать, по крайней мере, эмоционально — и она начинает давить на него. Он просто смотрит НА ЭТО.

У меня в животе начались спазмы.

— Но обычно он просто проводил с ними время. Он явно заботится о тебе, вот почему я не могу понять, почему он так себя ведет, — нахмурился Себастьян. — Я имею в виду, что СМИ, желающие бить в свадебные колокола, раздражают, но я бы не подумал, что они зайдут так далеко. И я вижу, что у него проблемы со всем этим «ты жертвуешь собой», и он тебе по-крупному обязан, но я бы не подумал, что у него возникнут проблемы с этим так рано. Я думал, что это будет таиться где-то в глубине его сознания, но я думал, что он еще какое-то время будет отрицать свои чувства. Это то, что он обычно делает. Хоть убей, я не могу понять, почему это началось сейчас.

Однако я точно знала, когда это началось и почему.

— Он сказал мне, что любит меня, — выпалила я.

— Это было по телевизору, дорогая. — Себастьян искоса посмотрел на меня.

— Нет, в реальной жизни. До того, как он появился на телевидении.

— Что?! — Глаза Себастьяна расширились от шока.

Я сбивчиво рассказала ему о той ночи, когда мы узнали о шантаже, когда мы прилетели обратно в Лос-Анджелес и Коннор напился.

— О черт, — простонал Себастьян и закрыл глаза.

— Обычно это замечательно, когда парень говорит тебе, что любит тебя, — с горечью сказала я.

Он посмотрел на меня так, словно ты слишком туп, чтобы тебе поверить.

— Дорогая, как человек с большим опытом работы в этом отделе — гей или, цитирую без кавычек, «натурал», это не имеет значения — поверь мне, когда я говорю тебе вот что: каждый раз, когда великолепный мужчина с ужасными семейными проблемами напивается в стельку и говорит тебе, что любит тебя, после того, как узнал тебя всего пару дней, через несколько дней будет драма с большой буквы «Д».

— Я не просила его говорить это, — прошептала я.

— Я знаю. — Голос Себастьяна стал мягче, сочувственнее. — Но у него есть тупой натуралистический эквивалент раскаяния покупателя. Он сказал слишком много, и теперь он в панике. Именно поэтому все эти вопросы репортеров о свадьбах и белых штaketниках не дают ему покоя.

Я наполовину вздохнула, наполовину всхлипнула.

— Что теперь будет? — спросила я.

— Ну что ж... Я могу сказать тебе вот что: чем сильнее ты цепляешься за него, тем более неловким это будет становиться. Так что ты можешь торчать здесь неделями или, возможно, даже месяцами, наблюдая, как он медленно превращается в эмоционального зомби, или ты можешь покончить с этим на своих условиях, когда захочешь. — Он озамолчал и уставился на меня. — Почему ты улыбаешься?

— После того, как мы расстались в первый раз, я думала о себе как об эмоциональном зомби. Но тот, который нуждался в объятиях, — смущенно объяснила я.

— Ну, Коннору не нужны объятия, ему нужен пинок под зад.

Я рассмеялась, но смех этот умер быстрой смертью. Я умоляюще посмотрела на Себастьяна.

— Что я должна делать?

Себастьян на несколько мгновений задумался. Я видел, как вращались колесики, пока он, наконец, не пришел к какому-то выводу.

— Оставь его. Как можно скорее.

— Что?! — Я уставился на него.

— Я что, заикался? — язвительно спросил он.

— Но почему?!

— Потому что всегда лучше быть тем, кто сбежал, чем быть тряпкой у двери. Прямо сейчас он боится, что прикован к тебе наручниками — из-за того, что он сказал, из-за того, что ты для него сделала, — и это заставляет его паниковать и вести себя совершенно иррационально. Ему следовало бы больше бояться потерять тебя, но сейчас это даже не входит в его планы. Он не может разглядеть лес за деревьями, потому что его голова в дупле.

— Так... ты говоришь, я должна заставить его бояться потерять меня?

— Вот именно. Ты не удержишь мужчину, сказав ему, что боишься его потерять. Ты

удерживаешь его, заставляя бояться, что он потеряет тебя.

— И что потом?

Себастьян пожал плечами.

— Может быть, это будет тем пинком под зад, который ему нужен, чтобы увидеть, что ты не какой-то там шарик на цепочке, что ты та, кто ему нужен. И если он не сделает шаг вперед, он потеряет тебя.

— Но ты сказал, что он ненавидит ультиматумы! Ты сказал, что женщины хотели большего, чем он был готов дать, а он всегда их бросал...

— Я сказал оставить его, я не говорил ставить ему ультиматум. Миранда бросила его, и он был совершенно разбит. И эта сучка ему совершенно не подходила. Яд в красивой бутылочке. Ты...

Здесь он остановился, склонил голову набок и оглядел меня с ног до головы.

— Ну, ты далека от совершенства, но ты чертовски лучше любой другой женщины, которую я видел с тех пор, как приехал сюда. К тому же у тебя есть потенциал.

Я прищурилась и саркастически пробормотала:

— Спасибо за вдохновляющую речь.

Он пожал плечами.

— Я называю это так, как я это вижу.

— Я должна просто попрощаться с ним?!

— Ну, не говори глупостей по этому поводу. Держи дверь открытой, когда будешь уходить. Не будь стервозной или холодной, но ты должна провести черту на песке и быть готовой придерживаться ее. Поговори с ним, на всякий случай, если я что-то не так понял, в чем я серьезно сомневаюсь, но будь тверда. Скажи ему, чтобы он пришел навестить тебя, когда разберется со своим дерьмом, но что ты не будешь ждать вечно.

— Но... он миллиардер с неограниченным выбором. Я... А я никто.

Себастьян посмотрел мне прямо в глаза.

— Так думает половик, а не тот, кто сбежал. И нет, у него нет безграничного выбора женщин, по крайней мере, тех, кого он на самом деле любит. Но почему он должен хотеть быть с женщиной, которая ходит вокруг да около и ноет: «Бедная я, что он вообще может во мне любить?»

Я вздрогнула.

— Ой.

— Я называю это так, как я это вижу. — Он снова пожал плечами.

Я сидела там, прокручивая в уме эту возможность. Мысль о том, чтобы сделать это, была ужасающей, выворачивающей душу, мучительной... Но...

— Ты думаешь, это сработает?

— Честно говоря, я не знаю. Я полагаю, если ты сделаешь это, у тебя может быть двадцатипроцентный шанс. Может быть.

— А что, если я останусь?

— В лучшем случае один процент. Кроме того, если это не сработает, что ж... по крайней мере, ты должна уйти на своих собственных условиях.

Мой язвительный голосок прошептал что-то мне на ухо, и это было достаточно зло, чтобы я не могла его проигнорировать.

— Ты просто пытаешься избавиться от меня?

— Милая, если бы я хотел избавиться от тебя, я бы не стал рассказывать тебе о том, как

сильно он любит ультиматумы. Я бы посоветовал тебе пойти к нему и потребовать, чтобы он сдался по-твоему. Может быть, даже сказать ему, чтобы он надел тебе кольцо. Он бы наверняка вышвырнул тебя вон. Или я бы просто сказал тебе, что это ерунда, просто остаться здесь навсегда и переждать это. Я, конечно, не дал бы тебе лучшего плана игры, какой только мог придумать.

Все, что он говорил, звучало как правда.

Даже если вначале он едва терпел меня и все это время периодически бывал стервозным, Себастьян всегда был честен в том, что он думал. Иногда это бывает мучительно. Теперь не было причин сомневаться в нем.

Я печально покачал головой.

— Я не знаю, настолько ли я храбрая...

— Ты справишься. — Его голос был уверенным, решительным.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты сожгла все мосты, чтобы Коннор мог заняться своей маленькой штучкой с солнечной энергией.

— Это не «маленькая штучка с солнечной энергией», — горячо запротестовала я, — это поможет миллиардам людей...

— И это его мечта, — добавил Себастьян слащавым голосом, как у-у-у, Лили и Коннор, сидящие на дереве...

— ...и это его мечта, — согласилась я, чувствуя себя глупо.

Себастьян ткнул в меня пальцем.

— Это прямо здесь? Это «это его мечта, и ему это нравится, поэтому я должна сделать его счастливым»? Вот почему он такой гребаный идиот.

— Это то, за что, что я тебе нравлюсь?

— Нет, дурочка, за то, что бросил тебя.

У меня защемило сердце, но уголок рта слегка приподнялся.

— Я, конечно, не сделал бы того, что сделала ты, — сказал Себастьян.

Еще несколько слов Коннора прокручивались у меня в голове:

«Они друзья, и я бы позаботился о них, если бы что-то случилось. Но если бы мне пришлось пожертвовать ими сегодня, я бы так и сделал».

— Да, но это было просто то, что я сдалась... неважно, — сказала я.

— Неважно?! Я думаю, ты имеешь в виду свою жизнь, — отрезал Себастьян. — Это снова говорит коврик у двери.

Я не хотела вступать в спор, поэтому просто сказала:

— Я не знаю, смогу ли я вынести его потерю.

— Что ж, дорогая, — небрежно сказал он, — если ты ничего не будешь делать и просто будешь придерживаться намеченного курса, ты его уже потеряла. Это всего лишь вопрос времени.

Это все еще был голос Себастьяна, высокий и слегка женственный, но то, что я слышала, с таким же успехом могло быть церковными колоколами, глубокими и зловещими, звенящими во время похорон или предвещающими какую-то надвигающуюся гибель.

Себастьян оказался прав, как бы я ни пыталась это отрицать.

Первым признаком было то, что Коннор не позвонил в пятницу.

Но да, ура, позвонили мои родители.

Не хочу задерживаться на этом разговоре. Скажем так, это было невероятно ужасно. Никому из вовлечённых в такие истории никогда не бывает приятно, когда отец узнает, что папина маленькая девочка занимается сексом. Немного сумасшедшим, раскованным, слегка извращённым сексом.

Добавьте сюда то, что в вечерних новостях транслируют фотографии всего этого, и вы получите Наихудшую Ситуацию из Возможных.

Я узнала, что с моими родителями связались десятки репортёров, как дома, так и на работе. Местные съёмочные группы в этот момент разбили лагерь перед их домом.

Думаю, я извинялась примерно тысячу раз.

Единственный раз, когда я разозлилась, это когда мой отец начал ругать Коннора и называть его мерзавцем. Я защищала его — конечно, защищала! — хотя именно этого и не хотела делать. Не после моего вчерашнего разговора с Себастьяном.

После телефонного разговора с родителями, который длился пару лет (на самом деле ровно 32 минуты), я заказала бутылку вина и сильно напилась.

Себастьян был занят до 8 вечера, а после того как все его звонки были сделаны, он присоединился ко мне.

Беру свои слова назад, Коннор в пятницу всё же позвонил. В половине одиннадцатого. Пока мы с Себастьяном смотрели повторы сериала «Хор» (В конце концов, он измотал меня своими просьбами включить его).

Коннор казался усталым.

— Эй, как дела?

Звук его голоса отрезвил меня. Наполовину. Конечно, другая половина всё ещё была чертовски пьяна.

— Хорошо, — солгала я.

— Это Коннор? — позвал Себастьян из бара, где смешивал что-то розовое с мараскиновой вишней.

— Да, — закричала я.

— Передай придурку привет от меня! — фыркнул Себастьян.

— Себастьян передаёт тебе привет, — озвучила я отредактированную версию.

— Я его слышал, — сухо сказал Коннор. — Ты пила?

Упс.

Он помолчал несколько секунд.

— Лили...

— Как дела с поли... политиками? — пробормотала я.

— Довольно хорошо. В частном порядке все они говорят, что поддерживают меня, но некоторые из довольно консервативных кругов, где их избиратели думают, что всё связанное с солнечной энергией — странный социализм Обамы. Но стоит мне достать чековую книжку, как они тут же забывают о своих избирателях. Большинство этих парней у меня в кармане, потому что им нужна куча денег на их кампании по переизбранию. Даже если мой отец доберётся до них, в первую очередь им придётся беспокоиться о первичном внутрипартийном голосовании. С этими парнями государственного уровня всё в значительной степени гарантировано, но никогда не знаешь наверняка. Губернатор определён в курсе.

— Это здорово, — нерешительно сказала я.

— И я никак не смог бы сделать это без тебя. Серьёзно, именно ты сделала всё это возможным.

— Рада была помочь, — сказала я легкомысленно, потому что иначе получилось бы угрюмо.

Он помолчал ещё несколько секунд. Я уловила нерешительность в его голосе, когда он продолжил:

— Послушай, я не хотел бы возвращаться к тому, что тебе сказал, но...

Что-то дикое вскипело во мне.

— Тогда НЕ НАДО.

Он казался удивлённым моей вспышкой, но продолжил настаивать своим в высшей степени разумным тоном.

— У меня есть ещё некоторые незавершённые дела, которые нужно...

— Я сегодня разговаривала с родителями, — перебила я его.

Он замолчал секунд на пять.

— ...как всё прошло?

— Скажем так, никогда в жизни не хочу снова вести этот разговор.

— Ну да, наверное, было не очень.

— Но ты и я... ты и я..., — в пьяном состоянии я не могла до конца понять, что было правильным. — Нам нужно поговорить.

Я услышала, как он вздыхает.

— Ладно, начинай.

— Нет. Не по телефону.

— Хорошо, я смогу вернуться в воскресенье...

— НЕТ. Завтра. Как ты и обещал.

— Я же говорил тебе, что у меня есть кое-какие незавершённые вопросы...

— Забавный способ показать признательность тому, кто «сделал всё это возможным», — огрызнулась я.

Себастьян возле бара изобразил «О-о-о, ЖГИ!» гримасу.

Но, клянусь Богом, Коннор только усмехнулся.

— Значит, вот так, ага.

— Ага. Вроде того.

— Требуешь погашения долгов?

— Примерно один процент от моих непогашенных долгов, — резко сказала я. — Не говоря уже о том, что именно это ты и пообещал мне с самого начала.

Себастьян молча размахивал руками, как мог бы это делать натурал, если бы его любимая футбольная команда забила тачдаун.

Последовал ещё один долгий вздох Коннора.

— Я вернусь завтра вечером.

— Спасибо. — И именно это я и имела в виду.

— Спокойной ночи, Лили. Отдохни.

То, каким покровительственным тоном он это сказал — типа, эй, маленькая пьяница, береги себя — меня взбесило.

— И тебе того же, — сказала я и повесила трубку прежде, чем он успел ответить.

— Ох, девочка, это было жестко, — хихикнул Себастьян с напитком в руках и плюхнулся на диван рядом со мной.

— Придурок передаёт привет, — пробормотала я.

— Ты должна была передать ему, что я произнёс. Я имею в виду часть про придурка.

— Он сам услышал.

— Так ты собираешься поговорить с ним завтра вечером? — спросил Себастьян, приподняв одну бровь.

— Ага, — нерешительно подтвердила я.

— Что бы ни случилось, уверен, что всё обойдётся, — сказал он и утешительно похлопал меня по руке.

Мой взгляд говорил лишь об одном: чувак, с какой ты планеты?

— Ты же понимаешь, что я должен был это сказать, — пробормотал он, а затем снова повернулся к телевизору. — Давай, нажимай на плей, хочу посмотреть, как Курт и Блейн обнимаются.

Я проснулась с ощущением лёгкого, но вполне терпимого похмелья. К полудню всё прошло, так что это дало мне дополнительные восемь часов, перед возвращением Коннора.

В час дня я приняла душ, сделала макияж и причёску. Потом надела сексуальное голубое платье, надеясь, что это немного смягчит его.

Я не хотела звонить и приставать с расспросами о том, том, когда он прибудет, поэтому просто попросила Себастьяна проверить, когда приземлится его самолёт. Узнав, что это произойдёт только после семи вечера, я позвонила в обслуживание номеров, и, дождавшись официанта, в одиночестве съела свой ранний ужин. Себастьян всё ещё работал как маньяк посреди торнадо телефонных звонков.

Когда Коннор, наконец, появился после восьми, он выглядел усталым. Измождённым. На самом деле я была шокирована тем, каким утомленным он выглядел.

Он улыбнулся мне скорее ласково, чем страстно, потом подошёл и крепко обнял, нежно целуя в лоб.

Не в губы.

Закончив, он отступил назад и улыбнулся.

— Рад тебя видеть.

Я натянуто улыбнулась, затем прижалась к его груди... и подумала, не в последний ли раз.

Джонни, вошедший следом, выглядел таким же измождённым.

— Привет, Джонни.

— Привет, Лили.

— Ты в порядке?

— Он точно не упрощает мне жизнь, — сказал он, глядя на своего босса.

— Да, это не про него, — согласилась я.

— Есть какие-нибудь проблемы? — спросил Коннор у Себастьяна.

— Ничего такого, с чем я не мог бы справиться. — Себастьян был вежлив, но хладнокровен.

— Спасибо, что уладил ситуацию с Васколиц.

Что бы это ни значило.

— Я живу, чтобы служить тебе, — сказал Себастьян с лёгким намеком на сарказм.

Мы все стояли, глядя друг на друга.

— Ну, это был долгий день, — объявил Коннор.

— Мы уходим, — сказал Себастьян. По пути к двери, он бросил на меня взгляд, безмолвно желая удачи.

— Спокойной ночи, Лили, — сказал Джонни.

— Спокойной ночи, — ответила я с ноткой грусти в голосе, пока они с Себастьяном шли к двери.

Теперь мы с Коннором остались одни.

— Как поездка? — спросила я, играя послушную жену.

Коннор вздохнул и сел на диван.

— Не думаю, что ты действительно хочешь об этом говорить.

Нет. Не хочу.

— Ты уже поужинал? — спросила я.

— Да, в самолёте, — ответил Коннор. — А ты?

— Перекусила немного раньше, не знала, когда ты появишься, — ответила я, пытаюсь (увы, безуспешно) сдержать обвинительный тон.

Мы молча смотрели друг на друга.

Это напомнило мне первую ночь, которую мы провели здесь. Когда мы играли в карты, и он заставил меня ползти к нему на четвереньках.

Но тогда молчание было прелюдией к соблазнению, теперь же оно причиняло боль, и счастливого конца здесь точно не предвиделось.

Шутка дня.

Он вздохнул и откинулся на спинку.

— Почему ты не говоришь о том, что тебя беспокоит? Ты же шантажом заставила вернуться пораньше, — добавил он со смесью обиды и раздражения.

Я рассмеялась, холодно и бесстрастно.

— Я шантажировала тебя?

Кажется, он понял, что зашёл слишком далеко.

— Прости, плохое слово выбрал.

— Плохое слово, — согласилась я. — Или плохое отношение.

Он уставился на меня.

— Чего ты хочешь, Лили?

Я долго молчала. А потом решила, чёрт возьми.

— Я хочу, чтобы ты сказал, что любишь меня и имел это ввиду.

Коннор посмотрел на меня бесстрастным взглядом. Потом закрыл глаза..., наклонился вперёд и спрятал лицо в ладонях.

Часть меня умерла вместе с этим его жестом.

— Этого я и боялся, — пробормотал он.

— Боялся чего? Что в тот раз, когда ты это сказал, я поверила тебе?

Он опустил голову, но не так, будто ему было стыдно. Как будто он не хотел идти в бой, но был вынужден это сделать и собирался с силами. Наконец, он посмотрел на меня.

— Прости.

— За что?

Он закрыл глаза, не желая смотреть на меня.

— Я сказал это слишком рано.

— Ты мне это уже говорил.

— Тогда я не знаю, что ещё тебе сказать.

Он встал с дивана, подошёл к бару и достал стакан и бутылку.

— Не надо, — сказала я.

Он поднял на меня глаза.

— Что не так?

— Не пытайся сбежать. Не используй это..., — я показала на алкоголь, — ...чтобы выбраться из ситуации.

— Я не...

— И себе тоже не лги. Я же это вижу.

Вспышка гнева отразилась на его лице, и он поставил бутылку на стол.

— Отлично, — сказал он и развёл руки в стороны. — Чего ты хочешь от меня?

— Я уже говорила тебе.

— Ну, прямо сейчас я не могу тебе этого дать.

Мои плечи поникли.

— Почему нет?

— Почему нет?! — Он начал злиться, по-настоящему злиться. — Потому что я не могу, вот почему!

Я стояла посреди комнаты, одинокая и испуганная.

— Себастьян говорит, это потому, что ты не любишь быть в долгу перед людьми, но подсознательно чувствуешь, что ты мой должник.

— О, теперь и он? — саркастически спросил Коннор.

— И потому что ты боишься, что я причиню тебе боль, как это сделала Миранда.

— Миранда не причинила мне никакой боли, — холодно сказал Коннор.

— А теперь мы оба знаем, что ты лжёшь, — мягко заметила я.

Он отвернулся, сжав челюсти.

— Я не хочу, чтобы это было вот так, — прошептала я.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

— А как тогда ты хочешь, чтобы было?

— Как было до появления Миранды. До того, как случилась вся эта хрень.

Он смягчился.

— Я тоже.

— Так почему у нас не получается?

— Просто тяжело, вот и всё. — Он снова отвёл взгляд.

— Что в этом тяжелого? — умоляла я. — Я тебя люблю. И хочу, чтобы ты любил меня. Вот и всё.

Коннор вздохнул так, будто глубоко внутри его разъедала боль.

— Я люблю тебя. Но... не знаю. Тут что-то другое.

— Ну да, двадцать тысяч репортёров спрашивают тебя, собираешься ли ты жениться.

Он посмотрел на меня с легкой улыбкой на губах.

— Может, в этом и дело.

— Игнорируй их.

— Я пытаюсь.

— Тебе отлично удаётся плевать на чужое мнение, так почему теперь оно тебя беспокоит?

Он закрыл глаза и снова покачал головой.

— Я уже сказал, что признался слишком рано.

— И?

— И... возможно, Себастьян прав. Наверное, я боюсь открыться из-за Миранды. И я не могу это контролировать, Лили. Мне нужно время.

— Он говорит, что ты считаешь меня своей слабостью, — прошептала я.

Он посмотрел на меня и то ли нахмурился, то ли улыбнулся, будто это заявление показалось ему милым, но очевидным.

— И это я тебе тоже уже говорил.

— И что ты хочешь только то, что сложно получить. А как только получаешь желаемое, то сразу теряешь интерес. — Коннор промолчал. Я посмотрела на него, на глаза навернулись слёзы. — И поскольку ты знаешь, что можешь заполучить меня целиком и полностью... Я больше для тебя не вызов. Значит, ты не так сильно меня хочешь. Не так, как хотел Миранду.

Он выпрямился, на лице отразился гнев.

— Это грёбаная ложь!

И в тот самый момент я поняла, что это правда. Но проблема заключалась не только в этом... просто все вместе взятое напоминало темный непроходимый лес.

И теперь я точно знала, что должна была сделать.

— Вот почему я думаю, что было бы хорошо, если бы мы... провели некоторое время порознь, — прошептала я.

Гнев сошёл с его лица, вместе с ним отхлынула и вся кровь.

— Что ты такое говоришь?

— Я не думаю, что ты на сто процентов уверен в этом, и... и я не хочу ничего меньшего, чем все сто процентов, — сказала я дрожащим голосом. — Так что... пока ты не решишь, что тебе нужна я... и только я... может быть... нам просто не следует видеться.

Он обогнул бар, лицо его осунулось, губы были плотно сжаты. Коннор подошёл ко мне, положил руки по обе стороны от моей головы и приподнял моё лицо, чтобы я посмотрела ему в глаза.

— Ты же не имеешь это в виду, — прошептал он.

Я улыбнулась, хотя по щекам текли слезы.

— Честно говоря, если бы это касалось только меня, я взяла бы девяносто процентов или восемьдесят, или даже ещё меньше..., но думаю, что, сделай я это, в конце концов, ты бы просто... ушел. Ты, Коннор, человек того сорта, которому нужно всё или ничего. Для тебя вещи представляют интерес только полностью или вообще никак. И я не хочу ждать, пока превращусь для тебя в ничто.

Выражение его лица было измученным, пока он держал меня в своих руках.

— Ты не ничто, никогда им не станешь...

— Но если ты находишь предлог, чтобы не быть со мной в такое время, то... я вроде как уже и есть ничто.

Он покачал головой.

— Неправда. Чёрт бы побрал этого Себастьяна...

Я приложила палец к его губам, заставляя замолчать.

— Не вини Себастьяна. Он просто называет вещи своими именами..., вот поэтому ты ему и доверяешь.

— Но я..., — он заколебался... и так и не закончил фразу.

Я печально улыбнулась.

— Я тоже тебя люблю. Но разница в том, что я могу это сказать.

— Я могу сказать, — настаивал он.

— Так скажи.

— Я тебя люблю.

Это прозвучало механически. Безжизненно.

Просто слова.

— Я бы предпочла, чтобы ты не говорил этого, пока не будешь готов.

— Это всего лишь временная неудача, Лили, — сказал он, переходя на деловой язык. —

Это из-за стресса, всё пройдёт...

— И я буду ждать тебя, буду ждать, когда это произойдёт. Но до тех пор... не думаю, что нам следует видеться.

Коннор, теперь по-настоящему злой, убрал руки от моего лица.

— Так вот что ты делаешь, когда что-то идёт не по-твоему?

— Я делаю это, чтобы защитить себя.

— Почему тебе нужно себя защищать?

— Ты уже разбил мне сердце, Коннор, — прошептала я. — Сколько ещё во мне ты хочешь сломать?

После этого он очень долго молчал, пока наконец не произнес:

— Не знаю.

— Тогда дай мне уйти. Если всё ещё хочешь меня, то придешь за мной. А если нет..., отпустишь.

Он положил руки мне на плечи и наклонил голову, с тоской прижимаясь своим лбом к моему.

— Я хочу тебя.

— Тогда небольшая разлука ничего не изменит.

И опять долгое молчание. Наконец он погладил меня по щеке.

— Вот и всё? Вот так ты и собираешься уйти?

Я посмотрела в сапфировую глубину его глаз.

— Что ты хочешь?

— Остайся со мной, — прошептал он. — Ещё одна ночь... дай мне ещё одну ночь, прежде чем уйти.

Мне понадобилась целая вечность, чтобы ответить.

Всё рациональное и логичное в моей голове кричало: «Нет! Уходи! Зачем рисковать ещё больше?»

Но моё сердце и моё тело так сильно хотели его.

— Хорошо, — наконец согласилась я.

Это было самое болезненное занятие любовью... и самое сладкое.

Коннор целовал меня так нежно, его губы едва коснулись моих. Его ладони скользнули по моим обнажённым плечам и рукам, пока не обвили мою талию, привлекая к себе.

Я поцеловала его сначала мягко, потом страстно, желая, чтобы это длилось до конца моей жизни, если понадобится. Чтобы, по крайней мере, я не сожалела о том, что сдержалась.

Коннор ласкал мою обнажённую кожу, целовал мои уши, шею, грудь.

Я откинула голову назад и застонала, когда он стянул с меня платье и поцеловал мои соски, лаская их, облизывая, посасывая.

Он наклонился и поднял меня на руки, а затем отнес в спальню, где осторожно уложил на матрас.

Я стала возиться с его одеждой, пока он расстёгивал молнию на моём платье.

Я даже не заметила, как мы сняли одежду, потому что Коннор устроился рядом со мной на кровати. Его тело было твёрдым и мускулистым, а тёплые и нежные руки касались моего живота, бёдер, гладили меня между ног.

Я ласкала его член, пока он целовал меня. Когда Коннор навис надо мной, я направила его член внутрь себя.

Он медленно проникал между моими складками, его член погружался в меня всё глубже и глубже, пока я задыхалась от острых ощущений.

Он раскачивался между моими ногами, его толщина наполняла меня, руки не прекращали скользить по моей груди, шее, рукам, бедрам, ногам.

Понимая, что это может быть наш последний раз, я заплакала.

— Лили..., — прошептал он нежным и полным боли голосом.

— Не останавливайся, — ответила я и прижала его голову к своей шее. Я чувствовала его движения внутри себя, как уже дюжину раз прежде, но всё, на чем я сейчас могла сосредоточиться, — это сладость и горечь момента.

Коннор посмотрел на меня, обхватил моё лицо руками, останавливая губы были в дюйме от моих.

— Скажи, чего ты хочешь? — выдохнул он, пока наполнял меня снова и снова, пока его бёдра двигались внутри меня.

Я отрицательно покачала головой и закрыла глаза.

— Скажи мне, — выдохнул он, его голос был не громче шёпота. Я прикусила губу. Я не хотела говорить. — Скажи, — настаивал он, нежно потянув за волосы у меня на затылке.

— Скажи, что любишь меня, — прошептала я в ответ. Его бёдра перестали двигаться, и я почувствовала, как он замер внутри меня. — Даже если не всерьёз... просто... скажи, что любишь меня, — прошептала я, пока слёзы стекали по моим щекам.

Он нежно, так нежно поцеловал меня в губы и прошептал:

— Я люблю тебя, — Я выгнула своё тело навстречу к нему, и он снова начал двигаться, шепча: — Я люблю тебя.

Коннор ускорился, его толщина наполняла меня, проникая глубоко, в такие места, которых никто другой никогда не касался.

— Я люблю тебя, — прошептал он, и я почти начал верить, что он имел в виду именно

это. Я царапала ногтями кожу на его спине. — Я люблю тебя, — прошептал он мне на ухо, целуя мочку.

Я застонала и сжала его ягодицы, направляя ещё глубже в себя.

— Я люблю тебя, — прошептал он, ускоряясь, вонзаясь в меня всё сильнее и сильнее.

— Я тоже тебя люблю, — выдохнула я, чувствуя, как он овладевает мной, наполняет меня, пожирает меня.

— Я так тебя люблю, — снова прошептал Коннор.

Я подняла глаза, и сквозь слезы увидела, как он пристально смотрит на меня. Я застонала и ещё крепче обхватила его задницу, наслаждаясь тем, какой мощной и твердой она была под моими руками, получая удовольствие от того, как его мускулы напрягаются и перекачиваются, пока он, раскачиваясь, вонзается в меня.

Удовольствие и боль, грусть и потеря — всё смешалось внутри меня в один клубок, и слёзы полились ручьём, когда я почувствовала приближение оргазма.

— О, Лили, — выдохнул Коннор, вонзаясь в меня всё сильнее и сильнее. — Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя...

А потом я кончила, вонзаясь пальцами в его плоть, пытаюсь заставить его войти в меня ещё глубже. Я любила каждый дюйм его члена внутри меня, любила ощущение его рук, вес его тела, что давил на меня. И тут я почувствовала, как он набухает и взрывается внутри меня жидкой лавой. Мы кричали и задыхались, его губы прижимались к моим. Толчки Коннора наконец прекратились... как и моё блаженство.

— Я люблю тебя, — прошептал он, прижимаясь ко мне и прокладывая дорожку поцелуев от шеи до губ. — Я тебя люблю...

В этот момент я на мгновение поверила ему, и от всего сердца прошептала в ответ: — Я тоже тебя люблю...

Мы лежали в кровати, крепко обнявшись. Коннор прижимался ко мне сзади, а я наслаждалась теплотой его кожи, вкушала ощущение его твёрдых мускулов на моих более мягких изгибах.

Я пыталась запомнить каждое мгновение на случай, если мне никогда больше не придётся испытать эти чувства.

Он прижимался к моей спине, так что не видел моего лица и тех случайных слёз, что, скатываясь по моим щекам, исчезали в наволочке. Я сморгнула их и попыталась сосредоточиться на своих ощущениях, не позволяя печали отвлечь меня от последних мгновений с Коннором.

Мои последние мгновения с ним, по крайней мере, пока он не поймет, что ему нужно.

Пока не решил, что любит меня и готов это сказать.

Только на время я позволила себе обмануться, поверив, что это не займёт много времени.

Через несколько минут я услышала, как ритм его дыхания замедлился и превратился в длинные, глубокие вдохи. Я продолжала лежать, ощущая его тело, пытаюсь запомнить всё, что только могла..., заставляя себя сделать то, чего мне так не хотелось.

Часть меня хотела заснуть, забыть всё, что он сказал до того, как мы занялись любовью, забыть всё, что сказал Себастьян. Просто проснуться завтра утром и притвориться, что всё в порядке и просто плыть по течению.

Может, всё изменилось бы.

Может, всё стало бы лучше.

Но моё сердце разрывалось от мысли, что для Коннора я стала обязанностью, а не пристанищем. Кем-то, от кого нужно держаться подальше, а не к кому хочется возвращаться.

Но мне все равно потребовалось ещё тридцать минут, чтобы набраться смелости и сделать то, что было необходимо.

Я осторожно выскользнула из-под его руки, подняла с пола платье, туфли, нижнее бельё и сумочку.

Несколько секунд я размышляла, стоит ли поцеловать его на прощание, но я боялась, что разбужу Коннора. В конце концов, я проиграла этот спор с самой собой.

Наклонившись, я оставила на губах Коннора поцелуй — касание легче воздуха.

Он не пошевелился.

Возле двери, ведущей в гостиную, я на секунду остановилась и посмотрела на то, как мирно он спит. Попыталась во всех деталях запомнить это роскошное, восхитительное тело, а затем медленно закрыла за собой дверь. Свинцовая тяжесть разлилась по моим ногам. Господи, как же было тяжело.

В гостиной я бесшумно оделась. А потом, оглядевшись вокруг и вспомнив все те удивительно чувственные вещи и всепоглощающие эмоции, которые я здесь испытала, разрыдалась. Я едва не сдалась и не вернулась обратно в спальню, но слова Себастьяна не выходили у меня из головы.

«Ты должна провести линию на песке и не переступить ее. Если ничего не сделаешь, точно потеряешь его. Это только вопрос времени».

Оказавшись у двери, я остановилась.

У лифта стояли два телохранителя.
И как мне пройти мимо них?
Похоже, мне понадобится помощь.

Два массивных тела в костюмах всё так же маячили у лифта. Они с любопытством наблюдали за мной, пока я, пройдя через холл к единственной другой двери на этом этаже, тихо постучала в неё.

Прошло, наверное, секунды три, прежде чем она открылась.

На пороге, вопросительно изогнув брови, стоял Себастьян. В нескольких футах позади него виднелся Джонни с серьёзным и встревоженным выражением лица.

Я расплакалась.

Себастьян втянул меня в комнату и обнял.

— Тише, тише, — пробормотал он. — Иди сюда.

Примерно через тридцать секунд я отстранилась. Джонни протянул мне коробку салфеток.

Я застенчиво улыбнулась ему, но взяла парочку.

— Спасибо.

— Я так предполагаю, всё прошло не очень хорошо, — сказал Себастьян.

— Всё прошло не так уж плохо, — ответила я, едва сдерживая рыдания. — Но... всё произошло так, как я и предполагала.

— Ты провела черту на песке?

— Да.

Он одобрительно кивнул.

— Это всё, что ты можешь сделать в данный момент. Остается только ждать.

Я посмотрела на Джонни.

— Извини, что не дала тебе поспать. Знаю, ты устал.

Он пожал плечами и одарил меня застенчивой улыбкой.

— Себастьян рассказал мне все грязные подробности. Так что мы, э-э... мы болели тут за тебя.

Я улыбнулась и чуть снова не заплакала.

— Мило. Спасибо.

— Просто чтобы ты знала. Я люблю Коннора, но иногда он бывает настоящим идиотом.

— Он..., — начала я, но не нашла, как закончить свой вопрос.

Однако Джонни всё понял.

— С тех пор, как мы улетели, он постоянно был взвинчен. Но он придёт в себя. Как только всё эта ситуация устаканится... он осознает, — заверил меня Джонни.

Я улыбнулась. Я ценила утешительные слова, но какая-то часть меня не была так уж уверена, что он прав.

— Я, э-э... не хочу беспокоить вас, ребята, но чтобы вызвать такси, мне нужно пройти мимо охраны. Боюсь, что они разбудят Коннора, если я...

— Я отвезу тебя, — твёрдо сказал Джонни.

— Думаю, ты должен остаться здесь с...

— Я отвезу тебя.

Я сдалась.

— Хорошо... спасибо.

Себастьян вытащил визитку и сунул её мне в руку.

— Если тебе что-нибудь понадобится — что угодно, совет, помощь, или плечо, чтобы поплакаться — позвони мне.

— Я ценю это, Себастьян, но...

— Лили, какой язык ты изучала в старшей школе, французский или испанский?

Я нахмурилась, не понимая, какое это может иметь значение.

— Французский.

— Значит, ты знаешь, в чем разница между «adieu» и «au revoir».

Adieu — это сокращение от A Dieu, «пока не встречу Бога», или прощай навсегда, пока мы не встретим Творца. Au revoir, с другой стороны, означает, «пока мы не увидимся снова».

— Да, — ответила я.

— Тогда ты поймёшь, что я говорю, «au revoir», а не «adieu».

Я улыбнулась, несмотря на слёзы.

— Хорошо.

— Я буду на связи, — сказал он и ещё раз обнял меня. — Будь Тем, кто Ушёл (*отсылка к песне Кэтти Перри), ладно?

— Хорошо, — прошептала я. — Спасибо.

— Как всегда, с превеликим удовольствием.

Он грустно улыбнулся, когда Джонни обнял меня за плечо и вывел в холл.

Джонни взял ключ у парковщика, сказав, что собирается забрать машину, а затем повёл меня вниз по пандусу.

— Можно я поеду на пассажирском сидении впереди? — спросила я, когда мы подошли к Bentley.

— Конечно, — удивлённо улыбнулся он и открыл мне дверь, а затем обошёл машину, чтобы сесть за руль.

Мы выехали не нашим обычным путём, а через чёрный ход, мимо погрузочной площадки для поставщиков продуктов. Не было ни папарацци, ни фотографов. Первые несколько кварталов мы проехали молча, но, в конце концов, я не выдержала.

— Можешь рассказать мне немного больше о том, как Коннор вёл себя в поездке? — спросила я. — Я просто... мне нужно знать, что я не идиотка.

— Нет, ты не идиотка, — заверил он меня. — Ты ему действительно нравишься, очень. Больше, чем кто-либо, кроме...

Он спохватился и одарил меня обеспокоенным взглядом.

— Больше, чем Миранда? — спросила я.

— ...ну... до того, как она превратилась в злую психопатку, — смягчился он.

Я улыбнулась.

— Она такая.

— Я думаю, он мог бы даже... ну, знаешь..., — он сделал паузу, явно чувствуя себя неловко, — ...полюбить тебя.

Я не стала объяснять, что Коннор уже сказал мне эти слова, но они пронзили моё сердце, как шипы.

— Просто для него это был невероятный стресс, — продолжил Джонни, а затем поспешно добавил: — Это не значит, что все случившееся не было адом и для тебя. Знаю, что так оно и было, ты ведь никогда раньше даже не попадала в подобные ситуации, ну... я имею в виду..., — он замолчал, выглядя при этом несчастным. — Я только делаю хуже, да?

— Я ценю твои усилия, — улыбнулась я.

Он тяжело вздохнул.

— Я очень надеялся, что ваши отношения продлятся дольше. Ему нужна такая женщина, как ты, Лили. Кого-то добрый и хороший и, ну, просто потрясающий во всех отношениях.

Я грустно улыбнулась, мысленно отметив, что он очень *надеялся*, что это продлится дольше.

В прошедшем времени.

Как будто всё закончилось.

— Хочу, чтобы ты знала: то, что ты сделала, просто невероятно. Противостоять Миранде вот так. Не могу представить никого другого, кто способен на подобное.

— Спасибо, Джонни.

— Он будет полным глупцом, если не поймёт этого.

Я засмеялась.

— В этом я с тобой соглашусь.

Из-за отсутствия пробок мы очень быстро добрались до моего многоквартирного дома.

— Тут есть запасной выход? — спросил он.

— Зачем?

— На случай, если перед домом ждут папарацци.

Вот дерьмо.

В уединённом укрытии пентхауса я уже и забыла, во что превратилась моя жизнь.

— Да, поверни сюда.

Мы проехали по боковой дороге. Рядом с тыльной стороной комплекса находилась малоиспользуемая входная дверь. Я хотела было выйти, но Джонни сказал:

— Подожди, — и выскочил, чтобы открыть мне дверь.

— Спасибо.

— Хочешь, я зайду с тобой внутрь?

— Нет..., всё в порядке.

— Хорошо..., ну... увидимся, Лили.

— Спасибо, Джонни. За всё, — сказала я, и, наклонившись, обняла его. — Береги себя.

Он тоже приобнял меня, немного неловко, как мог бы сделать крутой парень, который не привык держать в объятиях плачущих девушек.

— Не окажешь мне услугу? — спросила я после того, как мы обнялись.

Он посмотрел на меня с некоторым опасением.

— Какую именно?

— Позаботься о нём.

Он грустно улыбнулся мне и кивнул.

— Будет сделано. Я подожду здесь, пока ты не окажешься внутри, хорошо?

— Хорошо. Пока.

— Пока.

Я прошла по тротуару к двери, едва переставляя ноги, снова налившиеся свинцом, и вытащила из сумочки ключи. Вставив их в замок и убедившись, что дверь открылась, я повернулась, что помахать Джонни.

Тот тоже махнул мне, а затем скользнул в Bentley. Машина тут же исчезла в темноте.

Через несколько секунд шум мотора тоже стих.

И просто так...

...сказка закончилась.

Перевод группы vk.com/bambook_clubs